

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№3 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №3 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 130.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77 - 75730.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; *В.В. Кондратьев* – д.пед.н., профессор;
Н.Н. Миронова – д.филол.н., доцент; *А.М. Саянова* – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Е.В. Асмолова, М.А. Волхонская, С.С. Терехова</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ УРАЛА В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «СЕРДЦЕ ПАРМЫ, ИЛИ ЧЕРДЫНЬ - КНЯГИНЯ ГОР»	7
<i>Е.В. Асмолова, С.С. Терехова</i> РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ НАРОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА	10
<i>К.Д. Даулетукаева, Т.Б. Джамбекова</i> ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ КОНЦЕПЦИЯ И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ЧЕЧЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПОЭТА НУРДИНА МУЗАЕВА	13
<i>И.Г. Кульсарина, Л.А. Пермьякова</i> САКРАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	16
<i>К.В. Ризаева</i> ЗАИМСТВОВАНИЕ, ПОДРАЖАНИЕ, ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Н. АЛЬБОВА	19
<i>А.А. Файзрахманова, К.О. Козлова</i> ОБ УТОПИЧЕСКИХ МОТИВАХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.А. БУЛГАКОВА	24
<i>М.Ю. Шиманская</i> МОРТАЛЬНЫЙ КОД В РАССКАЗЕ Л. УЛИЦКОЙ «AQUA ALLEGORIA»	27

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>М.А. Камалов, Г.Р. Рашидова</i> ВОЗДЕЙСТВИЕ СМИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	31
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Ф. Усманов, Р.Э. Сафаров, В.Д. Чистонов, Ф.Б. Рахматова, В.А. Перминова, Р.Н. Норматов, Б.С. Фаткуллин</i> ВКЛАД ПИСАТЕЛЯ, ЖУРНАЛИСТА Р.Б. АХМЕДОВА В РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА	35
<i>Г.А. Магомедов, М.З. Мамаева</i> МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ	38

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Л.Р. Бакирова, Л.У. Бикмаева, И.И. Файзуллина</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. КУЛЬТУРА РЕЧИ»	41
<i>Л.Ш. Мигранова</i> О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ-КОММЕНТАРИИ	44
<i>Е.Н. Рядчикова, А.А. Немыка, Е.Н. Рожик</i> ТЕРМИН «СЛОВЕСНОСТЬ» И ПОНЯТИЕ «СЛОВЕСНИК»: МЕТАЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ	47
<i>Т.С. Соколова</i> ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И СЛОВНЫХ ДЕРИВАТОВ	50
<i>О.И. Шарафутдинова, В.И. Поповская</i> ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	53

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Н.П. Андреева, Г.П. Терентьева, Е.В. Тихонова</i> МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕКСТАХ ПО РЕКЛАМЕ	56
<i>И.А. Бекин</i> ПРОБЛЕМА ПОЛИФОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДРАМЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ Л. ЛИНДЕРА «ЧЕЛОВЕК В ВАННЕ, ИЛИ КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ»)	59

<i>Д.В. Буц</i> АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЛЬЗА И ВРЕД	62
<i>Е.И. Горшкова</i> НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕБ-САЙТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА	65
<i>Е.А. Зудова, А.А. Казаков, Е.Г. Ножневникова</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ ОГРАНИЧЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	68
<i>Е.В. Комлева</i> К ВОПРОСУ О ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПЕРЦЕТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	74
<i>Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева, Е.А. Линева, Т.Г. Юсупова</i> АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	78
<i>Т.Е. Краутман</i> ОСНОВЫ ТЕХНИКИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	81
<i>М.А. Кузина</i> РОЛЬ ЭКЗОТИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТЕРРОРИЗМЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РОМАНА	84
<i>О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова</i> СИНОНИМИЯ И АНТОНИМИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)	87
<i>М.В. Салтыкова, М.В. Биянова, М.А. Кропачева, Е.С. Литвинова, О.В. Ельцова</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАНАЛОВ ИНТЕРНЕТ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ПРОФИЛЕЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	90
<i>А.А. Смирнов, С.С. Шумбасова</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	93
<i>Л.Г. Юсупова</i> АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	96
<i>Л.Г. Юсупова</i> ПРИРОДА ФЕНОМЕНА ПОЛИСЕМИИ В ЛИНГВИСТИКЕ	99

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Л.И. Василькова</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТЕ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)	103
<i>Л.И. Василькова</i> АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «УКРАИНСКИЙ КРИЗИС – ЭТО ВОЙНА» КАК ЧАСТНОГО СПОСОБА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)	106
<i>Т.Ф. Ерина, И.В. Уварова</i> ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ	109
<i>Г.С. Сатаева</i> ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИСКУРСЕ	112
<i>Ф.Б. Ситдикова, А.А. Кирпичникова, Э.В. Шустова</i> О ПОВТОРАХ ГЛАГОЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	115
<i>С.А. Якунин</i> НЕОРИТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ МЕДИАДИСКУРСА	118
АННОТАЦИИ	121

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>E.V. Asmolova, M.A. Volkhonskaya, S.S. Terekhova</i> THE RECONSTRUCTION OF THE RELIGIOUS MENTALITY OF THE URAL'S PEOPLES IN ALEXEY IVANOV'S NOVEL "SERDTZE PARMYI, ILI CHERDYN – KNYAGINYA GOR"	7
<i>E.V. Asmolova, S.S. Terekhova</i> THE RELIGIOUS MENTALITY OF PEOPLE IN THE ARTISTIC WORLD OF PATELEIMON ROMANOV	10
<i>K.D. Dauletukaeva</i> A VARIOUS SYSTEM AND GENRE VARIETY OF ARTISTIC CREATIVITY OF THE CHECHEN WRITER NURDIN MUZAEV	13
<i>I.G. Kulsarina, L.A. Permyakova</i> THE SACRALISATION OF WOMANHOOD IN RUSSIAN LITERATURE	16
<i>K.V. Rizaeva</i> BORROWINGS, IMITATION, TRADITION IN M. N. ALBOV'S WORKS	19
<i>A.A. Faizrakhmanova, K.O. Kozlova</i> THE UTOPIAN MOTIFS IN MIKHAIL BULGAKOV'S PUBLICISTIC WORKS	24
<i>M.Y. Shimanskaya</i> MORTAL CODE IN L. ULITSKAYA'S SHORT STORY «AQUA ALLEGORIA»	27

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>M.A. Kamalov, G.R. Rashidova</i> MEDIA IMPACT ON ELECTORAL BEHAVIOR	31
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.F. Usmanov, R.E. Safarov, V.D. Chistonov, F.B. Rakhmatova, V.A. Perminova, P.N. Normatov, B.S. Fatkullin</i> CONTRIBUTION OF THE WRITER, JOURNALIST RB AHMEDOVA IN THE DEVELOPMENT OF MEDICAL AND SPORTS JOURNALISM OF BASHKORTOSTAN	35
<i>G.A. Magomedov, M.Z. Mamaeva</i> MANIPULATIONS IN MODERN MEDIA	38

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>L.R. Bakirova, L.U. Bikmaeva, I.I. Faizullina</i> METHODOLOGICAL ASPECTS OF ORGANIZING A LECTURE SESSION ON THE SUBJECT "RUSSIAN LANGUAGE IN BUSINESS DOCUMENTATION. CULTURE OF SPEECH»	41
<i>L.Sh. Migranova</i> ON A LINGOCULTURAL GLOSSARY AND COMMENTARY	44
<i>E.N. Ryadchikova, A.A. Nemyka, E.N. Rozhik</i> THE TERM "SLOVESNOST" AND THE CONCEPT "SLOVESNIK": METALANGUAGE ASPECT	47
<i>T.S. Sokolova</i> THE EXPERIENCE OF A COMPARATIVE STUDY OF RUSSIAN PROVERBS AND WORD DERIVATIVES	50
<i>O.I. Sharafutdinova, V.I. Popovskaya</i> FEATURES OF THE TEXT LEGAL ORGANIZATION: DIACHRONIC ASPECT	53

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>N.P. Andreeva, G.P. Terentyeva, E.V. Tikhonova</i> TERMINOLOGICAL METAPHORS IN ADVERTISING TEXTS	56
<i>I.A. Bekin</i> THE PROBLEM OF POLYPHONY IN CONTEMPORARY SWISS DRAMA (IN LUKAS LINDER'S PLAY "DER MANN IN DER BADEWANNE ODER WIE MAN EIN HELD WIRD")	59
<i>D.V. Buts</i> ANGLICISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE BENEFITS AND HARMS	62
<i>E.I. Gorshkova</i> SOME LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF ADVERTISING TEXTS OF ENGLISH WEBSITES IN TOURISM	65

<i>E.A. Zudova, A.A. Kazakov, E.G. Nozhevnikova</i> THIRD PERSON LIMITED NARRATION: STRUCTURAL, SEMANTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE TEXT (BASED ON CONTEMPORARY ENGLISH FICTION)	68
<i>E.V. Komleva</i> TO THE QUESTION OF THE TEXT IMPLEMENTATION OF THE LEXICAL-GRAMMATICAL ASPECTS OF PERCERITY (ON MODERN GERMAN)	74
<i>E.G. Kotova, E.B. Saveleva, E.A. Lineva, T.G. Yusupova</i> ENGLISH PROVERBS OF BIBLICAL ORIGIN	78
<i>T.E. Krautman</i> BASICS OF THE TECHNIQUE OF TRANSLATION OF THE TEXT OF LAW FROM ENGLISH TO RUSSIAN	81
<i>M.A. Kuzina</i> ROLE OF EXOTIC LOANWORDS IN REPRESENTING THE PHENOMENON OF TERRORISM IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MULTICULTURAL NOVEL	84
<i>O.N. Poddubskaya, S.G. Larina, A.V. Sakharova</i> SYNONYMY AND ANTHONYMY AT THE SYNTACTIC LEVEL (BASED ON THE MATERIAL OF LITERARY TEXTS IN ENGLISH)	87
<i>M.V. Saltykova, M.V. Biyanova, M.A. Kropacheva, E.S. Litvinova, O.V. Eltsova</i> EDUCATIONAL INTERNET RESOURCES IN TEACHING CONVERSATION VOCABULARY TO STUDENTS MAJORING IN FOREIGN LANGUAGES	90
<i>A.A. Smirnov, S.S. Shumbassova</i> NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE	93
<i>L.G. Yusupova</i> ANTHROPOCENTRIC ATTITUDES IN LINGUISTIC RESEARCH	96
<i>L.G. Yusupova</i> THE NATURE OF THE POLYSEMY PHENOMENON IN LINGUISTICS	99

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>L.I. Vasilkova</i> POLITICAL METAPHOR IN NEWS REPORTS AS A MEANS OF PERSUASION (ON THE MATERIAL OF THE UKRAINIAN MEDIA)	103
<i>L.I. Vasilkova</i> ANALYSIS OF THE METAPHORICAL MODEL “THE UKRAINIAN CRISIS IS A WAR” AS A SPECIAL MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF “DOUBLE STANDARDS” (IN THE UKRAINIAN MEDIA)	106
<i>T.F. Erina, I.V. Uvarova</i> WAYS OF DEVELOPING TERMINOLOGY SKILLS IN TEACHING LATIN	109
<i>G.S. Sataeva</i> EVALUATION CATEGORY AS A DETERMINANT OF PERSONAL RELATIONSHIPS IN DISCOURSE	112
<i>F.B. Sitdikova, A.A. Kirpichnikova, E.V. Shustova</i> ON REPEATED VERBS IN CONVERSATIONAL SPEECH (BASED ON THE MATERIAL OF THE TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES)	115
<i>S.A. Yakunin</i> NEORHETORIC APPROACH TO MEDIA DISCOURSE UNDERSTANDING	118

ABSTRACTS	121
------------------	-----

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Е.В. Асмолова канд. филол. наук, М.А. Волхонская, С.С. Терехова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра литературы,
Калуга, evakaluga@mail.ru

**РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ УРАЛА
В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА
«СЕРДЦЕ ПАРМЫ, ИЛИ ЧЕРДЫНЬ - КНЯГИНЯ ГОР»**

Статья посвящена принципам воссоздания религиозного сознания людей XV века в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» и его значения как сюжетообразующего элемента повествования.

Ключевые слова: *религиозное сознание, Алексей Иванов, Сердце Пармы, реконструкция.*

Исторический роман Алексея Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» о покорении Перми Великой Москвой принес начинающему тогда писателю славу автора серьезных исторических произведений. Критики, сразу же отметившие роман, выделяли одновременно поэтику языка, сочетающую просторечия разных языков и воссоздающую пиджины, сопутствующие тесным развивающимся торговым отношениям; и историческую достоверность произведения. Так, один из исследователей творчества Алексея Иванова Борис Кузьминский отмечал, что автор убедительно реконструирует ментальность великой северной цивилизации, канувшей в Лету. И если воссоздать исторические реалии соответствующей эпохи действительно возможно: есть исторические свидетельства, которые могут в этом помочь; то задача реконструкции ментальности (и уже – системы верований) – представляется не просто кропотливым делом, но и определенным творческим вызовом. Тем не менее, при всей сложности поставленной задачи, она полностью соответствует современной тенденции региональной литературы к осмыслению ментальных основ народа, населяющего ту или иную территорию [1].

Для произведений Алексея Иванова вообще характерна развитая система мифопоэтики, но мы можем утверждать, что ни в одном романе ей не уделялось так много внимания, как в «Сердце Пармы». Попытке оценить ее значение в сотворении поэтического пласта произведения и посвящена эта статья.

Прежде чем рассматривать непосредственную работу религиозных и мифологических образов в тексте, считаем необходимым проанализировать, на базе каких верований и установок автор выстраивает духовный мир своих персонажей. Так, в статье И.Н. Ивановой и А.С. Сазоновой «Геопоэтика романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» исследователи называют основной чертой «уральского текста» у Иванова – представление об уральских землях как о топосе, язык которого подчинен хтоническим божествам его коренных народов [2]. И действительно, «для уральского текста характерны образы каменных гор, рек. Горы связаны с изображением уральского божества. Каждая воплощает разных духов. В горах находятся могилы богов и великанов: «И все скалы здесь священные. На каждой или под каждой – капище, в любой пещере – идол» [3].

В то же время христианский мир, представленный преемственностью епископата Питирима и Ионы, находится к языческой Парме в воинствующей, но малочисленной оппозиции. Так Асыка, объясняя свое страстное желание сражаться с москвитями, говорит, возводит первопричину конфликта между народами именно к религии: «Если мы покоримся

богу московитов, то у нас уже не будет ни родных имен, ни песен, ни памяти – ничего» [4]. Асыка видит в богах своего народа его сердце, таким образом борьба с московитами – война не за экономическую независимость, но за идентичность народов Пармы. Мудрый пам стремится образумить Асыку, говоря о сходных функциях разных богов: «Для каждого нашего народа есть священные уста, с которых к нам долетают слова вечности ... Но, ожидая ответа из этих уст, мы спрашиваем не гору, не предка, не бога, не идола. Мы спрашиваем что-то большее, которое одновременно и гора, и предок, и бог, и идол» [5]. Позже он же говорит о сменяемости всего в мире, даже богов: «Может быть, нашим народам судьбою как раз и уготовано покинуть своих богов?.. – почти умоляюще спросил шаман, все еще надеясь остановить хумляльта. – Можно отречься от всего, но ведь это не изменит ход вещей в мире, ибо вещи эти превыше любого человека и целого народа...» [6]. Здесь самым ясным образом выражается идея всего язычества в мире романа – тревоги, надежды, воля одного человека и целого народа ничто перед извечной сущностью чего-то большего: Пармы.

В то время как христианство в романе представляет собой воинствующую общину людей, все силы которой брошены на решение конкретных задач, при этом духовные лидеры которой не стремятся ни вникнуть в суть наблюдаемых ими событий чужой жизни, ни предсказать последствия своих собственных поступков.

Г. Ребель пишет о противостоянии христианства и язычества так: «Вот тут-то и обнаруживается разница между язычниками и проводниками христианской идеологии в романе, а вместе с тем и водораздел между добром и злом. Первые во всем и всегда верны себе, что в данном случае означает верность роду, традиции, однажды и навсегда заведенному порядку вещей. Вторые в большинстве своем являют тот вариант духовного изгойства, самостояния, своеволия, который ведет к отпадению от изначальной идеи, искажению и подмене ее. Опыт всех упомянутых в романе пермских епископов – Стефана, Питирима, Ионы, Филофея – свидетельствует, к сожалению, о последнем. Все они любой ценой жаждали выполнить свою историческую миссию крещения Перми, и при этом не гнушались ни обманом, ни подкупом, ни убийством, чтобы окрестить пермяков, – не боялись греха! – и только настоятель Чердынского собора, суровый, непримиримый, чистый душою и истовый в вере Дионисий понимал: «Не крестить пермяков надо, а христианизить!» [7].

Именно прозорливость Дионисия стоит на другой чаше весов против жестокого, честолюбивого фанатизма, и именно ей объясняется сочувствие автора к монахам. Так героической показана гибель Питирима, и символичной – участь сгоревшего Ионы. Однако «никому из них не дано выполнить свою миссию, потому что на пути к ее выполнению они поступают тем, что лежит в основе их веры, забывают о грехе» [7].

Показательный и страшный пример: одержимый Иона после одоления языческой вселенной в образе Прокудливой березы окончательно теряет чувство реальности и насильственно, вопреки воле родителей, крестит пермских младенцев. Движущееся вслед священнику русское войско обнаруживает в яме у маленького пермяцкого горта семь свертков из бересты, в каждом из которых – ребенок с перерезанным горлом. На вопрос «Почто чад порешили?» следует исчерпывающий ответ: «Русский бата вечером пришел, крестил /.../. Затем и убили. Души спасали, освобождали от перны» [8].

Дихотомия христианство – язычество – не только о дальновидности последователей, но об их цельности и внутренней гармонии. Так одним из самых ярких персонажей является княгиня Тичерть – ламия. Она бежит от крещения Ионы, но мудро настаивает на крещении своих детей и всего народа, рассуждая о том, что Михаилу легче будет править народом одной с ним веры, хотя после возвращения мужа из похода на Пелым, она признается, что люди ее боятся и она очень одинока. Тем не менее одиночество никак не сказывается на характере и цельности образа Тиче. Как не сказывается поражение и плен на характере Асыки, сохранившего мужество и не потерявшего внутренний огонь.

Одновременно с этим среди христиан немало тех, кто осознает себя «надтреснутыми», как воевода Нелидов, «порченными», как сотник Вольга или, не отдавая себе в том отчета, являются таковыми – то есть грешниками или, как определил бы их Достоевский, духовными скитальцами (и это неизбежная плата за дарованную «богом русов» личную свободу [9]).

Таким образом, первичная причина страшных, кровавых столкновений между русскими и пермяками единственно верно возлагается на непреодолимую пропасть мировоззрений, преодолеть которую – задача не только героев романа, но и сознания читателей, как участников творения исторического пространства внутри романа.

Список литературы

1. Лобин А.М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы» / Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – С.4.
2. Иванова И.Н., Сазонова А.С. Геопозитика романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» / Гуманитарные и юридические исследования. – 2017.– С.185.
3. Иванов А. Сердце Пармы. – М.: АСТ, 2019. – С.17.
4. Иванов А. Сердце Пармы. – М.: АСТ, 2019. – С.18.
5. Иванов А. Сердце Пармы. – М.: АСТ, 2019.– С.19.
6. Иванов А. Сердце Пармы. – М.: АСТ, 2019. – С.18.
7. Ребель Г. «Пермское колдовство», или роман о Парме Алексея Иванова / http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_74
8. Ребель Г. «Пермское колдовство», или роман о Парме Алексея Иванова / http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_74
9. Ребель Г. «Пермское колдовство», или роман о Парме Алексея Иванова / http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_74

10.01.01

Е.В. Асмолова канд. филол. наук, С.С. Терехова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра литературы,
Калуга, evakaluga@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ НАРОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА

Одна из главных причин растущего интереса к творчеству П. Романова в наши дни заключается прежде всего в его внимании к психологии человека переломной эпохи. Автор воспроизводит психологический портрет человека начала XX столетия во всех его проявлениях. Писатель показывает человека, который утрачивает прежние духовные ориентиры, традиции и, не обретая новых, отстаивает перед миром и собой мелкие, ничтожные жизненные интересы.

Ключевые слова: *Пантелеймон Романов, религия, религиозное сознание.*

Пантелеймон Сергеевич Романов (1884-1938) – писатель необычной творческой судьбы. К нему быстро пришла известность: спустя десять лет после революции он уже автор двенадцатитомного собрания сочинений, нескольких десятков сборников рассказов, романов, пьес, которые стали открытием и вкладом в русскую литературу. Однако после смерти писателя его творчество неожиданно оказалось забытым. Лишь в конце XX века произведения П. Романова были «открыты» заново как читателями, так и исследователями. Это свидетельствует об актуальности его творчества для новой «рубежной» эпохи.

Среди многообразия тем в художественной мастерской П. Романова есть одна, которая волновала его на протяжении всей творческой жизни, это религия, религиозное сознание. Освободившись от религиозных догм, сковывающих его сознание в юности, Романов увидел, сколь сложен и непрост процесс духовного освобождения, и любое упрощение способов борьбы с религией (лозунги, запреты) полагал бесперспективным. В рассказах "Отец Федор", "Обетованная земля", "Страх", "Новая Пасха", "Верующие", "У парома" он ставил вопросы, решать которые должна была жизнь.

Особенно показателен в этом смысле первый опубликованный рассказ «Отец Федор» (1911), в котором писатель рассказывает о жизни рядового священнослужителя Федора Ивановича. Главный герой рассказа отец Федор заболевает, как ему кажется, неизлечимо. В той обнаженной простоте и прозрачности, которая ему открылась перед лицом смерти, с его глаз как бы спадает пелена, и, пристально вглядываясь в свою, почти завершенную жизнь, он видит ее неутешительный итог. И тогда наступает прозрение, он молит о том, чтобы ему был дарован хотя бы краткий кусочек жизни, прожить которую он хочет в той высокой правде, что ему вдруг открылась. Но проходит время; болезнь, кажется, отступила. Отец Федор возвращается к своей обычной жизни, все невзгоды постепенно забываются. И о.Федор - снова в удобном для него, рутинном мирке, где безразличие к судьбе «ближнего» - это обычное положение вещей.

Рассказ «Отец Федор» запомнился читателю. Автор словно приглашал к раздумью над тем, сколь это непросто – соответствовать своему высокому названию: человек.

Некоторые сюжетные ситуации романовских рассказов напрямую соотносятся с библейскими. Убедительной иллюстрацией может служить рассказ «У парома» (1927).

На первый взгляд, перед вниманием читателя предстает вполне реалистический рассказ о человеке постреволюционного периода. Точнее, о тех ценностях, которые он заново переосмысливал для себя. При этом авторское внимание сосредоточено на вечных,

бытийных ценностях человечества: вере и любви. Итак, время действия в произведении ограничивается только ночью, а события разворачиваются возле переправы, у костра. Такое художественно организованное пространство в свою очередь делится на две части. В первой, между собравшимися «мужиками» завязывается разговор на религиозные темы:

- А где ж тут часовенька-то стояла?

- Сломал к черту, - ответил перевозчик. - Мужики часовню построили, а паром сделать не могли, за три версты ездили, пока я не обладил [2]. Человек «в пиджаке и сапогах», а также «мужичок», ждавший переправы, оценивают поступок паромщика как смелое действие.

Спустя некоторое время у костра появляется возлюбленная главного героя, и здесь композиционно начинается вторая часть рассказа, которая в основе своей рассматривает тему любви. Для возлюбленной героя жизнь без Бога не представляется возможной: «Грех... без бога живешь. И меня туда же тянешь» [2]. Она до последнего момента пытается найти в его глазах веру, но понимает, что их взгляды на жизнь совсем разные. Вторая часть рассказа заканчивается тем, что паромщик остается один.

Это видимый план рассказа, который нам говорит о поисках нового человека нового времени новых бытийных констант жизни. Однако прямое изображение или «фотографирование» (в чем часто обвиняли П.С. Романова) социально-исторической действительности не входит в авторские планы, поскольку место действия - у реки, возле костра, и время действия - ночь - стирают видимый реалистический пласт и делают его условным.

Начнем с того, что автор лишает всех персонажей имен, кроме одного - главного героя, - вокруг которого разворачиваются все события. Имя этого героя - Пётр. Читателю становится понятно, что безымянные герои нужны для того лишь, чтобы лучше высветить личность главного персонажа, его сущность. В первой части рассказа, когда мы узнаем о делах и заслугах Петра (разрушил часовню), а также постепенно открываем для себя внутренний мир героя, художественное время и пространство расширяются благодаря возникновению библейской аллюзии. Перед нашими глазами предстает традиционный сюжет о предательстве Петра своего учителя и наставника Христа. Однако паромщик Петр, в отличие от библейского персонажа, не признается в любви к Богу, более того, у него отсутствует эта вера, а предать то, чего нет, - невозможно. Правда, вера в черта для него существует: «Бога никак не признаю... а чертей окаянных вот до чего боюсь - просто стыд берет» [3]. Единственное, что живет в его сердце - любовь к девушке. «Около костра, пугливо оглядываясь по сторонам в темноту, сидела худенькая девушка. ...Что-то в ней было тонкое, хрупкое, не деревенское, а скорее монашеское. И платок на ней был не красный, а черный, еще больше оттенявший белизну ее лица и тонкость профиля» [3]. Её внешность напоминает классический портрет романтической героини. Автор не дает ей имени, чтобы более обобщить этот образ. Она - само воплощение чистоты, любви и нравственной красоты. Жизнь без Бога не представляется для нее возможной. Причем, понятия веры, Бога и любви для нее неотделимы друг от друга. Поэтому она не принимает чувства Петра, для которого эти истины существуют порознь. Любовь двух людей обречена на гибель, ведь их сущности контрастны и далеки друг от друга: «Я еще на Пасху о тебе думала, когда со свечами стояли. А потом шла по деревне, везде в окнах светло, огоньки горят, и душа у меня вроде как светлая, светлая сделалась... А у тебя, гляжу, окна темные, пустые. И так нехорошо сразу мне стало» [4]. Надежда на спасение души Петра постепенно угасает, когда «фигура девушки в накинутом платке уходила все дальше и дальше <...> На бугре, куда ушла девушка, скрипнули чуть слышно ворота, пропел где-то петух» [5].

Во второй части рассказа Петр снова совершает предательство, возвращая на страницы произведения традиционную библейскую притчу, тем самым, соединяя нити далекого прошлого и настоящего. Библейская история, однако, звучит остро и по-новому: тогда Петр трижды отрекся от Христа, но не от любви к своему Учителю, а теперь, спустя века, он - новый человек нового времени - совершает другое нравственное преступление и предает последнее, что может спасти человека, - любовь.

Все-таки в финале произведения автор показывает нам некоторые сомнения (а может и раскаяние, которое проявится с большей силой позже) главного героя по поводу собственного решения-выбора: «Петр стоял еще несколько времени... Потом, скрипнув зубами, с силой бросил фуражку на траву, лег грудью на землю, разбросав ноги и уткнувшись лицом в сгиб локтя, и остался в таком положении.» [6].

Небольшая статья П. Романова «О борьбе с религией» (1928) звучит и сегодня чрезвычайно актуально и свежо. «Стремление к высшему есть законное требование человеческой природы. На этом стремлении держится все человеческое движение. И вот на этом-то пути религия, предлагающая это высшее в готовом виде, является Величайшей опасностью, потому что она ведет к остановке человека. Как с этим бороться?

С величайшей серьезностью. У нас распространен близорукий метод – обливать грязью противника и находить в нем только одни отрицательные стороны... Но теперь время такой тактики прошло. Оно должно замениться серьезным, без всякого зубоскальства отношением к этому вопросу» [1]. Таким образом, русско-советский писатель на протяжении всей своей творческой жизни пытался отразить духовные искания человека в бездуховное время.

Список литературы

1. *Никоненко С.* «...О менее праздничном, но более человеческом». Предисловие к сборнику избранных рассказов П.Романова // Пантелеймон Романов. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 8.
2. *Романов П.С.* У парома // Пантелеймон Романов. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 196.
3. *Романов П.С.* У парома // Пантелеймон Романов. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 199.
4. *Романов П.С.* У парома // Пантелеймон Романов. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 197.
5. *Романов П.С.* У парома // Пантелеймон Романов. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 201
6. *Романов П.С.* У парома // Пантелеймон Романов. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1988. – С. 202.

10.01.01

К.Д. Даулетукаева, Т.Б. Джамбекова д-р филол. наук

Чеченский государственный педагогический университет,
Институт филологии, истории и права,
кафедра литературы и методики ее преподавания,
kamila.dauletukaeva@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ЧЕЧЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПОЭТА НУРДИНА МУЗАЕВА

Статья рассматривает особенности художественного творчества чеченского поэта, писателя Нурдина Музаева. Актуальность и новизна исследования объясняются малоизученностью духовного наследия писателя, значимостью Н.Д. Музаева в историческом и литературном прошлом чеченского народа, которое формирует художественные принципы и творческие ориентиры в будущем и настоящем.

Ключевые слова: историко-литературный процесс, жанр, художественное творчество, писатель, образ, произведение.

Сегодня имя чеченского писателя считается значимым не только для национальной и русской литературы, но и выходит на международный уровень – Нурдин Джамалдинович Музаев оставил после себя в наследие потомкам множество произведений различного жанра: патриотического, героического, возвышенного характера, является кладезем чеченской эстетики и изящной словесности. Значимость Н.Д. Музаева в историческом и литературном прошлом чеченского народа, которое формирует художественные принципы и творческие ориентиры в будущем и настоящем, обуславливает новизну нашего исследования.

Одно из центральных мест в творчестве Н.Д. Музаева занимает историческая тема. Писатель стремится осмыслить прошлое своего народа от глубокой древности до современности.

В своем исследовании Л.М. Ибрагимов (2011) «Художественное воплощение национальной ментальности в чеченской прозе XX века» поднимает вопросы эволюции художественного сознания в чеченском словесно-художественном искусстве XX века, где акцентирует внимание на самобытной художественной культуре чеченцев, на которую наложило отпечаток влияние восточных культур с юга и, в более поздний период, с севера. На взгляд исследователя Н.Д. Музаев относится к профессиональным писателям первой волны, испытавшим на себе оба типа влияния, наравне с такими чеченскими прозаиками, как Абди Дудаев, Ахмад Нажаев, Саид Бадиев, Магомет Мамакаев и Шамсуддин Айсханов.

Литературное творчество Нурдина Музаева преимущественно отличается просветительской направленностью, что сближает его с чеченскими русскоязычными беллетристами-просветителями второй половины XIX в. Тем не менее, в отличие от предшественников, Н.Д. Музаев пропагандировал художественную культуру на чеченском языке, целеполаганием чего было приобщение масс людей к истокам национальной культуры и традиций [2, с.15-16].

Н.Д. Музаев посредством своих произведений учил соотечественников школьного и послешкольного, зрелого, возраста основам родного чеченского языка, прививал эстетический вкус к изящной словесности. Сюжетные линии Н.Д. Музаева, окаймленные в злободневные и важные насущные проблемы современности писателя, заинтересовывали читателей и, тем самым, аудитория приобщалась к чтению на чеченском языке. Л.М. Ибрагимов (2011) объясняет дидактический и назидательный характер творчества писателя влиянием восточных литератур, приёмы которой более соответствовали просветительским и

нравственным функциям художественного слова. В текстуру своих произведений писатель гармонично вплетал чеченские фразеологические обороты (половицы, поговорки, идиомы, афоризмы). Исследователь подчеркивает, что Н.Д. Музаев отлично знал оружие и предметы народного быта, танцевальный колорит и национальную кухню, о чем свидетельствуют описания в художественных текстах. Согласно концепции историзма и этнографизма, фундаментом сюжетности писателя были его историко-страноведческие знания, что ему помогало создавать убедительные картины быта чеченского народа в прошлом и в советской действительности [2, с.16].

В каждой эпохе наблюдается нечто особенное, что вкрапляется драгоценными камнями словесности в мировоззрение и психику людей, помогает им смело идти вперед и неизбежно влечёт различные изменения. Тем не менее, данный процесс занимает длительное время и не так очевиден для потомков, и не так, как они себе это представляют. Нация, принципиально отказывающаяся от конкретных изменений, природа которых естественна и сообразна исконным интересам дальнейшего развития, согласно представлениям народа, добровольно покидает магистральный путь всемирной истории, а, в последующем, неотвратимо исключается из мировых экономических, политических, социальных и научных процессов [2, с.16], жизненно необходимых для становления человечества и его эволюции.

Ввиду вышесказанного, целесообразно отметить, что чеченский писатель, Н.Д. Музаев, в процессе реализации художественных задач посредством своего творчества преодолевает как «сопротивление материала», так и тенденциозные установки местной читательской аудитории, ориентированные только на позитивную «волну». Данная проблематика является непростой задачей, в большей степени, искусственно поддерживается и катализируемая обусловленным кругом заинтересованных деятелей и внутри государства, так и за его границами. Чеченским писателям, отмечает Л.М. Ибрагимов (2011), было весьма проблематично соответствовать принципам объективности при «изображении национального своеобразия и толерантности, преодолевая постоянный прессинг дискредитации чеченцев центральной властью» [2, с.16].

Литературная деятельность Н.Д. Музаева наиболее интенсивно развивается во второй половине 50-х годов. Его лирика, эпос и драматургия занимают в чеченской литературе видное место. По-разному отражена в них действительность. В поэзии, например, на первом плане – героизм народных масс. Его поэмы «Сказание о Чечне», «Горячие сердца», «Сурхо, сын Ады» воссоздают путь народа к революции, к интернациональному единению. Повествование в поэмах максимально приближено к реальным историческим событиям, лицам. Этим обусловлен и выбор автором их сюжетно-эпической основы, композиционного построения. Такова поэма «Сказание о Чечне», в которой обнаруживаются образы видных революционных деятелей: Ноя Буачидзе, Сергея Кирова, Асланбека Шерипова [3].

Н.Д. Музаев – автор сборников стихов «Шаг на верном пути» (1934), «Избранные стихи и поэмы» (1956 г.), «Знойные мечты» (1966 г.), «Журчание ручейка» (1968 г.), романа в стихах «Говорит Селим» (1957 г., русский перевод 1958 г.), посвящены борьбе чеченского народа против феодалов и царского произвола.

Поэмы историко-революционной тематики – важная веха на творческом пути Н.Д. Музаева. Вместе с тем он известен в нашей литературе как один из активнейших писателей, художественно осваивающих современность.

Из крупных прозаических произведений Н.Д. Музаева следует назвать повесть «Замза», романы «Марш смелых» (1960) и «В долине Аргуна». Повесть «Замза» и роман «Марш смелых» прежде всего интересны тем, что в них впервые в нашей литературе последнего десятилетия нарисованы образы представителей национальных технических кадров, занятых решением вопросов большой значимости [3].

В романе «В долине Аргуна» – многоплановом произведении – Музаев пишет о противоречиях в сознании человека между старой моралью и требованиями новой действительности, изображает глубинные процессы, происходящие сегодня в общественной жизни народа.

Наиболее крупные и художественно значимые произведения Н.Д. Музаевым написаны начиная с 50-х годов. Это роман в стихах «Сказание о Чечено-Ингушетии», «Горячие сердца», «Бейбулат Таймиев» и многие другие. В них писатель большой интерес проявляет к героическому прошлому чеченского народа, его дружбе с другими народами. Главным героем в его произведениях выступает народ, его борьба за лучшую жизнь [4, с. 85].

Первое крупное прозаическое произведение Н.Д. Музаева — это повесть «Замза», в которой писатель создает образ современной чеченки-инженера. Вслед за повестью были написаны романы «Марш смелых», «Сила мечты», повесть «В долине Аргуна» [4, с. 85]. Н.Д. Музаевым в разные годы написано более десяти пьес. Большинство из них поставлено на сцене Чеченского драматического театра. «Мирза-усач» (или «Усач Мирза» – название пьесы пишется в разных научных источниках по-разному) и «Женитьба Цазбы» за годы существования Чечено-Ингушского театра пользовалась наибольшим успехом у зрителей, как национальная комедия, наравне со спектаклем А. Хамидова «Бож-Али».

Ряд пьес, написанных в последний период развития чечено-ингушской драматургии, объединяются тематической направленности известной близостью драматического конфликта. Это произведения, которые по своему идейному содержанию направлены против всевозможных пережитков прошлого, прежде всего носителей частнособственнической, стяжательской психологии, материализма и других пороков прошлого и «нажитков» советской действительности, ярким примером чего является пьеса Н.Д. Музаева «Самые дорогие» [1, с.46], посвященная дружбе братских республик Северного Кавказа. О процессах, происходящих в чеченских аулах советской действительности говорят такие пьесы Н.Д. Музаева, как «Асет» (1961), «Светлый путь» (1961).

Нурдином Музаевым был внесён ощутимый вклад в развитие и становление чеченской художественной литературы. Творчество советского писателя, по мнению исследователей, характерно острой злободневностью, актуальностью народной тематики, патриотизмом, мужеством и героизмом. Советский поэт, прозаик, драматург, литературовед, член Союза писателей СССР – Н.Д. Музаев внёс большой вклад в развитие чеченского языка, становления чеченской культуры, осветил наиболее значимые проблемы своего народа, начиная от горцев и революции, оканчивая Второй Мировой Войной.

Желание исследовать советскую действительность, в меру собственных творческих сил писатель старался художественно отобразить наиболее типичные явления жизни посредством народных образов и сложных коллизий, ответить на вопросы, волновавшие простых людей.

Духовно-нравственное своеобразие и сюжетно-композиционное наследие Н. Музаева, внесло значительный вклад в развитие национального историко-литературного процесса.

Список литературы

1. *Айдаев Ю.А.* Проблемы развития чечено-ингушской советской драматургии (1920-1980-е гг. XX в.): автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.02 / Ин-т грузинской литературы им. Шота Руставели. – Тбилиси, 1989. – 49 с.
2. *Ибрагимов Л.М.* Художественное воплощение национальной ментальности в чеченской прозе XX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.02 / Ибрагимов Лёма Махмудович: Махачкала, 2011. – 23 с.
3. *Мальсагов А.У.* Писатели Советской Чечено-Ингушетии [Текст]: [Библиогр. справочник] / А.У. Мальсагов, Х. В. Туркаев. – Грозный: Чеч.- Инг. кн. изд-во, 1969. – 148 с.
4. *Юсупова Х.В.* Жанр повести в чеченской и ингушской литературах: Становление и развитие, 20-30-е годы: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.02. – М., 2000. – 167 с.

*10.01.01***И.Г. Кульсарина канд. филол. наук, Л.А. Пермякова канд. филол. наук**

Башкирский государственный университет,
Факультет башкирской филологии, востоковедения и журналистики,
кафедра русской и сопоставительной филологии,
Уфа, kulsarina-bgu@yandex.ru, permyakowa.lara@yandex.ru

САКРАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается категория сакральности в философских трудах и художественных текстах. Феномен сакрализации женственности анализируется в мифопоэтическом аспекте на материале произведений русской литературы (начиная с древнерусской и до современности); привлечены также образцы региональной литературы (А.Генатулин, П.Храмов и др.).

Ключевые слова: *сакрализация, Вечная Женственность, русская литература, мифопоэтика.*

Феномен сакрализации женственности является индексом любой национальной культуры. Не случайно он нашел отражение в русской литературе. Наше понимание термина «сакрализация» основано на работах Р. Отто, О.М. Фрейденберг, М. Элиаде.

Категория сакрального является основополагающей в феноменологии религии Р. Отто [5]. В исследовании «Священное» (1917), которое получило широкий резонанс в научном мире, немецкий теолог отмечает, что слово «heilig» (святое, священное) помимо значения «совершенное благо» содержит еще своеобразный избыток значения, который может быть определен как «святое» минус нравственный компонент, рациональный аспект. Иррациональный избыток значения Р. Отто обозначает термином *nimen*, а основополагающим компонентом религиозной эмоции он считает *mysterium tremendum* (потрясающая тайна). *Mysterium tremendum* обозначает то, что скрыто, эзотерично; именно оно вызывает в душе человека смиренное преклонение, необъяснимое волнение, неистовство и восторг. Именно *mysterium tremendum* лежит в основе религиозного чувства, являясь доминантой переживания сакрального. Переживание сакрального всегда амбивалентно. О.М. Фрейденберг отмечает: дуализм сакрального связан с тем, «что никакой эпитет, никакое описательное имя, семантически относящееся к эпохе мифотворчества, не выражают никаких качественных признаков, ни дурных, ни хороших. Вот почему... «святой» и «гнусный» передаются одним и тем же словом *sacer*» [10, с.54]. В религиозном сознании миф подвергается каузализации и этизации; «темная» сторона сакральности полностью отделяется от области божественного и переносится либо на антипода бога, либо на людей. Анализируя категорию сакрального, которая является неотъемлемой частью бога, Ж. Батай акцентирует внимание на том факте, что под сакральным люди всегда «понимали своего рода внутреннее воодушевление, потаенное, всепоглощающее исступление, жестокую силу, которая овладевает человеком, пожирает его, как огонь, и неминуемо влечет к гибели... » [1, с.93]. Ж. Батай проводит четкий водораздел между двумя мирами – сакральным и профанным.

«Светлая» сторона сакральности наиболее полно отразилась в культе Девы Марии. В Средние века возникли рыцарские ордена, почитающие Деву Марию – *Eil que Damedieu servent de loial cuer entire* (Те, кто служат Богородице, преданные от всего сердца). В период Крестовых походов XI – XV вв. эти рыцарские ордена способствовали укоренению женского элемента в христианстве, почитанию Богоматери как величайшей заступницы, последнего прибежища грешников. Отголоски сакрализации Девы Марии нашли отражение в стихотворении А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829). Парадокс Девы

Марии (сочетание девственности с материнством) – параллель к соединению двух природ во Христе. Богородица обладает сверхъестественной внутренней красотой, духовностью, т.к. в ней материнское милосердие сливается с чистотой девственности. По образу Девы Марии, являющейся посредницей между небом и землей, сакрализации начинает подвергаться и земная женщина, ставшая объектом куртуазной любви трубадуров. В культе Дамы сердца (*Dame de coeur*), который тесно связан с традицией Платона, абсолютизирующей духовное начало в любви, сакрализация женственности нашла наиболее полное воплощение. Эта традиция высокой духовности затем получит продолжение в житийной литературе, а также в произведениях русской классической литературы XIX века [8].

Женщина занимает одну из ведущих позиций в произведениях древнерусской литературы, начиная с ее истоков, с летописей XI века. Следует отметить, что согласно христианской традиции женские образы получили двойственную интерпретацию в древнерусских текстах. С одной стороны, парадигма изображения ангелизированной женщины в агиографических произведениях, с другой – демонизация женского начала, которая в повестях XVII обретает сатирическую трактовку, что связано с секуляризацией литературы («Повесть о Савве Грудцыне»). Амбивалентность женского начала и противоречивость сакрализации женственности в полной мере реализовались в величайшем памятнике древнерусской литературы – в «Повести о Петре и Февронии».

Сакрализация женственности становится неотъемлемой частью культуры Серебряного века. Традиция высокого идеализма В.С. Соловьева отразилась в творчестве «младших» символистов, прежде всего в цикле А.А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1901 – 1902) [6], а «темная», сторона сакральности стала доминантой демонической женщины в романах Ф. Сологуба [7].

Феномен сакрализации женственности нашел отражение и в русской литературе второй половины XX века. Эталон высокой нравственности, доброты и самоотверженности являются образы матерей в творчестве В.Г. Распутина. Его героиням свойственны отзывчивость к чужой беде и способность быть сопричастной к тайнам мироздания. Глубоко понимает свою женскую долю Анна из «Последнего срока», безропотно подчиняясь законам природы, философски принимая тайны бытия («Не умирает только тот, кто не рождается») [9, с.169]. Ей чужды такие человеческие пороки, как зависть и эгоизм: «...никогда никому она не завидовала... Своя жизнь – своя краса» [9, с. 160]. В распутинской прозе категория женственности тонко раскрывается через понятие жертвенности во имя близких, что ярко прослеживается в образах Настены («Живи и помни»), Дарьи Пинигиной («Прощание с Матерой»), Тамары Ивановны («Дочь Ивана, мать Ивана»).

Сакральная связь матери и дитя находится в центре внимания многих писателей. Великая миссия женщины – охранять и оберегать свое потомство – ярко представлена и в русской литературе о Башкортостане. Глазами русских писателей начала XX века показаны образы самоотверженных матерей – Фатимы (П.И. Добротворский «Иняй») и Ямал (Н.А. Крашенинников «Мать»). Если Фатима после смерти мужа смогла отстоять своих детей от передачи под опеку чужим и за свой крутой бескомпромиссный нрав получила эпитет «дурак-баба» [3], то Ямал, закрыв своим телом сына от ударов его преследователей, осталась на всю жизнь искалеченной и изуродованной [4]. В галерее женских характеров XX века особое место принадлежит прекрасным образам матерей, сумевших своей верой и любовью воскресить сыновей-фронтовиков к новой жизни. В рассказе А.Ю. Генатулина «Запах мятрушки» вернувшегося с фронта тяжелораненного сына мать исцелила народным средством – распаренной матрешкой. Используя приемы контраста и ретроспекции, автор на бытовых реалиях показывает величие женщины-матери [2].

В литературе образ женщины неразрывно связан с основополагающим архетипом человеческой культуры – домом, концептосферу которого образуют такие понятия как кров, семья, народ, страна, Вселенная, не существующие без женского начала. Дом для распутинских героинь является самым родным и живым «существом». Дарья, прощаясь с домом, белит и убирает его, как покойника, затем запирает, чтобы чужие не осквернили

своим присутствием. Такое же ключевое место отводится образу дома в романе П. А. Храмова «Инок». Дом, в котором герой провел детство, представлен в нем как источник формирования кодекса этики и нравственного поведения центральных персонажей. В героинях П.А.Храмова своеобразно воплощена концепция Вечной Женственности. Светом целомудрия и милосердия озарен образ бабушки, бывшей дворянки, в условиях тоталитарной системы воспитавшей в своих детях чувства достоинства, доброты и благородства. Сила её внутреннего мира, основанная на православном мировосприятии, способна противостоять любому проявлению зла. Обучая внука буквам алфавита с помощью рисунков ангела и Государя, благославляя крестом каждую солдатскую шапку, которую она чинила и стирала для фронтовиков, бабушка помогла формированию тонкой и необыкновенной души внука – инока. Отсюда у героя такое необычное созерцание окружающего мира. Образ подружки с именем пушкинской героини Маши Мироновой воспринимается им как часть рублевской «Троицы». По верному замечанию П.И.Федорова «весь образ Маши пронизан христианскими мотивами кротости, взаимной любви и сострадания» [11, с. 85]. Яркими штрихами передается в романе образ башкирки Нагимы Асхатовны, чьей неземной красотой был пленён в детстве герой. В ней он увидел «гордосмирную женственность Азии», свет которой освещал не только её облик, но и всех окружающих.

Таким образом, сакрализация женственности, тесно связанная с традицией высокого гуманизма и духовности, является неотъемлемой частью русской литературы от ее истоков до наших дней.

Список литературы

1. *Батай Ж.* Сад и обычный человек// Маркиз де Сад и XX век/ Пер. с франц. – М.: РИК «Культура», 1992. – С. 89–116.
2. *Генатулин А.Ю.* Запах мятрушки// Аю-таш. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1975. – С. 3-17.
3. *Добротворский П.И.* Иняй// В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. – С. 36-47.
4. *Крашенинников Н.А.* Мать// Амеля. Роман и рассказы. – Уфа: Башкирское книжное издательство. 1977. – С. 285-299.
5. *Отто Рудольф.* Священное / Пер. Руткевича А. М. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 272 с.
6. *Пермякова Л.А.* Дуализм переживания сакральности в лирике А.А. Блока// От века – к веку: Книга. Литература. Коммуникация. Журналистика: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Веры Сергеевны Синенко (г. Уфа, 31 октября – 1 ноября 2014 г.) / отв. ред. В.В. Пугачёв. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 131-134.
7. *Пермякова Л.А.* Поэтика скрытых цитат в романах Ф. Сологуба// Актуальные проблемы филологии народов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Уфа, РИЦ БашГУ, 2017. – С.376 – 383.
8. *Пермякова Л.А.* Любовь как индекс культуры в творчестве русских писателей XIX века// Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: материалы Международной научно-методической конференции (г. Уфа, 12 – 13 мая 2016 г.)/ отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 342 – 348.
9. *Распутин В.Г.* Уроки французского: Повести. Рассказ. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 640 с.
10. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – 605 с.
11. *Храмов П.А.* Инок: роман-воспоминание. Предисл. П. И. Федорова. – Уфа: изд-ль А.А.Словохотов, 2018. – 344 с.

10.01.01

К.В. Ризаева

Московский городской педагогический университет,
Институт гуманитарных наук, Кафедра русской литературы,
Москва, minushinak@gmail.com

ЗАИМСТВОВАНИЕ, ПОДРАЖАНИЕ, ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Н. АЛЬБОВА

В статье выявлены случаи заимствования и подражания в раннем творчестве известного в свое время писателя М.Н. Альбова. Показана специфика таких приемов, как повторение и варьирование сюжетной ситуации, использование имени героев известных произведений. В рассказе позднего периода указаны приметы использования приемов, традиционных для русской классической прозы XIX века.

Ключевые слова: *М.Н. Альбов, ученическое подражание, заимствование, влияние, сходство, традиция.*

После многих лет забвения творчество М.Н. Альбова (1851–1911) – одного из талантливых представителей русских писателей второй половины XIX в. – вновь привлекает внимание издателей и исследователей: его имя все чаще мелькает в текстах мемуарной литературы [9: с. 103], [10], появляются в печати отдельные его произведения [17], а также посвященные им историко-литературные работы [15, 20]. Этот интерес можно объяснить и историческими причинами – изученность литературных явлений первой величины способствует переключению внимания на менее значительные сочинения, – и теоретическими. Как известно, усвоение и адаптация художественных открытий в беллетристике делает их более очевидными и доступными для широкого круга читателей. Показать специфику таких явлений, как литературное подражание, заимствование, влияние на примере произведений Альбова, – задача данной статьи.

Важные теоретические понятия, связанные с литературными взаимодействиями, пристально рассматривались в XX в. такими авторитетными учеными, как Ю. Тынянов, Ю. Лотман, К. Кедров [23, 24, 13, 12]. В частности, Б. Томашевский писал по этому поводу: «В вопросе же о передаче литературной традиции от старшего писателя к младшему необходимо учитывать три момента: усвоение младшим писателем творчества старшего писателя, реакцию писателя на усвоенную им традицию и отражение этой традиции в творчестве младшего поколения» [22: с. 210–211].

В творчестве Альбова можно обнаружить разнообразные следы литературного влияния. В первую очередь, оно проявляется как **раннее ученическое заимствование**, которое характерно для весьма успешного начального периода. По словам З. Гиппиус, «он начал писать раньше Гаршина и сразу занял почетное место в литературе» [10: с. 3].

Заголовок первого опубликованного в популярной газете «Петербургский листок» рассказа «Записки подвального жильца» (1868, 24 февраля) наводит на мысль о заимствовании темы, заявленной в «Записках из подполья» (1864) Ф.М. Достоевского. Сопоставление произведений разных жанров – повести и рассказа – не входит в наши задачи, но сходство заголовков (не зависимо от степени его осознанности юным автором) обращает на себя внимание, тем более, что оно поддержано и выбором жанра записок и формы повествования – рассказ от первого лица. Герой «Записок подвального жильца» – одинокий молодой человек, влюбившийся в соседку. Типичный мечтатель (как он обрисован в ряде произведений Достоевского: «Белые ночи», «Хозяйка»), он узнает о том, что вскружившая ему голову девушка – содержанка генерала. Эта новость разбивает его мечты, от отчаяния он бросается в Неву, ледяная вода излечила его от «несчастной страсти». В рассказе нет прямых текстовых включений из Достоевского, хотя все напоминает о его произведениях: и

известный по книге «Бедные люди» роман на расстоянии, «амурные эквивоки» в окошках, герой – литератор, пишущий плохие стихи, но повесть его имеет успех, Старчевский ее «берет за двадцать пять рублей». Говорящую фамилию Тряпицын можно расценивать как подчеркнута литературную. Изображение уязвленного самолюбия, мнимого соперничества с офицером, ради которого Тряпицына выставляют за дверь («Как! Меня выгнали? О Боже!») и которое приводит к заболеванию на нервной почве, – также вызывает ассоциации с «Записками из подполья» (сцены с офицером).

Психологический смысл, заключенный в словах Достоевского «подпольный человек», при этом исчезает, растворяясь в буквальном значении выражения «подвальный жилец». Известно, что Альбов рано полюбил чтение и художественную литературу, начал писать в десятилетнем возрасте. И все же факт обращения тринадцатилетнего подростка к такому сложному произведению, как роман Достоевского удивителен. Еще В.В. Набоков отметил, что в этой повести «ярчайшим образом представлены темы Достоевского, его стереотипы и интонации. Это квинтэссенция достоевщины» [16: с. 190]. Современные исследователи считают эту повесть пролегоменами к великому «пятикнижию» классика. Отметим, что очевидный случай заимствования/совпадения заголовков многозначителен.

В дальнейшем творчестве Альбова формы заимствования как взаимодействия с предшествующей литературной традицией становятся разнообразнее, более или менее явными. Их можно определить как **подражание**. Подражание в самом широком смысле слова имеет универсальное значение, что отмечено уже Аристотелем в его «Поэтике»: «некоторые подражают многим вещам при их воспроизведении в красках и формах, одни — благодаря мастерству, другие — по навыку, а иные — благодаря природному дару...» [8]. Однако чаще говорят о подражании, выделяя значение вторичности, зависимости подражающего от оригинала, рассматривая подражание как «сознательное воспроизведение литературно-художественного образца» [12].

К подражанию в ряде случаев относят литературные реминисценции, которые рассматривают как «обращение к уже существующим в литературе художественным идеям, сюжетам, образам». Но подражание может быть и творческим, связанным с развитием приема, с диалогом идей и тем, и в любом случае, – с переосмыслением образца, с его новым пониманием. Наиболее очевидно этот прием выражается в заимствовании «художественной детали, мотива, сюжетного поворота, ситуации, определенной черты, грани образа» [25].

В 1860-х гг. Альбов особенно часто подражал произведениям Достоевского. В этом он был не одинок: уже в это время у получившего известность писателя появились подражатели и эпигоны. Они заимствовали внешние приметы стиля и особенности художественного мира его романов: мрачную атмосферу, убогую среду обитания его героев, их нравы, а также особенности построения сюжетов, которые составляли катастрофические события с кульминационными сценами скандалов. Не избежал этого и Альбов, использовавший в своем творчестве ряд тематических и сюжетных мотивов, характерных для произведений предшественника. Подражание великому писателю было вполне осознанным, об этом свидетельствуют и прямые указания, как например, посвящение в рассказе «День итога»: «*Великой тени Достоевского*».

Один из самых ярких примеров подражания – включение реминисценций и аллюзий на произведения предшественника, **использование имен героев** из знаменитых книг. Фамилия Мармеладовых фигурирует в рассказе Альбова «Петербургские мизерабли» – Машутка и ее старуха-мать – Мармеладовы. Неоднократно упоминается в рассказе «День итога» Альбова судно «Amalia» и отсылает нас к имени квартирной хозяйки семьи Мармеладовых в романе «Преступление и наказание» – Амалии Липпехель.

Встречается повтор известных **сюжетных ситуаций**. Так, в основе сюжета рассказа Альбова «Городское происшествие» (1875) убийство молодым человеком старухи [1] и его расследование, событие, которое отсылает к важнейшему эпизоду романа «Преступление и наказание».

Используются Альбовым метко подмеченные писателем-психологом **особенности поведения** героев. В рассказе «Сбежала собачка» (1866) задолжавший своей квартирной хозяйке студент Ваксин боится встречи с нею [18], что напоминает начальные строки романа Достоевского: «И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться» [11: Т.5, с. 5].

Реплика Мармеладова «с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить, и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала), да и господин Лебезятников... гм...» [11: Т.5, с. 20-21] у Альбова выливается в целый рассказ – «Петербургские мизерабли» (1866) о Машеньке Мармеладовой [18].

Узнаваемо и описание **пространства и времени** (петербургские трущобы, убогие съемные комнаты, похожие на шкаф, и т.д., скудная городская растительность). Особенности художественного мира и приемы его создания определяют мрачную атмосферу многих произведений Альбова, вызывающих ассоциации с творчеством Достоевского, что дало основания современникам относиться к нему как к эпигону.

Но главное – **герой**, молодой человек с проблемным характером, одинокий мечтатель, не умеющий найти место в жизни. Изображается характер личности, лишенной нравственных ориентиров, опустошенной, неизбежно движущейся к самоубийству. Психологический анализ становится доминантой стиля Альбова. При этом необходимо отметить, что психологизм, приемы изображения внутреннего мира, духовной жизни человека, его поглощенность идеями и проч., оставались не востребованными массовой литературой. Это резко выделило Альбова среди подражателей Достоевского. Интерес именно к глубинным аспектам поэтики великого писателя, освоить которые стремился Альбов, способствовал его писательскому успеху. Так, А.В. Амфитеатов писал: «Имя Достоевского – порог, через который надо непременно переступить всякому, кто хочет говорить об Альбове. Его считают учеником Достоевского, подражателем и продолжателем. Доля справедливости в этом счете есть, и даже немалая... Альбов... в своих начинаниях даже прямо стремился примкнуть к школе великого сердцеведа или, вернее, открыть собою его школу» [7].

Однако в целом ряде произведений Альбова угадываются более глубокие взаимосвязи с предшествующей литературой. Например, в рассказе «О том, как горели дрова» (1887) писатель использует прямые отсылки к А.С. Пушкину (эпиграф из стихотворения «Пора, мой друг, пора...», 1834 г.), значительно углубляющие смысл рассказа. Содержатся здесь и менее явные намеки на произведения И.С. Тургенева («Дневник лишнего человека», 1850; «Дворянское гнездо», 1859). Это и унылый пейзажный штрих: «Сырая, холодная темень ненастного вечера окутывала N-ский полустанок...»; мотив одиночества и бесприютности, усиленный убогой остановкой постоялого двора, воспоминания героя о молодости и «волшебных мечтаниях» о «блаженной стране», противостоящей «постылому окружающему». Используются традиционные способы передачи душевного состояния героя (сон), поводом для повествования о его прошлой жизни становятся письмо и портрет, напоминающие эпизод из юности героя. Перед читателями разворачивается подробный психологический процесс от охватившей героя «мечтательной неги» до безнадежного ощущения экзистенциального «холода и мрака». Благодаря параллели живой огонь в печи – настроение героя, вспоминающего свою жизнь, смена настроений визуализируется, изменение хода мысли от оптимизма к безнадежности как бы следует за этапами прогорания дров. Бытовая деталь приобретает метафорическое значение: жизнь человека прогорает как дрова в печи, остается только пепел. В данном случае, думается, можно говорить уже не столько о литературном влиянии, сколько о развитии литературной традиции. Соответственно, подражание некоторым приметам стиля Достоевского в произведениях Альбова, в первую очередь, психологическому анализу, можно рассматривать не только как эпигонство (т.е. нетворческое подражание), но и знак примыкания к важнейшей традиции

русской литературы XIX в. – реалистического изображения действительности, с характерным обращением к темным сторонам жизни и критическим их осмыслением, с постановкой психологических, морально-нравственных проблем.

Таким образом, обобщая перечисленные особенности литературных взаимодействий, выявленных в произведениях Альбова, можно сделать вывод о том, что ученическое подражание, а также разного рода заимствования являются знаком глубокого влияния предшествующих произведений русских писателей XIX в., давших творческий импульс, а в ряде случаев ставших предметом творческой переработки.

Список литературы

1. *Альбов М.Н.* Городское происшествие // Сочинения М.Н. Альбова: в 6 т. СПб., 1879. Т. 2. С. 273-294.
2. *Альбов М.Н.* День итога // Соч.: в 8 т. СПб.: Маркс, 1906-1908. Т. 1. С. 3-139, 323 с.
3. *Альбов М. Н.* Записки подвального жильца // Петербургский листок. 1866. 24 февраля.
4. *Альбов М.Н.* О том, как горели дрова. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/alxbow_m_n/text_1887_o_tom_kak_goreli_drova_olderfo.shtml (Дата обращения: 06.02.2020)
5. *Альбов М. Н.* Петербургские мизерабли // Петербургский листок. 1866. 1 сентября; 1866. 4 сентября.
6. *Альбов М. Н.* Сбежала собачка // Сын Отечества. 1866. 17 июня.
7. *Амфитеатров А.В.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Кн. 2. Мемуары. Горестные заметы: Воспоминания. Портреты. Записная книжка. Пародии. Эпиграммы М.: НПК Интелвак, ОО РНТВО, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_1912_albov.shtml (Дата обращения: 25.01.2020)
8. *Аристотель.* Поэтика. [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/poetica/1447a18.php> (Дата обращения: 21.01.2020)
9. *Бахрах А.* Бунин в халате. М.: Согласие, 2000. 242 с. Товарищество зарубежных писателей, Нью Йорк, 1979. [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/bakhrakh_bunin_v_khalate_1979__ocr.pdf (Дата обращения: 19.02.2020)
10. *Гиппиус З.Н.* Последняя беллетристика, 1903 // Собр. соч. Т. 7: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. [Электронный ресурс]. URL: itext.net (Дата обращения: 19.02.2020).
11. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 1989. 573 с.
12. *Кедров К.А.* Подражание // КЛЭ. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 9: Аббасзадэ – Яхутль. 1978. Стб. 632–633.
13. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
14. *Манн Ю.В.* Литературные связи и влияния // КЛЭ. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 4: Лакшин – Мураново. –1967. – С. 313-315.
15. *Муратов А.Б.* М. Н. Альбов (Творчество писателя в литературном процессе второй половины XIX века) // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 120-134.
16. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2012. 446 с. [Электронный ресурс]. URL: itexts.net (Дата обращения: 19.02.2020).
17. *Погодин М.П., Голохвастов К.К., Альбов М.Н.* Кровавый миллион. М., ПанЪинтер, 2005. 255 с.
18. *Ризаева К.В.* Специфика жанров малой прозы в творчестве М.Н. Альбова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13. Вып. 1. 2020. С. 40-44.
19. *Романова Г.И.* Цитата // Введение в литературоведение. М.: Юрайт, 2020. С. 281–292.
20. *Созина Е.К.* Модификация одного литературного типа в творчестве М. Н. Альбова // Модификации художественных форм в историко-литературном процессе. Свердловск, 1988. С. 72-87.
21. *Созина Е.К.* Массовая литература 1880-х годов и творчество М. Н. Альбова // Типология литературного процесса. Пермь, 1990. С. 90-103.

22. *Томашевский Б.* Пушкин – читатель французских поэтов // Пушкинский сборник. М.; Пг., 1922. [Электронный ресурс]. URL: lib.pushkinskijdom.ru (Дата обращения: 19.02.2020)
23. *Тынянов Ю.Н.* Литературная эволюция: избранные труды /сост., вступ. ст., коммент. В.И. Новикова. М.: Аграф, 2002. 495 с.
24. *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (К теории пародии) //Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
25. *Щемелева Л.М.* Заимствование // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 9: Аббасзадэ – Яхутль. 1978. Стб. 307–308.

10.01.01

А.А. Файзрахманова канд. филол. наук, К.О. Козлова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра русской литературы,
Уфа, alfiya-faizi@yandex.ru, yachristina123@icloud.com

ОБ УТОПИЧЕСКИХ МОТИВАХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.А. БУЛГАКОВА

Статья посвящена осмыслению публицистического творчества М. Булгакова. В работе представлен анализ московских очерков писателя, проведённый в свете утопических мотивов, характерных для послереволюционной российской действительности.

Ключевые слова: *утопические мотивы, М.А. Булгаков, очерк, фельетон.*

В современном литературоведении очерковую и/или фельетонную прозу М.А. Булгакова исследуют гораздо меньше, нежели его крупные художественные произведения. Между тем в публицистическом творчестве писателя нашли отражение важнейшие события культурной и общественной жизни послереволюционной жизни. Важно и то, что автор, как и многие писатели того времени, показал этот драматичный период русской истории, основываясь на критическом отношении к действительности, в рамках которого формировалась собственно русская утопическая мысль.

Вопрос об утопической (антиутопической) составляющей произведений М. Булгакова уже привлекал исследователей. Одни ученые акцентируют внимание на утопических мотивах романного творчества писателя [6], рассматривают булгаковские повести в свете антиномичного сочетания в них утопии и антиутопии [4], другие – исследуют антиутопический код его драматургических произведений [2], третьи – в национально-культурном контексте эпохи рассматривают очерковую прозу, отмечая ее утопическую составляющую [7]. Анализ научной литературы показывает, что к наиболее актуальным и наименее исследованным, с позиции выражения в нем утопических мотивов, относится публицистическое творчество М. Булгакова.

Обратимся к очерковой литературе писателя, актуальность которой связана с проблемой как позитивного, так и негативного утопического осмысления послереволюционного времени. *Наиболее ярко, на наш взгляд, утопические мотивы реализовались в московских очерках 1920-х годов («Столица в блокноте», «Сорок сороков», «Золотистый город» и др.).*

Центром авторских размышлений становится Москва, вызывающая у автора множество противоречивых суждений. Отметим, что образ Москвы в булгаковской публицистике носит амбивалентный характер. Это словно «два мира» [1, с. 341]. С одной стороны, образ столицы связан с традиционными представлениями об идеальном мире («привычный уют и уклад» [1, с. 341]). Она кажется автору «золотистым городом», «униженным огнями» [1, с. 353]. По мнению И.С. Урюпина, «обильно-хлебосольная, бесшабашно-веселая, богомольная и патриархальная» [7, с. 206] Москва показана «самой настоящей идиллией» [7, с. 206]. С Москвой писатель связывает свои утопические представления об идеальном месте, которые вполне вписываются в «московский миф», основанный на представлениях о столице как о «центре социальной утопии» [3, с. 6].

С другой стороны, Москва – город контрастов («островерхий, колючий город-павильон» [1, с. 341]), заставляющий автора размышлять о нем в антиутопическом ключе. Лакированные ботинки, машины, сияющие лаком, афиши с мировыми именами, вдохновляющие автора, сочетаются с нищетой и неграмотностью. Автора поражает «баба», которая «в будке на Страстной площади торгует журналами» [1, с. 264] и узнает свой товар только по шрифту. На смену иронии приходит взволнованная патетика: «...да здоровствует

отчаяние!» [1, с. 264]. Москва олицетворяется с «котлом», в котором варится «новая жизнь», и весьма зловеще звучат булгаковские слова о рождении иного «организационного скелета» [1, с. 264], который в подтексте передает апокалипсические настроения эпохи.

Тоска по нравственному и эстетическому идеалу вызывает у М. Булгакова горькие мысли о наступлении иных времен. Писатель с сожалением пишет: «Однако я далек от мысли, что Золотой век уже наступил» [1, с. 263]. Утраченное утопическое мироощущение «золотого века», приводит М. Булгакова к размышлениям об опасных явлениях московской жизни, которые стали уже будничной реальностью – это утрата порядка. И по мысли М. Булгакова, вернутся времена «золотого века» «не ранее, чем порядок (...) пустит окончательные корни» [1, с. 263]. В этом городе хаос, разруха, «мерзость, которая угрожает утопить нас в своей слюнявой шелухе» [1, с. 263], приходит на смену порядку.

Одной из ярких мифологем утопического сознания М. Булгакова становится театр. По мнению исследователей, «пародируя и профанируя утопологиемы театрального сознания, Булгаков, тем не менее, использует один традиционный театрально-утопический мотив, восходящий еще к Белинскому. Это мотив театра как центра жизни, служащего земной осью» [6, с. 50]. Действительно, М. Булгакову удалось показать, что «утопия театра-храма» (С.В. Стахорский) была чрезвычайно важна.

Так, в московских очерках М. Булгаковым создается амбивалентный образ Большого театра: «один такой», «другой – такой» [1, с. 282]. Важно подчеркнуть следующий момент: писатель, в первую очередь, обращается к образу «нового» Большого театра. В авторском сознании он трансформируется в символ советской власти с ее неременной атрибутикой: «красные флаги», «непреклонные фигуры в тулупах поверх шинелей, в шлемах, с винтовками с примкнутыми штыками» [1, с. 282]. Автор указывает на важную примету советской жизни – «в Большом идет съезд» [1, с. 282]. По справедливому замечанию О.А. Павловой, М. Булгаков запечатлел, как «в новых исторических условиях возрождается миссионерская практика, в которой, чтобы облегчить процесс обращения в коммунистическую веру, используются символы русской традиционалистской культуры, причем большую роль в этом процессе играет театр» [5, с. 71].

Более того, представления о новой жизни, в том числе и театральной, неразрывно связаны у М. Булгакова с утопически-эсхатологическими настроениями. Описанию «нового» театра писатель придает апокалиптические черты: следы «от сорванного орла на фронтоне» театра (символа Российской Империи), «всадники в черных шлемах» [1, с. 282] и др. Очевидно, что писатель не мог не прибегнуть к созданию подобной зловещей картины. Булгаковская Москва передаёт чувство расколотости мира.

«Другой» же Большой театр выглядит по-прежнему «таким же нарядным, как раньше», он изображен автором в «излюбленный час театральной музыки» [1, с.282]. Его описание носит вневременной характер: «стоит громадой, как стоял десятки лет» [1, с.282]. Сам театр, его атрибутика («золото-красный зал», «приветливые театральные огни», «волны света», «ряды светлых треугольников и ромбов от раздвинутых завес», «раскаты хора» [1, с.282] и др.) воспринимаются как составляющая прежнего, утопически организованного мира. Однако в этом видится, как считают исследователи, и «вызов наступившей эре хама» [Урюпин, 208]. Так в «Столице в блокноте» символом уходящей эпохи становится человек во фраке («некий живой сигнал» [1, с. 257]), о котором автор пишет с живым интересом. Этот образ интригует автора, поскольку в нем рождается слабая надежда: «Через полгода все оденем во фраки» [1, с. 257].

Становится очевидным, как реализованная утопия стирает грань между сакральным и профанным. Утопическая идиллия прежней театральной жизни разрушается ироническим повествованием о мире полном хамства, грубости, мещанской серости. Авторская ирония («Театр трудящихся. Правильно. Кто трудится, тому надо отдохнуть в театре» [1, с. 228]), сменяется сарказмом, с которым он наблюдает за новым миром, в котором царит невежество, бескультурье, необразованность (поведение «непманши», кричащей через весь зал своей знакомой Доре и др.). По справедливому замечанию О. Павловой, «в этом невежестве

видится «великолепная почва для коммунизма», истолкованного им как разновидность утопического мифомышления» [5, с. 70]. Все указанные особенности позволяют охарактеризовать московские очерки как произведения, в которых нашли отражения утопические мотивы во всех вариантах, в том числе и негативном. Здесь важно отметить, что две смысловые части – идиллия прежней жизни и невежество настоящей – формируют антиутопическую структуру московских очерков. Глубокий скептицизм в отношении тех революционно-утопических преобразований, в центре которых оказывается театральная жизнь, как центральное звено булгаковской утопии, свидетельствует о том, что автор остро переживал все происходящие изменения.

Однако, весь парадокс состоит в том, что в очерках о Москве, сохраняется авторское право на утопическую мечту. Ожидание обновления России, преображение, которое должно прийти на смену хаосу, очевидны в следующих строках: «я мечтаю, как летом взлезу на Воробьевы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва – мать» [1, с.285]. Очевидно, что стремление к высшему ожидаемому идеалу происходит на фоне стихийной смены утопически-эсхатологических картин.

Список литературы

1. *Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Том второй.* – М.: Художественная литература, 1989. – 750 с.
2. *Ли Сын Ок* Элементы антиутопии в драматургии М. Булгакова 1920 - 1930-х гг.: Автореф. дисс. канд.филол. наук. СПб. – 2009. – 22 с.
3. *Малыгина Н.М.* Проблема «московского текста» в русской литературе XX века // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. – М.: МГПУ, 2005. – С. 3-37.
4. *Менглинова Л.Б.* Апокалиптический миф в сатирической прозе М.А. Булгакова // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2006. – № 4 (55). – С. 138-143.
5. *Павлова О.А.* Анализ воздействия социалистической пропаганды на российского маргинального человека 1920-х гг. в публицистике М.А. Булгакова периода «Гудка» и «Накануне» // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2017. – № 1-2 (72-73). – С. 69-78.
6. *Стахорский С.В.* Утопические мотивы в романе М.А. Булгакова «Записки покойника» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2001 – № 5. – С. 48 – 51.
7. *Урюпин И.С.* Творчество М.А. Булгакова в национально-культурном контексте эпохи. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. – 380 с.

10.01.01

М.Ю. Шиманская канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
гуманитарно-эстетический факультет,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, smerti_net@list.ru

МОРТАЛЬНЫЙ КОД В РАССКАЗЕ Л. УЛИЦКОЙ «AQUA ALLEGORIA»

Статья посвящена анализу рассказа Л. Улицкой «Aqua allegoria» в контексте реализации мортального кода. Основной формой художественной репрезентации мортального кода в тексте писательницы служит хронотоп, ольфакторная система знаков, а также образы бабочки, яблока, окна и др. Обращение к танатологической семантике художественного мира Улицкой – возможность постижения мировоззренческих концепций автора.

Ключевые слова: Л. Улицкая, душа, мортальный код, танатопэтика, бабочка.

Таинство смерти беспокоит человека на протяжении многих веков. Наука религия, философия призваны заглянуть за границу возможного – разгадать таинство конечности бытия. Художественное осмысление смерти, вероятно, во многом уступает методологии естественного знания, однако именно творческий взгляд на непостижимое часто является основой духовного представления об истине, которая, как известно, не поддаётся точному измерению.

Новый сборник рассказов Л. Улицкой «О теле души» посвящен приближению к самой последней границе в экзистенции каждого человека – к границе, разделяющей жизнь и смерть. Писательница размышляет о том, что такое душа и её бессмертие, и в этих вечных вопросах идёт, пожалуй, дальше, чем Л.Н. Толстой, который был очарован смертью как чудом превращения, и дальше, чем Г. Гарсиа Маркес, в понимании которого смерть – это возможность «взаимопереходимости форм бытия» [3, с.24]. Герои Улицкой, подобно толстовскому Ивану Ильичу, часто обнаруживают, что жизнь конечна, но смерти нет, или, подобно героям Гарсиа Маркеса, существуют в почти магическом пространстве, где смерть трактуется в фантастически-условном ключе. Каждый из этих героев неизменно обнаруживает, что у жизни и смерти нет никаких границ: нет «ни пробелов, ни пустот», а есть космос, где все знания «растений, микробов, муравьёв, слонов и людей» собраны вместе и общаются между собой, перетекая одно в другое [6, с.250].

Рассказ «Aqua allegoria» – повествование о Соне Солодовой, женщине средних лет, от которой ушёл муж. Это расставание становится поворотной точкой для героини, потому что она только теперь начинает понимать смысл жизни, который «оказался в еде, вернее, в питании» [5, с.156]. Однако «питание» для Сони не становится «заеданием» боли, как могло бы показаться, потому что сначала Соня ест гречневую кашу, а потом только яблоки, которые ей исправно привозит с дачи двоюродная сестра Неля. Такая монодиета демонстрирует особую бестелесность героини, которая будто существует в параллельной реальности, где физиологии вовсе нет места: «о стройности Соня сроду не думала, ела что было, что под руку попадало» [5, с.160], «одни только яблоки не нарушали счастливой легкости» [5, с. 160], «ела Соня яблочные ломтики помалу и подолгу» [5, с.161] и т.п. Отрыв от земного становится для героини своего рода подготовительным этапом к *переходу*. Кроме того, оставшись в одиночестве, Соня принялась за уборку и отмыла начисто кухню, а потом и всю «полутораконатную квартиру» [5, с. 157]. Мотив очищения, омовения пространства также сопровождает лиминальность процесса инициации героини. Для неё особенно важно избавиться от вещей мужа, от запаха жаренного в сливочном масле мяса, от всего, что связано не столько с жизнью в браке, сколько с жизнью земной, крепко держащейся за быт.

Здесь наиболее любопытно решается проблема соотношения пространства с эмоциональным состоянием героини: чем чище становится в квартире Сони, тем легче и стройнее кажется её тело и тем ощутимее «неземной запах одинокого счастья» [5, с.163]. Мотив одиночества здесь тоже кажется неслучайным: Соня не вспоминает мужа, радуется, что у неё нет детей, не нуждается в подругах или родственных связях. Всё это может быть обусловлено идеей встречи со смертью, которую с человеком никто не в силах разделить. Опыт умирания – всегда удел одинокого взгляда в небытие.

Примечательно, однако, что в рассказе Улицкой ни разу не упоминается смерть. Вокабулярий автора как будто не знает этого слова. Осмысление феномена смерти осуществляется опосредованно и абстрагированно. Такое умолчание представляется намеренным, что соответствует и общей философии сборника: смерть не расценивается писательницей как нечто пугающее или как непреодолимая катастрофа. Смерть – скорее способ пробуждения спящей в физическом теле души. Соня Солодова ни разу не думает о собственной конечности, она не боится ни одиночества, ни безденежья, ни страданий. Она легко расстаётся с единственной семейной драгоценностью – гранатовой брошкой – которая, казалось бы, должна хоть как-то роднить Соню с близкими ей людьми, но двоюродная сестра Неля с радостью забирает реликвию, потому что уж она-то крепко держится за всё земное, стабильное и определённое. Акт дарения броши – очередной отказ Сони от любых привязанностей, даже от привязанностей к роду. Подобно героям романа Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», героиня Улицкой существует в реальности, где люди забывают название вещей, не помнят их назначения. Однако если в художественном мире Г. Гарсиа Маркеса такой феномен мыслится трагически, как невозможность человека закрепиться на земле, оставить о себе хотя бы слабое воспоминание, то в тексте Улицкой забвение – вполне естественный процесс, освобождающий от лишнего и одновременно позволяющий соприкоснуться с вечным. Не случайно последним сортом яблок, которые приносит Соне Неля, оказывается антоновка, такая же ароматная, как в рассказе Бунина. Эти яблоки – символ уходящей эпохи у классика – становятся символом уходящей жизни в тексте Улицкой: «Антоновские яблоки, полежав завернутыми в бумагу, тронулись в желтую сторону. Внутренность же их наливалась медленно-прекрасным и сонным вкусом» [5, с.162]. Образ яблока здесь многозначен. С одной стороны, он связан с ветхозаветной легендой о грехопадении человека, вкусившего плод с древа познания добра и зла, а с другой стороны, яблоко обладает символикой вечной молодости и преодоления смерти. Неосознанно отдавая предпочтение яблочной диете, Соня Солодова, подобно библейской Еве, обретает конечность собственного бытия, символом которого становится яблоко. По мысли русского богослова С. Н. Булгакова, грехопадение Евы освободило стихию *ничто*, которая, прорвавшись в мир, окружила человека «ледяным холодом одиночества», однако, эта «основная метафизическая и космическая катастрофа <...>, введя в мир смерть, обусловила другую космическую катастрофу, но уже благую и радостную, – воскресение из мёртвых» [2, с.228]. Таким образом, Ева, нарушая божественный запрет и совершая *выбор* в пользу утраты абсолютной святости и бессмертия, обретает вместе с тем возможность создания новой земли и нового неба. Точно так и героиня Улицкой, бессознательно отказываясь от жизни, выбирает удивительное воскрешение в образе бабочки.

Бабочка – известный в искусстве мортальный знак, поскольку часто выступает символом быстротечности жизни, её бренности, и одновременно, с точки зрения религиозно-мистической, бабочка символизирует человеческую душу [1]. В знаменитом стихотворении И. Бродского этот образ интерпретируется как «эскиз замысла Творца о мире, лучший, чем его материальное воплощение» [4]. Здесь бабочка – «эмблема или полупрозрачное зеркало мира другого, обособленного от нашей грубой реальности» [4].

«Грубая реальность» нестерпима для Сони, поэтому она тщательно избавляется от лишнего. Однако освобождённое пространство не терпит пустоты: сначала оно заполняется ароматом духов «Aqua allegoria», а потом и запахом счастья, который «приходил в квартиру извне и имел родственное отношение к духам Aqua allegoria» [5, с.158]. Таким образом,

ольфакторный код рассказа также маркирует систему мортальных знаков. Всякий мотив умирания традиционно ассоциируется с запахами разложения, гниения, тления. Отсутствие таковых в тексте Улицкой укрепляет мысль о смерти как о *чудесном превращении*, иными словами, как о процессе *рождения* души в жизнь вечную. Метаморфозы, предвосхищающие *переход*, почти не удивляют Соню: её тело покрылось бесцветными шелковистыми ниточками, которые она «обматывала вокруг себя, чтобы всё выглядело аккуратно» [5, с. 164]. Кроме того, героиню постоянно одолевал сон (отсюда и буквальное значение её имени), пока в конце концов она не заснула окончательно. Мотив забвения в рассказе Улицкой представляется как возможность соприкосновения реального и ирреального, как то, что, по определению П. Флоренского, «восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью» [7]. Сознание Сони, обернувшейся куколкой, уже не демонстрируется читателю, поскольку представляет собой безмолвную остановку перед совершающимся чудом. Вместе с тем, тело её источает яблочный запах, который наполняет собой всё пространство квартиры. В Библии благоухание противопоставлено запаху смерти. Так, во втором послании к Коринфянам читаем: «Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы – Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних – запах смертоносный на смерть, а для других – запах живительный на жизнь» (2Кор 2:14-16). Иными словами, тело Христова источает благоухание, названное здесь «запахом живительным на жизнь», и это благоухание есть Истина о грядущем Царстве «во всяком месте» и символ вечной жизни. Однако героиня Улицкой – обычная женщина, не совершающая никаких великих поступков, возводящих её в ранг святых, чьи тела, разлагаясь, источают цветочные ароматы. Тем не менее, логика автора такова, что всякая душа – наивысшая ценность, обладающая святостью сама по себе, и даже Неля, в отличие от почти бестелесной Сони, «пышная и складчатая» [5, с. 159], напоминает упитанную гусеницу, которая однажды тоже превратится в чудесную бабочку.

Итак, сон, в который погружается Соня Солодова на символические сорок дней – условие перехода в потусторонний мир, а смерть тождественна трансформации в иные формы бытия. Чудесная метаморфоза, превращение героини в гигантскую яблочную листовёртку отрицает трагедию смерти, которой, благодаря фантазии автора, не свойственны привычные нашему пониманию смрад, ужас или чувство утраты. Неля замечает отсутствие сестры, но, не обнаружив трупа (вместо разлагающейся плоти «на постели лежали какие-то странные тряпки вроде шерстяных обносков» [5, с. 166]), объявляет её пропавшей без вести. А бабочка Соня выпорхнула в открытую форточку, чтобы поселиться в «непростом месте» [5, с. 167], в мире, который граничит с окном реальности и в котором обитают другие, тоже *превратившиеся* души. Здесь окно – своего рода портал в пространство *иного*, выход в вечность. Символически перемещение души-бабочки выражается не только как переход из земного существования в потустороннее, но и как преодоление любых границ – временных, личностных, бытийных. В художественном мире писательницы утекающая в небытие жизнь есть творение вечности, которая представлена чередой бесконечных превращений. Смерть лишается трагической окраски, а потому сопровождается не деструктивными символами, традиционно свойственными всякой мортальности, но символами перехода, утверждающего сакральную реальность потустороннего существования.

Список литературы

1. Бабочка // SYMBOLARIUM. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 03.02.2020).
2. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
3. *Земсков В.Б.* О литературе и культуре Нового Света. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, 2014. – 592 с.
4. *Ранчин А.* От бабочки к мухе. Метаморфозы поэтической энтомологии Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/5/ot-babochki-k-muhe.html (дата обращения 03.02.2020).
5. *Улицкая Л.Е.*, Aqua allegoria // О теле души: Новые рассказы / Л. Улицкая. – М.: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной. – 2020. – С. 156 – 167.
6. *Улицкая Л.Е.*, Серпантин // О теле души: Новые рассказы / Л. Улицкая. – М.: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной. – 2020. – С. 237 – 252.
7. *Флоренский П.* Иконостас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (дата обращения 14.02.2020).

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

М.А. Камалов, Г.Р. Рашидова канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра печатных СМИ,
Махачкала, mgamid@mail.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ СМИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Статья посвящена проблемам взаимодействия на современном этапе власти и подконтрольных органов власти СМИ, влиянию современных средств массовой информации на поведение регионального электората. Авторы статьи показывают на примерах, насколько воздействие СМИ может зависеть от того, как аудитория воспринимает субъект воздействия, т.е., ту или иную газету или аудиовизуальный канал и насколько понимает, в чьих интересах данное воздействие конкретно осуществляется.

Ключевые слова: *Пресса, электорат, воздействие, выборы, власть.*

Взаимодействие политики и журналистики может носить различные формы: от «обслуживания» власти до борьбы за демократические ценности в обществе. Журналистику принято называть социальным институтом. Новейший философский словарь дает следующее определение термину «социальный институт»: «относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества» [1, с.660]. Функции социальных институтов заключаются в том, чтобы регулировать действия членов общества в рамках социальных отношений; обеспечивать устойчивость общественной жизни; обеспечивать интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов и др. Исходя из этого, журналистика, как самостоятельный социальный институт участвует в управлении обществом наряду с законодательной, исполнительной и судебной властью. Более того, средства массовой информации формируют повестку дня в обществе, тем самым диктуют, на что общество должно обратить внимание.

Каково же влияние СМИ на политическую ситуацию в стране в целом и в Республике Дагестан, в частности? Насколько эффективно или неэффективно средства массовой информации могут влиять на развитие политических событий? Каковы границы этого влияния?

Специалисты в области журналистики выделяют два основополагающих подхода воздействия СМИ на поведение людей и роли СМИ в процессе формирования социальных позиций.

Согласно первому, СМИ оказывают значительное воздействие на аудиторию, на политическую ситуацию. Э. Дэннис в книге «Беседы о масс-медиа» предполагает, что СМИ формирует наше мышление, воздействует на наше мнение и установки, подталкивают нас к определенным видам поведения, особенно во время избирательных кампаний [2, с.139]. Одним из ярких примеров эффективного воздействия средств массовой информации являются президентские выборы 1996 и 2000 года. В то время печатные издания активно действовали, формировали повестку дня, «играли» фактами, использовали языковой ресурс для того, чтобы создать нужный коммуникационный эффект. Исследователь И.И. Засурский называет такой процесс «медиатизацией политики», которое означает «перемещение политического процесса в символическое пространство массовой информации» [3, с.444].

Согласно аналитическому докладу движения «Голос», содержание и объем информации о ходе президентских выборов в 2018 году и участвующих в них кандидатов в российских СМИ носило тенденциозный характер. На протяжении всей избирательной кампании наблюдался дисбаланс в освещении деятельности кандидатов в президенты в СМИ. Такое стало возможным благодаря тому, что большинство средств массовой информации в России являются подконтрольными государству. «Сети подконтрольных властям СМИ на всех уровнях участвовали в манипулятивном освещении избирательной кампании – они задали определенные рамки, в которых должны были восприниматься образы кандидатов. При этом СМИ действовали по единым лекалам, формируя скандальные образы оппозиционных кандидатов» [4]. Вспомним обнародованную в СМИ информацию о наличии счетов в зарубежных банках у кандидата в президенты от Коммунистической партии России П. Грудина. Многие кандидаты оказались не готовыми противостоять информационному давлению со стороны государственных СМИ.

Другие авторы считают, что роль СМИ в политическом процессе минимальна и зависит от ряда опосредованных факторов. С. Кургиян в своей работе «Седьмой сценарий» в качестве такого фактора называет работу СМИ с культурными кодами: демократов привели к власти средства массовой информации за счет новых культурных кодов (например, свобода, выбор, частная собственность и др.) и разрушения старых (закрытый занавес, однопартийность, тоталитаризм, отсутствие свободы слова, жизнь «по талонам», дефицит и др. [5, с.155].

Мы в своей статье придерживаемся подхода К. Гаджиева, согласно которому СМИ имеют серьезное влияние на политическое сознание и поведение населения, а, следовательно, и на политическую ситуацию, но с некоторыми ограничениями. Первое связано с плюрализмом информационного пространства. Множество разнообразных мнений по существующим вопросам или политическим событиям могут стать причиной уменьшения их влияния на аудиторию в силу того, что информация, представленная в одной газете, может противоречить информации из других изданий.

Эффективность воздействия может повышаться в том случае, если СМИ начинают действовать согласованно. Одним из примеров такого тотального сплочения является, например, реакция СМИ на присоединение Крыма к Российской Федерации. В дагестанских СМИ – это поступок М. Нурбагандова, лейтенанта полиции, который был убит сторонниками экстремистской группировки.

Эффективность воздействия также повышается, если транслировать какой-либо идеологический контент в течение длительного времени.

С приходом к власти нового главы Республики Дагестан В. Васильева произошло множество важных политических событий. Это отставки и задержания важных чиновников, руководителей городов и районов, министерств, главных врачей больниц и др. На места экс-чиновников были назначены новые люди. Особенно важным и обсуждаемым политическим событием стало избрание на должность главы муниципального образования «город Махачкала» С. Дадаева, бывшего главы управы Басманного района города Москвы. Наши знания о том, кто есть тот или иной политик или политическое событие опосредованы СМИ и доходят до общества только в медиальной инсценировке, то есть так, как представляют информацию аудитории сами СМИ.

Реакция на назначение нового главы муниципалитета была неоднозначной: от сухой констатации факта до резкой критики. При этом многие издания почти в каждом номере обсуждают тему выборов. Например, еженедельник «Новое дело» поэтапно освещал весь процесс выборов: от подачи заявок кандидатами до избрания главой С. Дадаева. Мы насчитали порядка 25 материалов, написанных в разных жанрах: от расширенной заметки до аналитической статьи. Приведем названия некоторых в порядке их публикации: «Столица в ожидании нового градоначальника» [6], «Один в поле не кандидат» [7], «Не по дням, а по часам» [8], «Это твои проблемы» [9], «В ручном режиме» [10] и др. Почти все они принадлежат двум авторам – М. Мурадову и Г. Сагитову. Главный вывод, к которому пришли авторы статей – это то, что назначение С. Дадаева было предрешено: «Неделей ранее

«НД» предсказывало, что секретарь Махачкалинского отделения «Единой России» А. Ибрагимов окажется страховочным кандидатом на случай, если комиссии придется допускать к выборам лишь только Дадаева и еще одного кандидата» [10]; «В принципе, результат был достаточно предсказуемым, только форс-мажорные обстоятельства или нежелание Дадаева участвовать в выборах могли бы добавить интригу» [10]. Подчеркивая очевидность выбора в пользу С. Дадаева, журналисты приводят факты, мнения, результаты собственных наблюдений. Например, в статье «Твои проблемы» обозначено нарушение принципа равенства кандидатов в ходе проведения конкурса: «Депутат Государственной Думы Г. Омаров потребовал отвода членов конкурсной комиссии, которые входят в партию «Единая Россия», так как они заявили о поддержке одного из кандидатов. Нахождение депутатов от этой партии нарушает принцип равенства кандидатов и объективность проведения конкурса» [9].

Другой республиканский еженедельник «Черновик» также демонстрирует свое недоверие к процедуре проведения конкурса по избранию главы столицы Республики Дагестан. В своем материале «ФарсМажорная Махачкала» автор публикации М. Магомедов, как и его коллеги, называет процедуру избрания фарсом и считает, что по-другому не могло быть, так как «и выборы депутатов НС РД и Госдумы, избрание главы республики и президента страны называется также» [11]. Главной причиной предрешенности итогов выборов автор называет предпочтения главы РД в пользу С. Дадаева, о которых В. Васильев говорил в декабре 2018 года. Усилить такую реакцию и убедить аудиторию, что ничего с приходом нового главы не поменялось может резкий комментарий автора: «Дискредитация конкурса удалась в полном объеме! Вот только был ли смысл так делать?» [11].

Таким образом, можно говорить о том, что влияние СМИ на аудиторию – это не результат одного сообщения, а множественное, часто повторяющиеся мнения по тому или иному вопросу, которые создают кумулятивный эффект, когда идет сосредоточение или концентрация в одном заданном направлении.

Воздействие СМИ может зависеть и от того, как аудитория воспринимает субъект воздействия, т.е., ту или иную газету и насколько понимает, в чьих интересах данное воздействие осуществляется.

Проанализировав публикации государственных изданий на тему выборов мэра города Махачкалы, мы пришли к выводу, что данные СМИ, главным образом, стремятся внушить аудитории то, что нынешние выборы были максимально открытыми и не имели ничего общего с теми, которые проводились до вступления на должность главы РД В. Васильева, а зависели исключительно от компетентности самих кандидатов. Уровень доверия к таким публикациям, на наш взгляд, небольшой. Для государственных изданий характерно одностороннее освещение различных событий, согласно точки зрения своего учредителя.

Таким образом, СМИ – это важный социальный институт, который обладает определенным потенциалом влияния. Существует несколько мнений о степени воздействия СМИ на политический процесс. Согласно первому – они оказывают значительное воздействие на политическую ситуацию, согласно второму – воздействие СМИ незначительно. Мы в своей статье придерживаемся третьей точки зрения: СМИ играют весомую роль в политической жизни общества, способны влиять на общественное мнение и поведение, но существуют факторы, которые могут ограничить или, наоборот, усилить такое влияние.

Республиканские средства массовой информации делятся на государственные и независимые. Каждая из них по-разному принимает участие в политической жизни республики. Если независимые издания, такие как «Новое дело», «Черновик», активно критикуют власть, указывая на недочеты в работе, анализируя принятые ими решения, то государственные – «Дагестанская правда», «Махачкалинские известия», напротив, не расходятся во мнениях с политикой государственной власти, а являются ее массово-информационным рупором.

Список литературы

1. *Грицанов А.*, Новейший философский словарь. Минск,1999. С.660
2. *Дэннис Э., Мэррилл Д.* Беседы о масс-медиа. М., 1997. С.139
3. *Коданина А.Л.* Политика и журналистика как родственные коммуникационные сферы//Вестник Нижегородского университета, 2014 № 2(2). С.444
4. <http://www.golosinfo.org/ru/articles/142634>, (дата обращения: 7.02.2019)
5. *Кургинян С.* Седьмой сценарий. М., 2002. С.155.
6. <http://ndelo.ru/vybory/stolica-v-ozhidanii>, (дата обращения: 8.02.2019)
7. <http://ndelo.ru/vybory/odin-v-pole-ne-kandidat>, (дата обращения: 8.10.2019)
8. <http://ndelo.ru/vybory/ne-po-dnyam-po-chasam>, (дата обращения: 8.10.2019)
9. <http://ndelo.ru/vybory/eto-tvoi-problemy>, (дата обращения: 8.12.2019)
10. <http://ndelo.ru/vybory/v-ruchnom-rezhime> , (дата обращения: 8.12.2019)
11. <http://chernovik.net/content/anons/farsmazhor>, (дата обращения: 12.12.2019)

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксёнов д-р экон. наук,
³В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, ¹Р.Э. Сафаров канд. мед. наук, ²В.Д. Чистонов,
¹Ф.Б. Рахматова, ¹В.А. Перминова, ¹Р.Н. Норматов, ¹Б.С. Фаткуллин

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирского государственного университета

ВКЛАД ПИСАТЕЛЯ, ЖУРНАЛИСТА Р.Б. АХМЕДОВА В РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА

Писатель, переводчик, журналист, сценарист, травник Рим Биаллович Ахмедов (1933 — 2017) написал три уникальных книги по траволечению, рассказы о лекарственных растениях Башкортостана, которые обладают целебным эффектом. Его книга «Одолень—трава» выходила шесть тиражей в издательстве «Китан» и до сих пор пользуется большим спросом у медицинских и спортивных работников.

Ключевые слова: журналист, лекарственные растения, траволечение, медицинские работники, врачи.

12 марта 2020 года в Правлении Союза писателей Республики Башкортостан был проведён литературный вечер, посвященный 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и творчеству писателя, журналиста, сценариста, травника Рима Биалловича Ахмедова. Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, известный писатель, журналист, поэт, переводчик, травник-целитель Рим Биаллович Ахмедов внёс значительный вклад в культурное наследие Республики Башкортостан. Многие журналисты достойно внесли свой вклад в развитие журналистики Республики Башкортостан [1, 2, 3]. Председатель Союза писателей Республики Башкортостан Заки Арсланович Алибаев, коллеги писатели, журналисты отметили его вклад в развитие литературы и журналистики республики. После окончания Литературного института им. А.М. Горького в 1958 году, работал на Центральном телевидении, где по его сценарию в 1960 году была поставлена многосерийная телевизионная повесть «На карте не значится». Необходимо отметить, что печать свои произведения Рим Биаллович начал в 1951 году, до поступления в 1953 году в Литературный институт имени А.М. Горького. Начало творческой деятельности были публикации в всесоюзных газетах «Труд», «Сельская жизнь», а также республиканского значения — «Ленинец», «Советская Башкирия». Первая его повесть о пользе народной медицины «Зелёная охота» обобщила сведения о значении траволечения. Время обучения в Москве для начинающего автора стало отличной жизненной школой. Семинары в Литературном институте вели «классики» всех литературных жанров: Лауреат Ленинской премии М.А. Светлов, орденносец К.Г. Паустовский, доктор филологических наук, профессор К.И. Былинский и др. Огромное духовное влияние на Рима Ахмедова оказал Лауреат Нобелевской премии (1958 г.) Борис Леонидович Пастернак, который проводил семинары в Литературном институте. В литературной среде почитание Б.Л. Пастернака стало непреодолимой трудностью из-за которой Риму Биалловичу пришлось вернуться в г. Уфу. В Москве студент Рим Ахмедов не пропускал ни одной театральной постановки, активно посещал музеи, много работал в библиотеках, смог поработать даже в закрытых фондах Библиотеки им. В.И. Ленина. Рим Биаллович не писал на башкирском языке, но зато отлично переводил тексты. В 1963 году он вернулся домой — в Уфу.

Р.Б. Ахмедов работал редактором в Республиканском комитете Совета Министров БАССР по радиовещанию и телевидению, являлся обозревателем республиканских газет и журналов. Он автор сценариев телевизионных фильмов «Мы рисуем», «Родные мелодии» и др. Народный поэт Башкирской АССР Мустафа Сафиевич Каримов (Мустай Карим) настоял, чтобы перевод романа Гали Ибрагимова «Кинзя» сделал талантливый переводчик Р.Б. Ахмедов. За роман "Кинзя" Гали Ибрагимов был удостоен Государственной премии имени Салавата Юлаева. К сожалению, Рим Билалович не был её удостоен как переводчик. Интерес к траволечению у журналиста был всегда, он мог часами рассказывать о каждой травинке, найденной в поле, о её лекарственных свойствах, времени сбора и правилах хранения. В XX веке фармацевтическая промышленность стала химической, практически полностью перешла от лечения лекарственными травами к таблетированной форме выпуска лекарств. Рим Билалович написал сборники рассказов и книги: «Растения против рака», «Одолень-травы», «Моё разноцветье», «Растения-твои друзья и недруги», «Точка пересечения», «Третья жизнь», «Цветы из под снега», «Слово о реках, озёрах и травах», «Пропавшая река», «Голубые пятнышки», «Пробуждение», «Кладезь», «Промельки», «Книга откровений», «Братья месяцы у моего костра» и др. Он обобщил жизненный опыт поколений башкирского народа и народов, компактно проживающих на территории Республики Башкортостан, а также применение ими лекарственных растений. Его книги появились до интернета и поэтому имели огромную популярность. «Одолень-травы» стала продолжением опыта использования лекарственных растений местным населением, которое особенно имело большое значение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., когда катастрофически не хватало лекарственных препаратов, а антибиотиков век еще не настал. Приготовление растворов для промывания инфицированных ран, приготовление аппликаций для ускорения вялого заживления в послеоперационном периоде, повышение иммунитета и сопротивляемости организма. Интересна позиция Рима Ахмедова в трактовке механизма действия трав обладающих целебным эффектом: «...существуют мужские (солнечные) и женские (лунные) растения. Мужские лучше принимать утром, женские – вечером». С этим нельзя не согласиться, но Рим Билалович считал, что «...А вот то, что есть «горячие» и «холодные» растения – знают не все, хотя это открыли ещё несколько тысяч лет назад». Его позиция заключалась в том, что основа правильного лечения в том, что принимать надо только «горячие» или только «холодные» травы. В своих книгах он предоставляет полный перечень «горячих» и «холодных» трав. Писатель, журналист Р.Б. Ахмедов много общался с заслуженными врачами Башкирской АССР Г.В. Грачёв, В.В. Лобода, Н.А. Самойленко. Особое внимание он уделял воде, которая должна быть очищенной, для приготовления настоев. Травник Р.Ахмедов считал, что подбор трав для приема больным, особенно ослабленным и онкологическим, должен осуществляться индивидуально и строго по показаниям. Он придерживался старой заповеди «Не навреди!», при приёме внутрь настоев из трав пациент должен прежде всего знать об отрицательных воздействиях на организм. Особое внимание Рим Билалович уделял месту сбора растений, он преодолевал большие расстояния 300-400 километров, уходил подальше от промышленных городов, где экология желала отставать лучшего. Особо сурово Рим Билалович в своих произведениях боролся с так называемыми «целителями», которые основной целью своей деятельности ставили наживу на горе больных и их родственников. Он очень скрупулёзно вёл журнал, куда записывал всех своих пациентов, отдельной графой был уточненный диагноз (особенно впечатляет эффективная помощь пациентам с онкологическими заболеваниями IV группы и IV стадии, с множественными метастазами и выраженным болевым синдромом). Особый раздел в его творчестве — это сведения о противопоказаниях в фитотерапии. Не имея медицинского образования, он предупреждал, что одними травами никого не вылечишь, приоритет государственной медицины он ставил всегда выше, предупреждая всех, что сначала необходимо лечиться, наблюдаться и консультироваться у врачей в поликлиниках по месту жительства. Очень много сделал Рим Ахмедов для восстановления и реабилитации спортсменов, особенно после окончания ими соревновательного периода. Как продлить

активную старость? Как ослабить страдания больного и уменьшить переживания окружающих? Ему удалось продлить жизнь многим известным в республике деятелям культуры у которых был фатальный жизненный прогноз, например народный художник Башкирской АССР Александр Данилович Бурзянцев, заслуженный художник Башкирской АССР Алексей Александрович Кузнецов. Среди известных пациентов, которых консультировал Р.Б. Ахмедов были такие знаменитости, Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР певица Мария Лукьяновна Биешу, лауреат Ленинской премии, народный поэт Дагестана Расул Гамзатович Гамзатов и др. Три уникальные книги о траволечении, его удивительные рассказы о целебных растениях Башкортостана стали более популярными среди населения, чем его литературные труды в других областях литературы и журналистики. Уникальные рецепты из трав, лирическая подача сложного медицинского и фармацевтического текста, стали возможно только благодаря писательскому и журналистскому таланту Рима Билаловича Ахмедова, он лауреат литературных премий имени Сергея Чекмарёва и Степана Злобина.

Выводы:

1) Писатель, журналист, переводчик, травник Р.Б. Ахмедов внёс значительный вклад в развитие медицинской и спортивной журналистики Республики Башкортостан.

2) Правлением Союза писателей принято решение ходатайствовать перед Администрацией г. Уфа о названии улицы его именем и утверждении литературной премии, которые пишут об оздоровлении населения.

Список литературы

1. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Хазиманова А.А., Батанин С.А., Абдуллина А.Д., Мухлисов А.Ф., Хисамутдинов К.А., Казалова Д.К., Рахматуллина Д.А. Вклад члена Союза журналистов СССР, доцента В.З. Гумарова в развитие медицинской журналистики Башкортостана (к 90-летию со дня рождения). Казанская наука. 2019, №5. – С.33-35.
2. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Зигитбаев Р.Н., Лифанова А.Д., Нгуен Тхань Нга, Конг Тхи Хоа, Усманова Ф.Х., Батанин С.А., Мухлисов А.Ф. Вклад члена Союза журналистов России и Республики Башкортостан, профессора С.Г. Аксенова в развитие военной и медицинской журналистики (к 60-летию со дня рождения). Казанская наука. 2019, №7. – С.34-36.
3. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Зигитбаев Р.Н., Зайцев Д.А., Валиахметова Л.Р., Шаяхметова Э.Р., Рахимова Р.Ф., Селиванова Е.А., Саидова Д.Д. Вклад члена Союза журналистов СССР А.Г. Шамаева в развитие журналистики Башкортостана. Казанская наука. 2019, №8. – С.24-26.

10.01.10

Г.А. Магомедов канд. ист. наук, М.З. Мамаева канд. ист. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра печатных СМИ,
Махачкала, mgamid@mail.ru

МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Статья посвящена проблемам манипуляции в современных региональных СМИ. В ней приведены наиболее часто встречающиеся на практике методы воздействия на аудиторию. Объектом исследования является практический материал опубликованный в современных дагестанских СМИ.

Ключевые слова: *Телевидение, пресса, манипуляция, аудитория, власть.*

Существует множество различных классификаций способов манипулирования в СМИ. Социологи выделяют такие способы манипулирования, как: фабрикация фактов, отбор материала, упрощение, стереотипизация, дробление информации и др. Данные способы манипуляции применяются чаще всего на телевидении.

Суть фабрикации фактов заключается в том, что манипуляторы говорят правду тогда, когда ее можно проверить, в остальных случаях информация преподносится в желаемом или выгодном для них ключе. Одним из примеров использования фабрикации фактов являются телевизионные сюжеты американского телеканала CNN, в которых были показаны сирийские дети, подвергшиеся, по их мнению, химической атаке со стороны сирийских вооруженных сил. На самом деле представленные кадры оказались ничем иным, как постановкой журналистов, которые не соответствовали действительности. При этом кадры облетели весь мир. Таким образом, телеканал, опираясь на созданный ими же стереотип неправомερных действий руководства Сирии, преподносит информацию в выгодном для себя ключе.

Другими распространенными способами манипуляции в СМИ являются: отбор материала, упрощение, сенсационность, изменение смысла слов и понятий, дробление информации, утверждение и повторение информации и т.д.

Еще одним часто используемым приемом манипулирования в СМИ сегодня является сенсационность. Сенсация или псевдосенсация чаще всего используется в новостных программах. Она направлена на поддержание в обществе нервозности, беспокойности, страха за будущее. Такое состояние людей делает их легкоуправляемыми и легко внушаемыми. Новостные программы «Первого» канала очень часто в качестве центральной подавали новость о размещении США близко к границам РФ своих ПВО-комплексов, тем самым подчеркивая правильность укрепления затрат на обороноспособность страны даже в ущерб социальной обеспеченности.

Кроме способов манипуляции посредством телевидения, существует и ряд других, которые характерны для всех средств массовой информации. Остановимся на них более подробно.

Одним из важнейших инструментов для манипулятора является умение владеть словом. Эта способность дает возможность быстро и эффективно воздействовать на объект манипулирования. «Слова-амебы» – это слова, которые имеют различные семантические границы, не связаны с контекстом реальной жизни. Они могут быть как заимствованными, так и исконно-русскими. Общим является то, что такое слово не вызывает устойчивого представления, образа или ассоциаций. Вот некоторые из них: спикер, электорат, киллер, гарант, оппозиция, демократия, плюрализм, прогресс, независимость, гражданское общество,

парламентарий, рыночная экономика и др. «Слова-амебы» не имеют исторического измерения, неизвестно когда и где они появились, у них нет корней, но они быстро приобретают интернациональный характер.

Благовзвучные абстрактные понятия употребляются и в дагестанской республиканской прессе. Особенно часто мы можем встретить их на страницах государственных изданий. Обратимся к материалу Н. Насрутдинова «Путин – миротворец!». [1] Статья написана в традициях пропагандистской советской журналистики, в ней огромное количество «слов-амеб»: истинный миротворец, дипломатические нюансы, экономический рост, агрессоры, майдановские оборотни, демократия, либералы.

Использование «слов-амеб» в текстах СМИ воспринимается теоретиками журналистики негативно. Такие слова, по их мнению, «имеют неопределенный смысл и оказывают самое большое влияние на толпу... Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию». [2]

Другим приемом манипуляции является объединение в одном тексте противоположных сведений. Особенно часто контраст и обобщение встречаются в материалах, носящих политический характер. Обратимся к таким публикациям.

Материал «Комета Гамалея» журналиста еженедельного издания «Свободная республика» З. Газиева написан в свойственной автору манере – резкая критика, демонстрация своего отношения к произошедшему событию, «хлесткий» язык. Кроме всего этого автор использует контраст: «Министром она была плохим, и министерство в бытность ее правления не лучше» [3] и «Министерство по национальной политике после трагического ухода таких гигантов, как Гусаев и Арухов, было обречено на забвение...». В данной паре противопоставляются руководители министерства. Автор использует оценочные слова «плохой руководитель» и «гиганты». Еще одна пара контрастных предложений в материале: «Я не знаю, каким министром будет Э. Муслимов. Но раньше он производил впечатление адекватного человека. Надеюсь, что и в этот раз чувство юмора, здравый смысл и способность к диалогу помогут ему в новом статусе» и «Страх перед камерой, неумение говорить с теми, кто с тобой не согласен, ограниченность в своем понимании жизни, отказ воспринимать реальность такой, какая она есть – во всем этом наша прекрасная Татьяна Гамалей». Такие тексты манипулятивны. У читателей возникает устойчивое представление о власти, как о неспособной решать существующие противоречия.

Манипуляция с помощью подмены понятия представляет собой умение выдать одно понятие за другое, вызвать определенную реакцию, изменить отношение к чему-либо. Классическим примером, построенным на подмене понятий является процесс образования. Образование – это навязывание человеку определенного образа жизни. Образование учит дисциплине, готовит к роли подчиненного. Таким образом, происходит подмена понятий «подчинение», «послушание» на «свободу», «силу», «возможности». Таким же образом происходит подмена понятий «любовь» и «секс», «спорт», «здоровый образ жизни» и «алкоголь» и т.д. Такие подмены переносятся и в средства массовой информации.

Одним из излюбленных приемов манипуляции в независимых средствах массовой информации, на наш взгляд, является манипуляция критикой. Критика подразумевает подчеркивание отрицательных сторон чего-либо, выделение негативного смысла. Критика может преподноситься постепенно, наращивая объем или «залпом», предлагая аудитории массу отрицательной информации. Журналисты еженедельного издания «Свободная республика» очень часто используют подачу большого количества критической информации в одном материале. Текст эмоционален, в нем большое количество стилистически окрашенных слов, восклицательных и вопросительных предложений, порцелляции. Автор подводит итог следующей цитатой: «По большому счету Сергею Снегиреву наплевать на результаты того, чем он занимается. На мой взгляд, это худший из министров, отвечавших за СМИ за последние 20 лет».

Очень часто в качестве критикуемого материала используются слова самого объекта дискредитации. Ярким примером служат публикации, посвященные экс-главе республики Дагестан Р. Абдулатипову. Его высказывания стали объектом обсуждений и выступлений журналистов. Среди них: «Вы знаете, я освободил вас от рабства, в котором вы находились в течении двадцати лет», «Несколько жен имеет тот, кто не справляется с одной», «Отец рассказывал, что когда он приехал с войны, он удивился, все женщины и дети были с зелеными глазами. Люди кушали траву, нечего было есть, поэтому цвет глаз у них был зеленым». [4] Конечно, такие высказывания, на наш взгляд, не вяжутся с образом политика, взявшего на себя ответственность за республику. Все это дискредитировало Р. Абдулатипова. Таким образом, распространение негативного образа о человеке происходит с его же слов.

Высказывания чемпиона UFC Х. Нурмагомедова на своей страничке в Инстаграм о спектакле режиссера В. Моташнева «Охота на мужчин» стали объектом критики журналистов газеты «Свободная республика». М. Муртазалиев в публикации «Хабиб и другие обстоятельства» подверг резкой критике мнение спортсмена: «Но, к сожалению, есть личности, считающие своим прямо святым долгом раздавать советы всем, кто им попадется на глаза. Почему-то люди, пишущие с чудовищными ошибками столь же чудовищные глупости, уверены в своей правоте и готовы оскорбить, уничтожить, взорвать всех, кто с ними не согласен». [5] Дискредитирующим элементом выступает не только мнение самого бойца, но и дополнительные отзывы в сети Интернет, представленные журналистом в данном материале, которые автор назвал мемами. Приведем лишь некоторые из них: «Хабиб Нурмагомедов раскритиковал солнце за то, что оно слишком ярко выглядит», «Хабиб Нурмагомедов начал борьбу с безнравственностью в театрах».

Несмотря на то, что многие критические материалы отражают реальность справедливо, тем не менее, такие тексты носят манипулятивный характер.

Нет журналистов, которые хоть раз в своей профессиональной деятельности не писали бы материалы, которые могут оказать эмоциональное воздействие на аудиторию, вызвать их сочувствие или негодование, обеспокоенность, страх и панику, одобрение, ненависть и т.д. Цели, преследуемые журналистом, могут быть различными: от положительных, если это касается вопросов патриотического воспитания молодежи, до отрицательных, когда апелляция к чувствам приводит к такому воздействию на психологическое сознание человека, при котором происходит некритическое принятие им убеждений и внушаемых установок.

Таким образом, манипуляция – сложное явление современной жизни, один из распространенных методов ведения информационной войны. Существует множество различных классификаций методов и средств манипулирования. Среди них: фабрикация фактов, отбор материала, манипуляция «словами-амебами», использование контраста и обобщения, подмена понятия, манипулирование критикой и т.д. Приемы манипулирования используются СМИ для воздействия на сознание человека с целью вызвать действия, которые желательны для манипулятора. Манипулирование обычно имеет негативный оттенок. При этом необходимо знать о столь сложном явлении нашей жизни, чтобы не оказаться в роли жертвы и суметь воспользоваться ее приемами при необходимости для защиты или в воспитательных целях.

Список литературы

1. www.dagpravda.ru/politika/putin-mirotvorec/, (дата обращения: 23.03.2019)
2. www.pravmir.ru/manipulirovanie-soznaniem-v-sredstvax-massovoj-informacii/, (дата обращения: 23.03.2019)
3. Газета «Свободная республика», № 11 от 15.03.2019
4. www.ru.citaty.net/avtory/ramazan-gadzhimuradovich-abdulatipov/, (дата обращения: 23.01.2019)
5. Газета «Свободная республика», № 9 от 5.03.2019

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**Л.Р. Бакирова канд. филол. наук, Л.У. Бикмаева канд. филол. наук,
И.И. Файзуллина канд. филол. наук**

Уфимский юридический институт МВД России,
кафедра иностранных и русского языков,
Уфа, ilsi.82@mail.ru

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ЛЕКЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. КУЛЬТУРА РЕЧИ»**

В данной статье рассматриваются методические приемы организации лекционного занятия по дисциплине «Русский язык в деловой документации. Культура речи», при изучении которой возникает необходимость дифференцировать содержание и методику преподавания в соответствии с профилем специализации и характером предстоящей работы специалиста. Приведенные в работе формы организации лекционного занятия способствуют активной познавательной деятельности обучающихся, их размышлению, сравнению, поиску, приобретению и применению новых знаний.

Ключевые слова: *лекционное занятие, русский язык, методика проведения, профессиональная деятельность.*

Культура речи любого специалиста, тем более специалиста с высшим образованием, является показателем его общей культуры: в речи, как в зеркале, отражается уровень образованности и воспитанности человека вообще. Значит, развитие культуры русской речи должно стать обязательным содержательным компонентом подготовки любого специалиста в нашей стране. Такая задача обусловлена статусом русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации, поэтому активное владение им является обязательным для всех граждан России. Степень осознания важности проблемы воспитания культуры русской речи в свою очередь определяет статус дисциплины «Русский язык и культура речи» в учебных планах различных вузов. Удачное определение содержания и методики преподавания данной дисциплины обеспечивает успех решения выдвинутой проблемы.

«Русский язык и культура речи» как учебный предмет изучается во всех высших учебных заведениях не только на гуманитарных, но и на естественных и технических факультетах. Поскольку на разных факультетах готовятся специалисты разных профилей, возникает необходимость дифференцировать содержание и методику преподавания этой дисциплины в соответствии с профилем специализации и характером предстоящей работы специалиста. Например, неодинаковой будет целевая установка, а следовательно и содержание работы по изучению русского языка и культуры речи на факультетах философском, экономическом, математическом или в технических вузах – авиационном, нефтяном, строительном. В связи с этим в учебных планах юридических институтов МВД России изучается дисциплина «Русский язык в деловой документации. Культура речи», т.е. более профессионально-ориентированная для будущих сотрудников органов внутренних дел. Курс предполагает активное овладение навыками письменного и устного делового общения на основе изучения коммуникативных свойств деловой речи, языковых средств, особенностей официально-делового стиля, норм и требований, предъявляемых к языку и текстам деловых документов. В связи с этим преподавателю необходимо объяснить обучающимся сущность языка как общественного явления, функции языка и речи; помочь понять систему языковых единиц и

функционирование их в речи; раскрыть богатство русского языка, его лексики, фразеологии, грамматических средств, многообразие стилистических возможностей; ознакомить с нормами русского литературного произношения, словоупотребления, грамматики, с орфографическими и пунктуационными нормами в письменной речи, с функциональными стилями речи и с особенностями употребления языковых средств в каждом из стилей русского языка; выработать у слушателей и курсантов сознательное стремление к языковому и речевому самосовершенствованию, к повышению собственной речевой культуры, являющейся показателем общей и профессиональной культуры специалиста; привить навыки работы со словарями и справочной литературой.

Лекционное занятие по теме «Культура речи сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» проводится с использованием элементов беседы в вопросно-ответной форме и способствует развитию коммуникативных, рефлексивных и аналитических умений обучающихся (сравнивать, выделять, обобщать) как основных составляющих профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Развёрнутый план-сценарий лекционного занятия должен содержать подробный план всего занятия в сочетании с компьютерными слайдами из мультимедийной презентации. Наличие слайдов не только на экране, но и в плане-сценарии даёт преподавателю возможность быть «непривязанным» к компьютеру. Занятие с использованием современных технологий (презентация, демонстрация видеосюжетов из видеофильма) помогает снять многие негативные моменты: минимум бумаг и хождений по аудитории. Композицию занятия рекомендуется наглядно отражать в сюжетах, предлагаемых на слайдах презентации, что будет способствовать лучшему представлению учебного материала. Использование компьютерных технологий позволит вовлечь обучающихся в активную работу и подвигнуть их к стремлению овладеть необходимыми знаниями в области русского языка [3].

На этапе ввода новой темы ярким приёмом включения обучающихся в активную работу становится введение эпиграфа. Обычно он содержит размышления известных людей о языке права и логически связана с темой занятия, а также даёт дополнительную информацию о выдающихся деятелях. На первом лекционном занятии считаем необходимым введение эпиграфа А.Ф. Кони «*Юрист должен быть человеком, у которого общее образование идёт впереди специального*» [4]. Преподаватель может задать следующие вопросы обучающимся: *Кто такой Анатолий Федорович Кони? Как вы понимаете его убеждение?* Постановка подобных проблемных вопросов (вводных) требует активной познавательной деятельности обучающихся, размышления, сравнения, поиска, приобретения и применения новых знаний. Параллельно на слайдах рекомендуется разместить фотографию известного русского юриста и краткую информацию о нем.

В ходе проведения занятия преподавателю необходимо объяснить обучающимся, что будущие сотрудники органов внутренних дел обязаны следовать общим языковым и речевым правилам. Здесь можно продемонстрировать и проанализировать слайды с примерами, где ошибочно используются профессиональные термины *осу'жденный, возбу'ждено, ходата'йство*. Нужно пояснить обучающимся, что юристы пытаются отстаивать право на некий профессиональный язык, позволяющий пренебрегать нормой, однако давно установлено, что профессиональный жаргон уместен только в узкопрофессиональной среде в условиях неофициального общения. В официальной сфере представители юридической профессии отвечают за точность, ясность, логичность и полноту создаваемых текстов. Также на экране можно продемонстрировать слайды с высказываниями, содержащими ошибки и показывающими неряшливое отношение к русскому языку: «*Эксперт-врач, учёный человек, говорит: «Подсудимый был довольно порядочно выпивши, и смерть раненого, несомненно вероятно последовала от удара ножом»»; прокурор полагает, что «факт можно считать более или менее установленным*» и т.д. Это формирует познавательный интерес к содержанию учебной дисциплины и мотивирует на грамотное использование в речи языковых средств.

На следующем этапе обучающимся предлагается ответить на вопрос: «*Каким путём должен идти юрист, чтобы сформировать хорошую речь, как добиться эффективности в профессиональном общении?*». Обучающиеся, продумывая ответ, получают возможность самостоятельно прийти к тем выводам и обобщениям, которые преподаватель должен был сообщить им в качестве новых знаний, либо понять глубину и важность обсуждаемой проблемы, что повышает интерес и степень восприятия материала. Таким образом, на лекции проблемного характера обучающиеся находятся в постоянном процессе «смышления», «содействия» с преподавателем и в конечном итоге «соавторами» в решении проблемных задач [2].

При рассмотрении вопроса об аспектах культуры речи в целях повышения интереса к русскому языку можно продемонстрировать исторические справки, использовать один из воспитательных методов здоровьесберегающей технологии, направленный на формирование нравственного сознания и поведения и т.д. Очень эффективным является наглядное раскрытие содержания правил с помощью схематических таблиц и рисунков, поскольку такая форма наглядности стимулирует познавательную активность и самостоятельность обучающихся.

С целью развития у обучающихся воображения, абстрактного мышления, повышения интереса к изучаемому учебному материалу и дисциплине в целом считаем необходимым систематическое использование компьютерных видеосюжетов как просмотр отрывка видеоролика «Банеры на улицах», видеофильма «Ирония судьбы или с лёгким паром!», видеоролика из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», видеоролика «Ненужные словечки» по рассказу Л. Измайлова «Ненужные словечки».

В заключение занятия преподавателю необходимо сделать выводы по теме лекции. Завершить рассмотрение вопросов можно словами великого римского философа, политического деятеля, правоведа и оратора Цицерона «Умение правильно говорить – еще не заслуга, и неумение – уже позор, потому что правильная речь не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого гражданина» [1].

Таким образом, выше рассмотренные методические приемы организации лекционного занятия по дисциплине «Русский язык в деловой документации. Культура речи» направлены не только на прочное усвоение программного материала, но и на формирование умений применять полученные знания и навыки в жизни, а также на развитие самостоятельного мышления и познавательных способностей обучающихся.

Список литературы

1. Золотая энциклопедия мудрости. – РООСА, 2013. – С. 635.
2. Компетентностный подход. Инновационные методы и технологии обучения: учебно-методическое пособие / сост. Н.В. Соловова, С.В. Николаева. – Самара: «Универс групп», 2009. – С. 36
3. Организация информационного пространства образовательного учреждения: практическое руководство / Б. П. Сайков. – Москва : Бином. Лаб. знаний, 2005. – С. 272.
4. Риторика для юристов : учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – С. 61-77.

10.02.01

Л.Ш. Мигранова канд. филол. наук

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал),
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, lilimigranova@gmail.com

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ-КОММЕНТАРИИ

В статье рассматривается общая концепция лингвокультурологического словаря-комментария. Обосновывается актуальность создания такого словаря как способа изучения лексической системы художественного произведения, особенностей языка писателя, интерпретирования текста с учетом культурно-исторического контекста. В словаре-комментарии сочетаются лингвистические сведения о языковой единице с культурной информацией.

Ключевые слова: *писательская лексикография, лингвокультурологический словарь-комментарий, концептуальная картина мира, языковая картина мира, языковые единицы, национально-культурные смыслы.*

В последние десятилетия в русистике все активнее развивается писательская (авторская) лексикографии. Актуальность таких исследований обусловлена важностью антропоцентрического подхода к изучению художественного текста, вниманием современных лингвистических исследований к языковой личности, возросшим интересом к концептуальной и языковой картинам мира.

Создатель текста – автор, в своем произведении выражает собственное миропонимание, мироощущение, мировосприятие, а в индивидуальном речетворчестве эксплицирует стилистику своих мыслей и чувств. Сознание человека, зафиксированное посредством языка в художественном произведении, в таком случае выступает как объект, изучение которого позволяет раскрыть особенности картины мира, присущей писателю как индивиду и как представителю той или иной национальной культуры.

С 1990-х гг. начинается стремительное развитие писательской лексикографии. Выбор имени писателя, способы подачи материала в словаре, наконец, тип словаря нередко зависит от существующей научной парадигмы [4, 2014: 335].

На сегодняшний день выделяются различные типы авторских словарей. Основная задача словарей данного типа – служить пособием для углублённого изучения истории литературного языка той эпохи, в которую жил и работал писатель, т.к. каждое слово в словаре строго документировано в своём употреблении. Вместе с тем словари языка писателя являются своего рода путеводителями по творчеству писателя, ключом к правильному пониманию текста автора, пособием при изучении языкового и литературного стилей писателя <...> [2, 2008: 173].

Карпова О.М. пишет о том, что в отечественной лексикографии выделяется два типа авторского словаря – «стилистический, направленный на выявление и описание индивидуально-авторских особенностей языка писателя, и исторический, характеризующий язык эпохи, когда жил и творил писатель, оказавший колоссальное влияние на формирование русского литературного языка» [3, 2007: 112].

За понятием «авторский словарь» стоит целая система словарей, каждый из которых имеет свой аспект описания авторского слова – от простой его фиксации до исчерпывающей, детализированной семантической и стилистической характеристики [6, 2016: 15].

Особым типом словаря в ряду словарей писательской лексикографии можно назвать лингвокультурологический словарь-комментарий к художественному произведению.

Объектом описания в авторском словаре является как лексический состав художественного произведения, словоупотребление автора как конкретной языковой личности, так и авторская картина мира в целом.

Авторская картина мира – это образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности, которая объективируется в создаваемом тексте. Представление мира – это его осмысление и интерпретация, при этом картина мира – особый вид мироощущения, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни, в ней закреплена самая древняя форма общественного сознания.

Языковую картину мира мы определяем как объектную картину в субъективном ее отображении посредством индивидуальной и творческой репрезентации. Языковая личность автора – обобщенный символ/образ носителя и проводника языковых, культурных, коммуникативно-деятельностных поведенческих реакций, ценностей, знаний, установок, традиций и возможностей.

Словарь – один из важных и универсальных способов описания лексической системы языка, лексики прозаической и поэтической речи. Исследование языка художественного произведения – одна из существенных проблем, касающихся изучения творческого наследия писателя.

Художественный текст представляет собой систему языковых средств, выражающую представления автора о мире. Анализ художественного текста позволяет выявить особенности концептуальной системы писателя. Исследование языка художественного произведения важно для изучения концептосферы русского языка, в которой зафиксированы результаты индивидуального опыта познания.

Автор, соединяя в художественном слове номинативную и кумулятивную функции, создает особый феномен – художественную картину мира, выраженную в слове. В тексте каждое слово, каждый знак несет свой смысл, однако не вся информация в тексте представлена эксплицитно. Следовательно, задача читателя – «декодировать» текст в максимальном приближении к замыслу автора.

В некоторых случаях разрыв между культурой прошлого времени и современной культурой настолько велик, что тот или иной факт реальности прошлого требует пояснения. Возникает необходимость объяснения социокультурного фона произведения. Социокультурный комментарий имеет целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог. К тому же он контекстуально ориентирован, помогает раскрыть замысел автора, дать характеристику персонажа, увидеть событие или действующее лицо через призму описываемого времени, прочитать многое за текстом, между строк.

Словари языка писателей активно развивают новый функционал, связанный не только с потребностями научного изучения языка писателя, его идиостиля, но с пониманием, толкованием, адекватной интерпретацией текста читающим человеком; «такие словари способны в различной мере компенсировать лакуны фоновых знаний, возникающие вследствие хронологической отдаленности текста от читателя...» [5, 2018: 291-292].

Под лингвокультурологическим словарем-комментарием мы понимаем такой словарь, который содержит полное лексикографическое толкование, описание, разъяснение, характеристику языковых единиц в контексте культуры, интерпретацию их национально-культурных смыслов.

Безусловно, речь идет о лексемах «русской жизни» (и не только русской). Именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым и ценностным параметрам модели мира. Слово раскрывает особенности видения мира тем или иным народом, автором и является своеобразным ориентиром в его освоении.

Лингвокультурология не ограничивается тем набором языковых единиц, в содержании которых культурный компонент может быть выявлен. Культурно значимыми оказываются не только языковые единицы, обозначающие культурно маркированные реалии, но и те, в которых культурная информация «залегает» на более глубинном уровне семантики.

Специфическими средствами концептуализации текста в идиоконцептосфере писателя являются фразеологические и паремиологические единицы, концепты, символы, метафоры и др., т.к. они вбирают в себя духовный опыт человечества, фиксирующий закономерности бытия, поведения человека и его отношения к миру. Они предстают как «сжатые» тексты культуры.

Такой словарь культурно ориентирован и культурно ориентирует его читателей, имеет учебную ориентацию [3, 2007], способствует формированию лингвокультурологической компетенции, делает частью востребованного обществом совокупного словарного продукта [6, 2012].

Список литературы

1. *Белякова И.Ю.* Русскоязычная авторская лексикография: история, типология, современный этап развития // Преподаватель XXI век. – 2008. - № 4. – С. 167 – 175.
2. *Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка: учеб пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с. [с. 2].
3. *Карпова О.М.* О двух типах словарей в мировой писательской лексикографии (исторический и стилистический словари языка писателя) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Лингвистика. – 2007. – № 522. – С. 110 – 115. [с. 2, 5].
4. *Ломакина О.В.* Историко-этимологическая справка в авторском словаре // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3(45). – С. 335 – 337. [с. 2].
5. *Макеева Е.В.* Словари языка преподавателя в практике преподавания русского языка и русской литературы иностранным учащимся: из опыта работы / Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. – М.: Аквилон, 2018. С. 291 – 300. [с. 4].
6. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. – 43 с. [с. 3, 5].

10.02.01

¹Е.Н. Рядчикова д-р филол. наук, ²А.А. Немыка д-р филол. наук, ²Е.Н. Рожик

Кубанский государственный университет,
филологический факультет,
¹кафедра общего и славяно-русского языкознания,
²кафедра русского языка как иностранного,
Краснодар, e.n.ryadchikova@gmail.ru, annemyka@yandex.ru, rozhik_e@mail.ru

ТЕРМИН «СЛОВЕСНОСТЬ» И ПОНЯТИЕ «СЛОВЕСНИК»: МЕТАЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается функциональный и прагматический потенциал лингвистического термина «словесник» и понятия «словесность» в рамках современной языковедческой парадигмы. Особое внимание уделяется изучению особенностей языковой личности словесника в аспекте коммуникативной прагматики и их реализации в текстах художественных произведений. Использование методов дефиниционного, семантического и контекстуального анализа позволило систематизировать понятийный аппарат, связанный с изучаемой сферой лингвистической прагматики и аксиологии.

Ключевые слова: терминология, лексикография, прагматика, художественный дискурс, словесность, словесник, языковая личность, метаязык.

При всей исторической давности существования понятий «словесность», «словесник» до сих пор не выработано однозначного их понимания и отношения общества к ним, не определен перечень составляющих их единиц. Если в дореволюционной России и в первой половине XX в. данные понятия широко употреблялись, то впоследствии, очевидно, в связи с появлением новых отраслей филологии, со стремлением к модернизации образования они исчезли из активного пользования, получили некоторый налет архаичности. Понятий «словесность» и «словесник» нет ни в «Словаре лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, ни в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой (1990) и энциклопедическом словаре «Русский язык» под редакцией Ю. Н. Караулова (1997), ни в «Словаре культуры XX века» В. П. Руднева (1997). Вероятно, это было исторически обусловлено, так как эти понятия во время создания данных словарей рассматривались в основном как вышедшие из активного употребления, неактуальные.

Данные современных лексикографических изданий и научных исследований представляют и очень узкое понимание словесности – как «устные занятия с солдатами по изучению воинских уставов в дореволюционной русской армии» [8; 9, с. 139], и широкое – это «художественная литература и устное народное творчество» [3, с. 1210].

В современном языковедении термин «словесность» восстанавливается с целью устранения пропасти между преподаванием языка и литературы, восстановления филологического подхода, в рамках которого язык рассматривается как основа для создания речевых произведений, а тексты рассматриваются как произведения словесного творчества [4, с. 310]. Активно развиваются такие направления филологии, как, например, лингвопоэтика, стилистика, изучение языка художественных произведений, языка авторов и персонажей и т. п.

Четкое определение понятия «словесность» – проблема не только метаязыка филологии, но и культуры в целом (которая не может существовать и развиваться без произведений словесности), культуры речи в частности. Проблема культуры речи коммуникантов, в том числе в профессиональной речи лингвистов, не теряет свою актуальность с течением времени, так как появляются некоторые новые правила общения, устаревают прежние, возникают новые термины, подвергаются корректировке имеющиеся. «Проблемы

профессионального общения нефилологов поднимались в научных исследованиях и решались в процессе нормализаторской деятельности: изучались языки специальности физиков, химиков, биологов, медиков и др.

Однако профессиональная речь лингвистов остается за пределами этих исследований» [6, с. 3]. Между тем вопросы профессиональной коммуникации языковедов – как друг с другом, так и с нефилологами – чрезвычайно важны: лингвист должен проявить себя как элитарная языковая личность, способная сделать базовые понятия языка специальности доступными в процессе речевой коммуникации с нелингвистами [7; 10]. Такая языковая личность сочетает в себе и высокий уровень коммуникативной компетенции, и ярко выраженное авторское своеобразие общения, и соответствие идеалам этики. В качестве образца таких личностей можно рассматривать известных ученых, лекторов, мастеров слова.

Словесность подразделяется на теоретические и прикладные аспекты. «Теория словесности, – указывает В. П. Нерознак, – есть особая гуманитарная дисциплина... на стыке лингвистики и литературоведения» [5, с. 7]. В.И. Аннушкин подчеркивает, «что термин словесность не вступает в противоречие с существующей языковедческой терминологией. Ученый предлагает понимать под словесностью «не только художественную литературу, но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени» [2]. Мы также разделяем данную позицию.

В соответствии с этим разнообразными также являются значения понятия «словесник». Это и устаревшие значения: 1) «студент филологического (словесного) факультета, отделения в дореволюционной России» [9, с. 139]; 2) «литератор, писатель» [1], и современные, как преподаватель русского языка и литературы в школе [9, с. 139], так и широкое – лицо, получившее филологическое образование; филолог [9, с. 139].

Очевидно, что словесник – это тот человек, который получил специальное гуманитарное образование и профессиональная деятельность которого связана со словом, с текстом. В силу этого считаем, что в широко понимаемый круг словесников следует включить не только писателей и преподавателей-филологов, но и журналистов, редакторов, корректоров, литературных критиков, переводчиков, ибо их деятельность также сосредоточена на слове, тексте.

Особенности языковедческого специального текста можно выявить, помимо прочего, в процессе изучения коммуникативных черт языковой личности словесника. Они представлены, в первую очередь, в создаваемых им устных и письменных текстах.

В зависимости от степени владения словом, в том числе в коммуникативно-прагматическом аспекте, языковые личности могут быть подразделены на такие типы, как сильная, слабая и усредненная. Сильная языковая личность также может быть нескольких разновидностей. Одна из них – элитарная [10]. Virtuозное владение словом, создание разнообразных вариантов языковой игры, наблюдательность, умение образно передать увиденное и многие другие параметры свидетельствуют о возможности отнесения известных писателей к типу элитарной языковой личности.

В число словесников, представляющих собой сильную языковую личность, входит и писатель С. Д. Довлатов. В его художественных текстах наиболее частотными единицами терминопотребления и метаязыка лингвистики, включая единицы производства и восприятия речи, можно считать лексемы *слово, речь, язык, выражение, высказывание, стиль, говорить, разговаривать, слушать, писать, писатель, читатель, молчать*.

В понимании Довлатова – очень неординарном – рассказчик, прозаик и писатель – не одно и то же, не одна языковая личность, а разные; он разделяет выполняемые ими коммуникативные и прагматические функции: «*Рассказчик действует на уровне голоса и слуха. Прозаик – на уровне сердца, ума и души. Писатель – на космическом уровне. Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик – о том, как должны жить люди. Писатель – о том, ради чего живут люди*» (С. Довлатов. Записные книжки).

Сверхзадача рассказчика сформулирована Довлатовым на основании его собственного неординарного понимания нормального («...абсурд и безумие становятся чем-то совершенно естественным, а норма, то есть поведение нормальное... становится из ряда вон выходящим событием...»). Словесник немислим без любви к слову, без отражения процесса рефлексии.

Одна из ошибок в речевой коммуникации – неумение учитывать интеллектуальный уровень собеседников, их интересы, злоупотребление иностранными словами и сложными малопонятными терминами. Разговору, по мнению Довлатова, следует отдаваться целиком и полностью, чтобы ничего не мешало и даже не сопровождало его, иначе тоже может возникнуть коммуникативная неудача. Писатель все-таки трепетно и серьезно относится к процессу общения: «...разговаривать и одновременно есть — довольно сложная наука. Владеют ею, я заметил, только престарелые кавказцы» (С. Довлатов. Филиал).

Подводя итоги, отметим, что метаязык лингвистики может быть представлен не только в своем прямом назначении, но также и как средство отражения действительности и средство стилизации, а именно в тех публицистических и художественных текстах, которые создаются словесниками, и где главным героем становится либо язык, либо связанные с ним и ассоциирующиеся с ним явления и процессы, либо сам словесник как языковая личность. В последнем случае объектом изучения становятся мотивы и цели, иерархия смыслов и ценностей, коммуникативные потребности и коммуникативные черты языковой личности.

Список литературы

1. Альбеткова Р.И. Русская словесность: от слова к словесности: учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. М., 2013. 304 с.
2. Аннушкин В.И. История русской риторики. М., 2011. 416 с.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь современного русского языка. СПб., 1998. 1210 с.
4. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. Майкоп, 2003. 415 с.
5. Нерозник В.П. Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 5–8.
6. Парижева М.А. Особенности функционирования лингвистических терминов в профессиональной речи: дис. ... канд. филол. наук. Магас, 2005.
7. Рядчикова Е.Н., Тангир К.М. О речевом имидже педагога // Континуальность и дискретность в языке и речи: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2013. С. 161–163.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934-1940.
9. Словарь современного русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1980-1985. Т. 4.
10. Kadilina O.A. & Ryadchikova E.N. Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 9(4), 859—882. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882. P.859-882.

10.02.01

Т.С. Соколова

Томский государственный университет,
кафедра русского языка,
tatyana_sokol-88@mail.ru

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И СЛОВНЫХ ДЕРИВАТОВ

*В работе представлены результаты исследования русских пословиц в аспекте отражения в них сущностных представлений народа о времени суток. Новизну работы составляет выявленная корреляция между содержанием паремий и дериватами словообразовательных гнезд с вершинами **день, ночь, утро, вечер**.*

Ключевые слова: *пословицы, паремиология, утро – день – вечер – ночь, сутки*

Знакомство с собраниями пословиц и поговорок позволяет констатировать не только раннее внимание к этому типу речений, но и изначальное восприятие их как выражение древнейшей народной мудрости. Так, первый русский паремийный сборник носит программное название: «Повѣсти или пословицы *всенароднѣйшыя* по алфавиту». В «Предсловіи до читателя» составитель говорит о пословицах: «...не в ново бо сия, ни нами начало прият, но стародавняя нѣкая <...> яже от многих уже лѣтъ в мѣрѣ утвердишася. И древние мужие, собою искусъ пословиць сих в вещех приимше утвердиша, от них же друго преемнѣ по ряду и до днесь, твердоотно множайшая в насъ содержатся, мно же и в предь будут держатися со усугублением» [7, с. 69 – 70].

Когнитивное направление изучения паремии ориентирует современных исследователей на выявление специфики представления о каком-либо феномене, устройстве той или иной концептосферы с позиций народной культуры и языковых средств ее репрезентации: см., напр. [1]. Поскольку ядро концептуального поля выражается его именем и дериватами последнего, нередко в таких работах за основу берут пословицы с определенной единицей (единицами), чтобы не только определить объем представлений о данном феномене, но и выявить номинативные сферы, маркируемые с помощью этих малых фольклорных жанров [2, 5, 8], что породило термины *гидропаремия, фитопаремия, нумерологические пословицы* и др. для обозначения границ анализируемого материала. Поскольку «паремии являются важнейшим источником изучения функционирования слов в живой народной речи» [5, с. 230], задача настоящего исследования – выявить отраженные в пословицах сущностные характеристики частей суток и определиться с возможностью их сопоставления с семантикой единиц словообразовательных гнезд (СГ) с вершинами *день, ночь, утро, вечер*. Иначе говоря – рассмотреть состав СГ как результат реализации номинативных потенциалов этих вершинных слов, отраженных в паремике.

Материалом для исследования послужили пословицы из двух больших собраний – В.И. Даля [3, 4] и словаря под ред. В.М. Мокиенко [6]. Как он показал, названная лексика представлена в них 69 словами, в том числе 33 – с корнем *ден -/дн-*, 14 – *ноч-/нощ-*, 11 – *вечер-/вечор-*, 11 – *утр-*, общее число их употребления только в сборнике В.И. Даля равно примерно 750. Вполне ожидаемо, наиболее частотными в этом списке оказались сами исходные номинативные единицы, а также некоторые их дериваты (*днем, полдень, сегодня, ночевать, ночью, полночь, вечером, утром*). Лексика с указанными корнями выполняет разные роли в составе пословиц, служа в них не только ключевыми словами (смысловым центром) высказываний (*Седни не без заутрия* [3, с. 232]; *День хвалится вечером* [4, с. 117]; *Ночное денное переиначит* [6, с. 605]), но и в большей или меньшей степени «фоновыми» элементами последних: *Молод месяц – не на всю ночь светит* [3, с. 280]; *Приходил на днях мужичок – менять на грош пятачков* [6, с. 260].

Этот факт обуславливает относительно высокую плотность употребления данных пословиц лишь в небольшом количестве их тематических разрядов («Время, пора», «Праздники – будни», «Работа, земледельческий календарь»), в целом же они «точно» распределяются практически по всем выделяемым в ряде паремнографических трудов концептуальным разделам, характеризующим самые разнообразные аспекты человеческого бытия, напр.: «Бог – вера» (*Даст Бог день, даст Бог и пищу* [3, с. 23]), «Просьба – согласие – отказ» (*Покорно благодарю, наутро подарю: сегодня вечером подарить нечего*) [3, с. 187] и др. Отмеченная особенность коррелирует с выводом о наибольшей проработанности дериватами, восходящими к названиям частей суток, номинативной сферы «Время» – как словными (*дённо, заднеть, вечереть, привечер, вночно, ночком, утресь, обутриться*), так и составными единицами (*на ночь глядя, середь бела дня, Васильев вечерок, по утрянке*).

Материал демонстрирует последовательное попарное противопоставление частей суток друг другу: утро – вечеру, день – ночи, что соответствует главной структурной особенности этого жанра и одновременно отражает связь этих периодов в нашем сознании. Напр.: *Ныне народ хуже прошлогоднего: пришел **ввечеру**, а вышел **поутру** – скажут, что ночевал* [3, с. 143]; *Утром сияет, а к вечеру слиняет* [6, с. 120]; *День враспяжку, ночь нараспашку* [3, с. 126]; *Куда ночь, туда и день* [3, с. 233]. Существенно реже сопоставляются смежные временные отрезки: *Серенькое утро – красненький денек* [4, с. 339]; *С вечера бел заюшка по приволью скачет, с **полуночи** – на блюде лежит* [6, с. 120]. В этом ряду выделяется день как время, сопряженное со всеми другими частями суток: *Хвали утро днем, а день – вечером* [6, с. 938]; *Не день до полдень, а пополудни ночь* [6, с. 258].

Представление о дне и ночи как о наиболее протяженных и важнейших периодах суток выражается маркировкой в языке середины этих временных отрезков: *полдень, ополудни, глухоночь, полунощие* и др. Слова с данными корнями нередко составляют в пословицах фигуру псевдоисчерпания (*День да ночь, то и сутки прочь: так и отваливаем* [3, с. 201]; *Варвара ночи украла, дня притачала* [4, с. 321]), что на деривационном уровне представлено большим количеством композитов (*деннонощно, дненочно, ночеденно, ночедение, дненощный, ночи-день*) и серийных фразеологизмов (*день и ночь, (и) днем и ночью (ни днем ни ночью), денно и ночью, дневать и ночевать*). Деривационный параллелизм, присущий группе в целом (*утресь – днесь – вечересь – ночесь, днеть – утреть – вечереть, утрешний – вечерошний – ночешный*), наиболее ярко проявляется именно в парных противопоставлениях (*севичор – сеутра, навечер – наутро; равнонощие – равноденствие, обыночно – обыдённо, полуденница – полуночица*), особенно для второй пары корней. В этом противопоставлении выявляются более позитивные представления об утре (*Вечер плач, а заутре радость* [3, с. 38] *Вечер смутный – утро радостное* [6, с. 120] и дне (*День ночи мудренее* [6, с. 257]; *Коли день хвалить, так ночь бранить (корить)* [4, с. 197]). В целом же как более благоприятный обычно воспринимается последующий период: *Как ни долга ночь, а день придет* [6, с. 605]; *День вечеру не указчик* [6, с. 256]; *Не горюй по вечерошнему, а жди заутрешнего* [6, с. 120].

Менее всего в паремиях проработаны зоны *утра* и *вечера*. Если с первым связано начало дня (*Как утро начнешь, так и день проведешь; Как с утра, так и до вечера* [м 937]), то со вторым – его конец (*Не видав вечера, и хвалиться нечего* [2, 8]; *День к вечеру, а работа к завтрему* [2.11]). В XX в. до 70 % всех дериватов СГ *утро* составляют единицы, обозначающие этот период (*наутро, поутри, наутринки*). В СГ *вечер*, наряду с аналогичной группой (*вечор, долговечер, повечорок*), выделяется состав наименований праздничных мероприятий, застолий (*Как ни бьемся, а к вечеру наьемся* [3, с. 115]): *вечерина, вечерянка, отвечерка, перевечорки*, чаще молодежных (*С вечера невляги, а утром невстаги* [6, с. 120]). Пословица *День к ночи – ахи короче* [6, с. 256] указывает на такую значимую характеристику дня, как время работы и забот (*Пока едет до овина, пота дня половина; пока едет до двора, пота завтракать пора* (о лентяе) [4, с. 18]; *Скучен день до вечера, коли делать нечего* [4, с. 10]), он же, будучи светлым временем, – символ благоденствия: *Родня середь дня, а как солнце зайдет – ее и черт не найдет* [3, с. 303]. Дериваты дня обозначают работу (*дневка,*

дневать, поденка), работников (денник, денищица), место деятельности (денник, денное, денница) и др., хотя чаще это производные от значения 'сутки'.

Наиболее показателен в этом аспекте материал по *ночи*:

'темное время' (*Днем не смотри, а ночью не видно* [6, с. 837]) – *ночно, обночить, уночить* 'стемнеть', *ночник* 'лампада', *ночесветка* 'моллюск';

'время сна, отдыха' (*Куда ночь, туда и сон* [4, с. 122]) – *ночлег, ночлежка, ночевая* 'место сна', *изночник, полуночник* 'гуляка', *ночник, ночнушка*;

'личное, интимное время' (*Кабы эта страсть, да к ночи* [3, с. 21]) – *ночно, ночушка* 'игры, гулянья', *ночевки* 'девичник', *первоночка* 'брачная ночь';

'время молитв' (*Днем денна моя печальница, в ночь ночная богомольница* [3, с. 302]) – *полуночник, всенощная, обнощница* 'служба; молитва';

'время деятельности' (*Ловец да чернец и по ночам мало спит* [6, с. 489]) – *ночевье, ночница* 'ночное', *ночник* 'рыбак', *полуночник* 'ночной зверь';

'время нечисти' (*К ночи не поминай чертей* [6, с. 991]) – *полуночник, полунощница, ночница* 'злой дух; демон', *ночевка, ночница* 'непопырь';

'время болезней' (*Кто ходит в ночи, тот хочет немочи* [6, с. 605]) – *ночник* 'болезнь', *нощница* 'сиделка', *изночиться* 'ухаживать за больным';

'время воровства' (*Темна ночь вору – мать* [6, с. 605]) – *ночник* 'вор'; *нощетаством* 'тайно, воровски', *нощелудие* 'ночное преступление' и др.

Таким образом, паремика, демонстрируя высокую значимость для этноса и культурную разработанность тех или иных представлений о мире и человеке, одновременно свидетельствует о номинативных словопорождающих потенциях выражающих их лексических единиц.

Список литературы

1. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке: на материале пословиц и поговорок. Автореф. ... канд. филолог. наук. Тюмень, 2004. 20 с.
2. Вода в славянской фразеологии и паремииологии / Научн. ред. А. Золтан, О. Федосов, С. Янурик. В 2 т. Будапешт: ТИНТА, 2013.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Худож. лит-ра, 1984. Т. 1. 383 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Худож. лит-ра, 1984. Т. 2. 399 с.
5. Лукоянова Ю.К. Слова с корневым *год* в русских пословицах и поговорках // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. №5. С. 222 – 231.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
7. Повѣсти или пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту // Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. 1. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. (Сб. ОРЯС, т. 68. №7). С. 72 – 162.
8. Numerologia we frazeologii i paremiologii (Нумерология во фразеологии и паремииологии). Szczecin, 2017. 201 s.

10.02.01

О.И. Шарафутдинова канд. филол. наук, В.И. Поповская

Южно-Уральский государственный университет,
кафедра русского языка как иностранного,
Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Челябинск, gadkie_lebedi@mail.ru, pshen555@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе анализируется ведущий принцип текстовой организации древнерусской и современной нормы права на примере статей, фиксирующих нормы наследования. Делается вывод о трансформации текста линейной организации в разветвлённую гипертекстовую систему.

Ключевые слова: *Русская правда, линейный текст, гипертекст, условные конструкции.*

Формирование древнерусского законодательства началось вскоре после появления письменности. Предполагается, что основные нормы существовали ещё в дописьменный период в устной форме, а затем стали постепенно фиксироваться в письменных источниках [6]. К первым юридическим памятникам относятся русско-византийские договоры 911, 945, 971 годов, «Устав святого князя Владимира, крестившего Русскую землю, о церковных судах», «Русская правда» [4]. Важно отметить, что данные документы фиксируют отдельные законодательные нормы и не представляют разветвлённой правовой системы, что, в свою очередь, отражается в организации текста и языке.

Одним из наиболее полных источников права Древней Руси является первый свод законов – «Русская правда», в котором «закреплены правовые, социальные и экономические отношения восточных славян, включая нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального законодательства [1 с. 145]». Рассмотрим особенности текстовой организации древнерусских законов на примере статей «Русской правды», фиксирующих нормы наследственного права (в данном исследовании анализ осуществляется по переводу древнерусского текста, поскольку в центре внимания - основополагающий принцип формулирования нормы, а не собственно языковые особенности).

Аже кто умирая разделить домъ детемъ своимъ, на томъ же стояти. Паки ли без ряду умереть, то всемъ детемъ и на самого чясть дати по души. [Если кто, умирая, разделит дом (имущество) детям, то пусть так и будет; если же (он) умрет без завещания, то (имущество идет) всем детям, а на помин души самого (умершего) дать выдел.] [5]

Отметим, что приведённая статья, состоящая из двух предложений, включает в себе практически всю необходимую информацию о нормах наследования по завещанию и по закону; другие статьи наследственного права вносят дополнительные аспекты, однако существенно содержание не меняют. 1) «*Если кто...*» Местоимение «кто» характеризуется обобщённой семантикой и не указывает на конкретного субъекта действия. Таким образом не выделяется определённой категории населения, обладающей правом совершения завещания, а напротив, отмечается право любого лица на распоряжение своим имуществом. 2) «*...умирая...*» Одинокое деепричастие, в лексико-грамматическом значении содержащее указание на лицо, совершающее действие, а в синтаксическом, являясь обстоятельством времени, указывает момент его совершения; совместно с подлежащим (*кто*) подчеркивают необходимость изъявления завещательной воли только лично (человеком в момент смерти или незадолго до неё). 3) «*Аже кто умирая разделить домъ детемъ своимъ, на томъ же*

стояти.» В смысловом отношении предложение фиксирует завещание как одностороннюю сделку, в рамках которой завещатель вправе самостоятельно определять доли в наследстве. 4) *«Паки ли без ряду умереть, то всемъ детемъ и на самого часть дати по души.»* Постулируется возможность наследования по закону только в случае отсутствия завещания, а также формулируется основной принцип наследования в равных долях среди наследников одной очереди.

Предложения 3 и 4 с точки зрения синтаксиса являются сложноподчинёнными предложениями с придаточным условия. Отметим, что многие статьи «Русской правды» представляют собой предложения условной конструкции, что отмечается некоторыми учеными как своего рода «штамп» деловой речи того периода [6]. Идеальной (эталонной) УК для русского языка является конструкция, содержащая две пропозиции, находящиеся между собой в подчинительных отношениях, т.е. высказывания, которые укладываются в бипредикативную схему «Если А, то В». Однако в тексте «Русской правды» часто встречаются и полипредикативные условные предложения, в случае если имеет место наличие нескольких следствий. Анна Вежбицкая относит союз «если», формирующий условную конструкцию правовой нормы, к семантическим примитивам, т.е. базовым составляющим языковых высказываний, выражающим элементарные смыслы: «имеется набор семантических примитивов, совпадающий с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления <...> Набор из нескольких десятков понятий, получающих, по-видимому, лексическое воплощение во всех языках мира...» [2. с. 297]. Если принять позицию А. Вежбицкой и определить союз «если» как семантический примитив, то и всю конструкцию эталонного русского условного предложения можно отнести к базовым, лежащим в основе человеческого мышления. В коллективной монографии под редакцией В. С. Храковского такие конструкции относятся к русским прототипическим УК [7].

На этапе формирования текста закона прототипические УК являются наиболее удобными для правовой коммуникации, так как норма права устанавливает взаимосвязь между событием действительности (юридическим фактом) и результатом совершения этого события (правовыми последствиями), то есть юридический факт является условием наступления правовых последствий. В языке такие отношения выражаются посредством УК, сама природа которых предполагает наличие как минимум двух действий, одно из которых является условием существования другого. В то же время, читателям юридического текста удобно декодировать условные предложения, так как рядовому гражданину важно видеть взаимосвязь между конкретным поступком (событием) и результатом его совершения / несовершения. Поскольку на ранних этапах складывания древнерусского законодательства предложения УК являлись основным средством передачи правовой информации, которую далеко не всегда возможно уложить в бипредикативную и даже полипредикативную условную схему, авторы статей членили предложения на логико-смысловые части. Таким образом одна статья – один смысловой фрагмент – представлял собой несколько условных предложений, последовательно связанных между собой семантически (но не всегда синтаксически). В начале статьи нередко добавлялся заголовок – тезис («О наследстве», «О холопстве»), который фактически создавал традиционную трёхчастную структуру текста: тезис – основная часть – вывод, где выводом обычно служило последнее предложение. При этом нельзя не отметить, что эти небольшие по объёму статьи были информационно насыщенными и заключали количество информации, значительно превышающее объём текстового фрагмента.

Разветвлённая система современного российского законодательства содержит несколько источников наследственного права, однако основные нормы закреплены в третьей части ГК РФ. При рассмотрении структурной организации данного документа, становится очевидной его нелинейность.

Во-первых, заголовки и подзаголовки разных уровней выполняют особую функцию – создают относительную автономность текстов и обеспечивают возможность «вхождения» читателя в текст в любом интересующем его фрагменте. Причем заголовки разделов складываются в относительно линейный текст, представленный в виде некоторого тезисного плана («Общие положения наследования» – «Наследование по завещанию» – «Наследование по закону» – «Приобретение наследства» – «Наследование отдельных видов имущества»), что сближает их по своей функции с заголовками в «Русской правде», в то время как подзаголовки являются нелинейными объединениями автономных текстовых фрагментов.

Во-вторых, обрывочность и фрагментарность смыслового содержания каждой конкретной статьи вынуждает читателя охватывать всё большее количество сопутствующих текстов, раскрывающих дополнительные аспекты проблемы. Таким образом начинается нелинейное движение по ссылкам, содержащимся в статьях наследственного права, в результате чего у каждого читателя формируется свой индивидуальный текст. Всё это свидетельствует о нелинейной организации правового текста, понимаемого нами в широком смысле как совокупность всех норм, установленных и охраняемых государством.

Таким образом, разветвлённая правовая система представляет собой гипертекст, т.е. «форму представления информации, при которой кодирование и декодирование смысла выходит за пределы содержания отдельно взятой информационной единицы, оказывается зависимым от нелинейных парадигматических и синтагматических отношений, устанавливаемых как автором, так и читателем» [3].

В заключение отметим, что текст правовой нормы в процессе своего формирования в единую и целостную систему постепенно трансформировался из текста линейной организации в гипертекст особого рода, отличительной чертой которого является его нестабильность (вариативность), понимаемая в данном контексте не только как способность его расширения за счёт введения дополнительных текстовых фрагментов (новых законов, документов, разделов, статей и т.д.), но и как возможность изменения любой из существующих частей условным автором. Потенциальная открытость и вариативность правовой гипертекстовой системы обуславливает сложности её понимания и интерпретации рядовыми носителями языка.

Список литературы

1. Брижко, А.В. Особенности языка законов Киевской Руси // Наука и мир. – 2013. – № 4. – С. 145-149.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. - М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
3. Зыкова, Е.В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов): автореферат дис. канд. филол. наук. – СПб, 2006. – 19 с.
4. Кравченко, Е.В. Влияние византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси // Философия права. – 2014. – №5 (66). – С. 120-124.
5. Русская правда в фондах Российской национальной библиотеки. – URL: <http://expositions.nlr.ru/ruspravda/text.php?st=92> (дата обращения 05.03.20).
6. Улуханов, И.С. О языке Древней Руси. – URL: http://gramota.ru/biblio/research/o_yazyke0/ (дата обращения 05.03.20).
7. Храковский, В.С. Типология условных конструкций. – СПб.: Наука, 1998. – 340 с.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***Н.П. Андреева канд. филол. наук, Г.П. Терентьева, Е.В. Тихонова канд. филол. наук**

Омский Государственный технический университет,
факультет гуманитарного образования,
кафедра иностранные языки,
Омск, r-t@bk.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕКСТАХ ПО РЕКЛАМЕ

Статья рассматривает терминологическую метафору, используемую в специализированных сферах рекламной деятельности. Терминологическая метафора является эффективным средством обработки профессиональных знаний. Цель работы связана с поисками метафор и выявлением причин частого использования терминологических метафор в текстах по рекламе на английском языке. Методом сплошной выборки были отобраны примеры и была предпринята попытка их толкования.

Ключевые слова: *метафорический перенос, метафора, терминологическая метафора, рекламная деятельность.*

Метафорическое терминообразование в качестве одного из способов выражения специализированных понятий является одним из актуальных направлений в современном терминоведении.

Исследованию метафор, как эффективного средства обработки полученных знаний, посвящены работы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Л.М. Алексеевой, М.Р. Желтухиной, В.В. Иваницкого, Н.В. Гороховой, которые освещают исследования в области экономики, медицины, военного дела, трубопроводного транспорта и т.д. В области рекламы метафоризация является одним из способов терминообразования. Метафорический перенос – это один из источников пополнения лексического состава отраслевых терминологических систем.

Исследования метафорического переноса в терминах рекламы заключаются в том, чтобы выявить и изучить структурно-семантические особенности терминологических метафор данной сферы, а также ее суггестивную роль в сфере рекламной деятельности.

Одним из способов терминообразования в терминологии рекламы является метафорическое переосмысление. Метафоризация считается одним из распространенных способов образования новых наименований. Продуктивность метафоризации как одного из главных способов терминообразования подтверждается значительным количеством рекламных терминов, появление которых относится к ранней стадии развития анализируемой терминологии. Это прежде всего метафорически переосмысленные слова, обозначающие части тела человека, животных, птиц. Метафоризация как способ образования терминов основана на сходстве материальной характеристики предметов» [2].

«Процессы метафорических и метонимических переносов идут по линии замены дифференциальных сем нового значения на основе одной общей семы. При этом соотносимая сема может входить в ядро значения и иметь ранг дифференциальной семы, либо находиться в ранге потенциальной семы» [7]. Исходя из этого, можно говорить о видах метафорического переноса: 1). на основе общности визуальных признаков и 2). на основе общности ассоциативных признаков, которые в свою очередь можно разделить на следующие признаки.

1) Сходство по форме, по виду: например, gatefold ~ двойные, или тройные страницы, в основном в журналах, которые разгибаются в большой рекламный лист, т.е. страницы напоминают открывающиеся или закрывающиеся ворота;

2) Сходство по качествам, присущим животным, наблюдается в понятиях следующих терминологических словосочетаний: *bulldog edition* ~ издание печатной публикации, которое готово раньше, чем другие издания. Обычно, это – раннее издание газеты большой циркуляции. Переосмысление происходит за счет первого компонента, так как в общелитературном языке слово *bulldog* имеет следующие значения: 1). бульдог; 2). упорный, цепкий человек; 3). надзиратель (в Оксфордском и Кембриджском университетах); 4). крупнокалиберный револьвер; 5). *bulldog pipe* ~ курительная трубка; 6). *bulldog fly* ~ овод; 7). *bulldog ant* ~ муравей; 8). головка сахара.

3) Сходство по качеству с предметами, используемыми в других сферах жизни: например, *vehicle* ~ рекл. средство, орудие, носитель (рекламы); общелитер. (авто)транспортное средство;

4) Сходство по принципу действия, например: *teaser* ~ «дразнилка», «затравка», дразнящее рекламное объявление (не сообщающее всей необходимой информации, но содержащее указание на то, что отсутствующие сведения будут даны в последующих публикациях или на последующих щитах); *tat* ~ громкая реклама, шумиха;

Новые значения могут развиваться у слова вследствие его употребления в необычной для него функции - в новом функциональном стиле, в новой социальной ситуации. Слово приобретает ранее неизвестный оттенок значения, который затем оформляется в новый лексико-семантический вариант этого слова.

Происходят изменения, как в семантической структуре всей лексемы, так и в отдельном лексико-семантическом варианте. Иными словами, лексические единицы проявляют прагматическую мобильность, мигрируя из общеупотребительной лексики в определенный функциональный стиль (в социолект и жаргон определенной социoproфессиональной группы) и, наоборот: из одного социолекта (жаргона) в другой, например, термин *poster* ~ постер (рекламный плакат, афиша) из полиграфической терминологии вошел в рекламу, а затем в разговорную речь в связи с массовым использованием плакатной рекламы.

Метафоризация в языке науки – это семантический процесс выбора наименований на основе предметного, признакового или функционального сходства двух разнородных объектов.

Согласно классификации Н.Д. Арутюновой [1], выявляются три семантических типа языковых метафор:

1. номинативная;
2. образная;
3. признаковая.

При первом типе семантический процесс сводится к замене одного дискретного значения другим.

Town-criers – городские глашатаи. В античности профессиональными носителями рекламного слова стали городские глашатаи. Должность глашатаев фиксируется археологическими источниками XIV века до н.э. [6]. Она предполагала оперативное оповещение всех граждан города об общезначимых событиях.

Sourwriters - писцы-каллиграфы. До изобретения печатного прессы Гутенбергом вся информация переписывалась от руки. Так что писцы-каллиграфы являлись представителями письменной проторекламы.

Второй тип характеризуется семантическим сдвигом значения, переходом предметного значения в категорию признаковых слов:

brand - обугленное дерево, головешка, далее клеймо, товарный знак, популярный товар, имидж товара или компании;

horn, jingle - рожок, колокольчик - неперенные атрибуты городского глашатая, современное значение - *jingle* - звуковое сопровождение рекламы.

Третий тип метафоры - признаковая - состоит в сопоставлении субъекту метафоры признаков, свойств и действий, которые характерны для другого класса объектов или же относятся к другому классу объектов: graffiti - письменная реклама, которую в античном мире выцарапывали на стенах скал; album - сообщение, наносившееся на выбеленные стены домов.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что данный тип метафоры является орудием выделения познания свойств материальных тел и абстрактных категорий [1].

В сфере массовой информации метафора – важное средство, влияющее на разум, эмоции и волю адресата. Исследования показали, что метафора, метонимия, синекдоха, как основные виды тропов, оказывают наибольшее суггестивное воздействие в масс-медиаальном дискурсе [4].

Рекламная метафора дает возможность понимания одних объектов через свойства и качества других. Она направлена на формирование оригинального рекламного образа и привнесения какой-либо оценки. Как мы видим, метафоры привлекают к себе внимание, порождая положительные эмоции у реципиента. Они экономят речь, более точно называя понятия или действия. Другими словами, выполняют свои главные функции, которые хорошо завуалированы в акрониме - AIDA т.е.

Attention - внимание (привлечь внимание реципиента);

Interest - интерес (заинтересовать реципиента);

Desire - желание (побудить желание к чему-либо);

Action - действие (заставить предпринять какие-либо действия).

В метафоре реализуется принцип индивидуализации, подчеркивающий неповторимость объекта, сравнение, сопоставление, выявляющее их сходство, акцентирующее наше внимание только на одной детали. Поэтому, метафора является идеальным средством для составления английских текстов по рекламе.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора "Энциклопедия: Русский язык". - М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. - С. 233-236.
2. *Ахманова О.С.* Экстралингвистические и внутрilingвистические факторы в функционировании и развитии языка. - В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. - М.: Наука, 1964. - 264с.
3. *Батра Р.* Рекламный менеджмент: пер. с англ. / Р. Батра, Д. Майерс, Д. Аакер. - 5-е изд. - М.; СПб.; К.: Вильямс, 2004. - 784с.
4. *Желтухина М.Л.* Тропология суггестивности масс-медиаального дискурса в языке СМИ: монография. - М., Волгоград, 2003. - 654с.
5. *Кафтанджиев Х.* Гармония в рекламной коммуникации. (Профессиональные издания для бизнеса). - М.: Эксмо, 2005. - 368с.
6. *Куманецкий К.* История культуры Древней Греции и Рима. - М.: Высшая школа, 1990. - 284с.
7. *Розен Е.В.* Новые слова и устойчивые словосочетания сочетания. - М.: Просвещение, 1991. - 187с.
8. *Кафтанджиев Х.* Гармония в рекламной коммуникации. (Профессиональные издания для бизнеса). - М.: Эксмо, 2005. - 368с.

10.02.04

И.А. Бекин

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
кафедра русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации,
Нижний Новгород, ilya459@gmail.com

**ПРОБЛЕМА ПОЛИФОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДРАМЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ Л. ЛИНДЕРА
«ЧЕЛОВЕК В ВАННЕ, ИЛИ КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ»)**

В статье рассматривается проблема полифонии в пьесе Лукаса Линдера «Человек в ванне», исследуются литературные аллюзии, обрисовывается краткая история литературы, в частности, драматургии в Швейцарии, а также анализируются центральные мотивы, композиция и литературные приёмы, используемые в пьесе. Пьеса рассказывает о жизни Альберта Вегелина, который вскоре после расставания с подругой отказывается от еды, таким образом сводя на нет собственное существование.

Ключевые слова: *поликультурное пространство, национальная идентичность характера, современная драма, кафкианство, маленький человек.*

На протяжении всей своей истории Швейцария представляла для иностранцев неизменный интерес, как в культурном, так и в литературном отношении. Отсюда такая невероятная концентрация и полифония идей, определившая швейцарскую литературу. Хоть Швейцария и находится в самом сердце Европы, при этом независимость и стремление держаться особняком, многоязычие – все эти особенности определённо оказали влияние на культурный ландшафт страны. Соответственно, примерно к XVII столетию окончательно оформляются литературные центры с их примечательными типографиями в Цюрихе, Фрейбурге, Лозанне, начинает создаваться «швейцарская литература», в зависимости от области или кантона постоянно испытывающая влияние итальянской, французской и немецкоязычной литературных традиций. Это отмечают и исследователи XIX-XX в.в.: П. фон Матт, Оскар Эберле, Петер Ланг и современные швейцарские авторы Катрин Лоей, Ильма Ракуза, Антуан Жакку, ставшие гостями нашего города. Одним из центральных для севера Швейцарии стало фрейдистское восприятие действительности в некий *modus operandi*

Фрейдизмом, сращенным с классической немецкой философией, безусловно, пропитан культурный фон всего XX века. Это находит отражение в работах трёх главных деятелей культуры немецкоязычного языкового пространства: Томаса Манна, Франца Кафки и Бертольда Брехта. Швейцария, не испытывавшая ужасов войны, выпавших на долю её соседей, сталкивается всё же с их последствиями. В послевоенную литературу (в частности, пьесы Фридриха Дюрренматта, Макса Фриша, Макса Штайгера 1940-х-50-х г.г.) входят, в первую очередь мотивы немецкой «литературы изгнания» [6]. Переосмыслиется ключевой для немецкоязычной литературы второй половины XX века концепт «чувства вины» – швейцарцы тоже виноваты в общеевропейской трагедии. Перед писателями Швейцарии также встаёт вопрос «как мы живём и как нам следует жить?» Ответ на него пытается дать один из последователей писателей «Группы 47», Мартина Вальзера, ученик Карла Крауса Лукас Линдер в пьесе «Человек в ванне, или как стать героем». Лукас Линдер – неоднозначный писатель, давно вышедший за сцену бернского художественного фестиваля, известного за пределами Швейцарии и в России. Молодой швейцарский драматург, которого швейцарская пресса справедливо называет «новым Дюрренматтом» [7] Он родился в кантоне Цюрих в 1984 году, изучал философию и германистику в Базельском университете, писал для театра в Базеле, его работы отмечены многочисленными премиями, в том числе Премией Клейста и призом зрительских симпатий Гейдельбергского театрального фестиваля. В 2018

году вышел его дебютный роман «Последний в своём роде». На русский язык переведены две пьесы Лукаса Линдера (включая «Человека в ванне») и главы из романа. Пьеса «Человек в ванне, или как стать героем» рассказывает нам историю молодого человека Альберта Вегелина, простого служащего, который после расставания с подругой отказывается от еды. Газетчики раздувают из этого сенсацию и вот он уже настоящий герой, бросивший вызов обществу. В своей пьесе Линдер осмысляет степень человеческой свободы, самость и стадность, мораль и нравственность в духе классиков европейской мысли. Вегелин легко и незлобиво выбирает *не есть* – это магистральный мотив, проходящий через всю пьесу. При этом сам он себя героем не мыслит, а скорее пытается угодить всем из человеколюбия. По признанию автора такой приём – попытка посмеяться над вечной вежливостью – «национальным спортом Швейцарии». [10] Действительно, пьеса написана с обезоруживающей иронией, но при этом никому из героев сопереживать не хочется. Есть Вегелин – «герой поневоле», чья самая большая свобода заключается в добровольном почти христианском принятии жертвенной смерти, есть окружение Вегелина, которое на протяжении всего действия этой смерти воодушевленно потворствует. Тут и коллега Шиндер, готовый пойти на всё лишь бы получить новый кабинет, и Дора – девушка, которая легко уходит от Вегелина к другому, и постоянно третирующая главного героя мать, и отец, реплики которого во всей пьесе заменены прочерками, и бескомпромиссный журналист. Особого внимания заслуживает интереснейший «второй ряд» героев пьесы, почти греческий хор – это кворум из политика, философа, автора и ведущей, которые предваряют и обсуждают историю, подчёркивая остро социальный и актуальный характер произведения. В какой-то момент рамочная конструкция нарушается – ведущая и политик также становятся действующими лицами произведения. Таким образом, перед нами разворачивается не только экзистенциальная и абсурдистская, но и социальная драма. Внутренний конфликт перерастает во внешний. Негласный приговор ведёт к закланию, новому распятию, описанному крайне едко, бескомпромиссно и горько. Заслуживает внимание и то, что время действия не определено и не прочитывается из пьесы. Единственными косвенными его приметам служат «старомодная пишущая машинка» секретарши и плёночный фотоаппарат журналиста. Все попытки отнести пьесу к тому или иному периоду времени, тем не менее, терпят фиаско с появлением персонажа Фридриха Ницше. Таким образом, подчёркивается универсальность происходящего. В пьесе Лукаса Линдера отчётливо просматриваются аллюзии на литературные произведения больших предшественников. Наиболее очевидная из них, конечно, «Голодарь» Франца Кафки. Даже в названиях произведений заметна некая переключка (*Hungerkünstler– Held* в пьесе – ещё и легенда (*Wesen*) о Геракле). Этот ряд героев, так или иначе преобразующих действительность. В центре сюжета притчи Кафки – история престарелого «мастера голодания», всю жизнь посвятившего своему искусству, но постепенно оказывающегося не у дел лишнего человека. В привычной манере Кафка выстраивает повествование, остраняясь от читателя, выражает себя ирреально: «то были другие времена», «так жил он долгие годы». На всём протяжении новеллы главный герой противопоставлен своему окружению: «он не мог есть так же, как другие не могли голодать».[1:52] Аллюзия строится на основе антитезы. Голодарь разочаровывается в обществе и не стремится вернуться, его путь художника доведён до гротескного абсурда. Альберт Вегелин также «не может не голодать», но его мотивация состоит скорее в абсурдном следовании собственным инстинктам. Это не высокое призвание – это непротивление и пассивность. Здесь аллюзивный пласт, строится на соположении античных и современных сюжетов. Тем не менее, в этом также можно найти сходство персонажей Кафки и Линдера. Пассивность и молчаливая уступчивость Вегелина не его слабость, но также доведённые до абсурда протестантские добродетели взаимопомощи и приближения к Богу через божественную работу. Голодовка Вегелина – намеренное, самозабвенное и упорное низведение себя до «прототипа героя» и следующее за ним освобождение. Свобода мысли и воли – центральный мотив пьесы, труд голодания вознаграждается обретением «лучшей, свободной, справедливой жизни». В конце Альберт Вегелин также как и голодарь

помещён в клетку, но если место кафкианского героя занимает «молодая, полная жизненных сил пантера», для своего персонажа Линдер выбирает приём умолчания. Итог жизни голодаря – страшен и прозаичен, но с пантерой в его клетку приходит надежда на новую жизнь, свободную от условностей прежних времён. В этом отношении проекция жизни Вегелина, данная автором в эпилоге, выступает как реализованная мечта голодаря: «...голодать еще дольше и стать не только величайшим мастером голода всех времен – им он и без того уже стал, – но и превзойти самого себя, ибо он чувствовал, что его искусство голодать непостижимо, а способность к этому безгранична».[1:53] Именно свобода и безграничность дарованы Вегелину. Отличительной особенностью обоих произведений является медленно развёртывающееся чувство «ужаса обыденности». И голодарь, и Вегелин несвободны из-за собственного окружения (пара сторожей у Кафки, мать, Дора и Шпиц в пьесе), которое определяет устройство и доступность внешнего мира для персонажей. Это также можно считать аллюзией, возникающей параллельно. По мнению Гарольда Блума [2:126] такого рода аллюзивный пласт можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, как логическое развитие одного из элементов аллегории, называемого Блумом *illusion*, что просматривается как в собственно кафкианском тексте, так и в «кафкианском подтексте» Линдера. Во-вторых, в его классическом понимании: аллюзия – непрямая, скрытая ссылка, содержащая намёк. Вспоминая утверждение Ивана Ильина о том, что любой текст – это реакция на предыдущие тексты [10] нельзя не рассматривать аллюзию с позиций интертекстуальности, в связи с чем можно говорить о произведении Линдера как о пространной реакции на «Голодаря» Франца Кафки. В стремлении дать швейцарский взгляд на природу человека, Лукас Линдер, впрочем, как это всегда бывает с большим произведением, написал пьесу общечеловеческую, полную едкой, порой бескомпромиссной сатиры, но очень пронизательную и поразительно глубокую.

Список литературы

1. *Franz Kafka* Gesammelte Werke Anaconda Köln 2014. S. 190-199
2. *Harold Bloom* A Map of Misreading. Oxford, Oxford University Press, 1975. P.126
3. *Oskar Eberle* Das schweizer. Volkstheater der Gegenwart, 1943. S. 35
4. *Peter Lang* Ausgewählte Werke. Herausgegeben und eingeleitet von James Hardin, Verlag. 2018 S. 163
5. *Lukas Linder* Der Mann in der Badewanne oder wie man ein Held wird Theater der Zeit. Verlag Juni, 2012 S. 48-60.
6. *Stadler. E.* Mimos in Schweizerische Geschichte für Theaterkultur (1/2), 1957. S. 56
7. *TagesWoche* URL: <https://tageswoche.ch/form/interview/sie-sind-doch-ein-neuer-duerrenmatt-herr-linder/> (дата обращения 7.03.2020)
8. *Франц Кафка* с/с в 4-х т.т., т. 4 Рассказы. СПб.: Северо-Запад, 1993.
9. *Жакку Антуан* Писатели-франкофоны: есть ли границы в литературе? цит. по выступлению перед студентами НГЛУ 29.10.2019 URL: <https://lunn.ru/news/4961> (дата обращения 07.03.2020)
10. цит. со слов автора *Центр им. Вс. Мейерхольда* URL: <http://meyerhold.ru/chelovek-iz-vanno/> (дата обращения 07.03.2020)
11. *Ильин И.П.* Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты. – В кн.: Проблемы современной стилистики. Сборник научно-аналитических трудов. М., 1989

10.02.04

Д.В. Буц

Оренбургский государственный педагогический университет,
Институт Естествознания и Экономики,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, dashuha@bk.ru

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЛЬЗА И ВРЕД

В данной статье рассматривается проблема влияния англицизмов на русский язык, их положительное и отрицательное воздействие на развитие современного русского языка. В статье раскрывается понятие «англицизмы», приводятся причины заимствований, дается обоснование использования иноязычных заимствований. Статья содержит примеры использования англицизмов в различных сферах человеческой деятельности российского языкового континуума.

Ключевые слова: *английский язык, англицизмы, заимствования, иноязычные слова, лингвистический запас.*

Язык как средство коммуникации имеет с культурой многочисленные непосредственные связи. Следствием взаимодействия культур разных народов является не просто обмен словарными знаками, но также и их заимствование, и даже прочное укоренение в определенных областях знания. В настоящее время процессы глобализации только усиливаются, что ведет к значительному пополнению иностранными лексическими единицами русского языка, в частности, англицизмами. Англицизмы быстро проникают в русский язык, что, безусловно, определяется ролью английского языка как международного. Например, английский язык является одним из официальных языков таких мировых организаций, как ООН, НАТО, ЮНЕСКО, что является одной из причин распространения английского языка по земному шару и заимствований из английского языка в различных отраслях человеческой деятельности. Англицизмы имеют сегодня довольно широкое применение во всех сферах жизни общества: политике, экономике, науке, культуре, спорте, музыке, рекламе [4, 8]. В данной статье предпринимается попытка рассмотрения причин заимствований из английского языка в русский, с обоснованием положительного и отрицательного влияния англицизмов на принимающий язык. В этой связи особый интерес представляет изучение влияния английского языка и на другие языки, распространение англицизмов. Примеры заимствований, послужившие материалом для исследования в данной статье, взяты из словаря англицизмов путем их сплошной выборки [10].

В словаре С.И. Ожегова англицизм представляется как «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованный из английского языка или созданный по образцу английского слова или выражения» [9, с. 25]. Причин заимствования может быть несколько. Так, М.А. Брейтер выделяет три основные [2]. Во-первых, он считает, что заимствование происходит в результате отсутствия в языке соответствующего наименования. В связи с этим в нашу речь вошли такие слова, как «top model» – топ-модель, «sponsor» – спонсор, «speaker» – спикер. Во-вторых, употребление англицизмов является одним из способов замены многосложных русских понятий. Например, бег на короткие дистанции – «sprint» (спринт), место для стоянки автомобиля – «parking» (парковка), «base jumping» (бейсджампинг) – прыжки с парашютом с фиксированных объектов. К таковым можно отнести и слова: «mountain bike» (маунтинбайк) – горный велосипед, «party maker» (патимейкер) – организатор вечеринки или дискотеки, «makeup» (мейкап) – макияж, «flood» (флуд) – хакерская атака с большим количеством запросов [7]. В-третьих, англицизмы обеспечивают эмфатический эффект. Так, например, рецензия на книгу «Миры Пола Андерсона» была озаглавлена

«Аптека. Street. Фонарь», ссылаясь на строчку А.А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...». В данном случае эмфаза создается путем смешанного употребления английского и русского слов: английского слова «street» вместо русского слова «улица».

В жизнь современного человека прочно вошли социальные сети, которые являются основным источником заимствования англицизмов. С появлением Instagram в нашей речи появились такие слова, как фолловер («follower»-подписчик, последователь); пост («post»-запись на странице), лайк («like»-нравится) и глаголы «постить», «лайкнуть», «дизлайкнуть», образованные по законам русского языка. Из социальной сети «Foursquare» с функцией геопозиционирования было привнесено в речь слово «зачекинуться» («checkin»-регистрироваться). В целом глобальная сеть является сегодня крупным источником для заимствования: логин («login»-войти), спамить («spam»-ненужная информация), блоггер («blogger»-автор, создатель сетевого дневника), месседжер («messenger»-мобильное приложение для быстрого обмена сообщениями), чат («chat»-средство общения пользователей в режиме реального времени).

Как указывалось выше, английские заимствования проникают во все сферы нашей жизни и области знаний. Если рассматривать географическую карту, то на ней можно найти большое количество англоязычных географических названий. Среди них самое популярное – Нью-Йорк. Из истории известно, что название «Нью-Йорк» пришло в английский язык от голландских мореплавателей в XVII веке. До этого момента территория называлась Новым Амстердамом.

Обратимся к «географическим» англицизмам, которые отражают географические особенности территорий. К ним относятся национальный заповедник Йеллоустон («yellowstone», что означает «желтый камень», «желтая скала»), остров Лонг-Айленд («Long Island» – буквальный перевод «длинный остров»), город Грин-Ривер («Green River» – «зеленая река»).

Со времен открытия Америки на данной территории сложились самобытная культура, традиции и язык. Благодаря языкам народов Северной Америки, в нашу жизнь вошло большое количество переданных на русский язык методом транслитерации географических названий (Аляска – «великая земля», Висконсин – «травянистая равнина», Чикаго – «сильный запах»).

В начале XX века русский язык пополнился рядом англоязычных слов, которые относятся к политической лексике. Например, во главе государства стоит президент – «the president», во главе города «the mayor» – мэр, на заседаниях Российского парламента председательствующий называется спикером – «speaker», выборы в различные органы власти, часто сопровождаются пиар-акциями – «PR-action».

Развитие спортивной сферы привнесло в русский язык большое количество англицизмов. Многие «спортивные» слова, которые мы слышим и используем в речи ежедневно, пришли к нам из английского языка («goal» – гол, «fitness» – фитнес, «goalkeeper» – голкипер, «bodybuilding» – бодибилдинг, «match» – матч, «basketball» – баскетбол, «sportsman» – спортсмен). Благодаря американской транснациональной компании «Nike» появился запоминающийся апеллятивный слоган «Just do it», теперь часто употребляемый молодежью в русской речи. Другим наиболее известным апеллятивным английским слоганом, имеющим статус фразеологизма из-за частотности употребления, и прочно занявшим свое место в русском языковом континууме после появления фильма о Джеймсе Бонде, стал «Never say never» в значении «Все может произойти», «Нет ничего невозможного» (подробнее об апеллятивных речевых оборотах в [6]). Данные апеллятивные слоганы существуют в русском языке в английской транскрипции, их толкование не требует дополнительного перевода.

Анализируя варианты заимствований, проникающих в различные сферы общества, становится очевидной возможность деления заимствований на две группы:

1. Слова, пришедшие в речь для обозначения новых предметов, явлений, реалий. Например, «inauguration» – инаугурация, «thermo pot» – термопот, «xerox» – ксерокс, «printer» – принтер.

2. Иноязычные слова, имеющие синонимы в русском языке. Например, «remake» (ремейк) – переделанный, «image» (имидж) – образ, вид, фигура, «makeup» (мейкап) – оформление, «boss» (босс) – начальник.

Таким образом, по мере развития человеческого общества происходит развитие языка, который является открытой и динамичной системой. Употребление англицизмов стало уже обыденностью для носителя русского языка. Проникновение англицизмов в русский язык имеет ряд положительных для развития русского языка факторов, к которым относятся:

1. Развитие межкультурного взаимодействия Российской Федерации с другими странами мира, в частности, с Великобританией и США.

2. Обогащение лингвистического запаса русского языка делает речь разнообразной.

3. Облегчение коммуникации людей через использование иноязычных слов.

4. Быстрое овладение английским языком через проникновение англицизмов в русский язык.

Но, несмотря на все положительные аспекты рассматриваемого процесса, существуют и отрицательные факторы от распространения англицизмов в принимающем языке. К таковым можно отнести:

1. Избыточное использование иностранной лексики, приводящее к потере самобытности русского языка, то есть возможное вытеснение имеющихся в русском языке синонимов.

2. Широкое употребление англицизмов, обусловленное погоней за «модой», приводит к появлению стереотипов, к одному из которых относится идеализация американского образа жизни.

Неоправданные заимствования засоряют язык, приводят к утрате ценности родного языка, размыванию границ родной культуры. Однако в условиях глобализации экономики процесс проникновения иностранных заимствований необратим. Важно бережно относиться к родному языку, употреблять англицизмы грамотно, не допускать их избыточности особенно при наличии лексического эквивалента в родном языке.

Список литературы

1. *Бойко С.А.* Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 32-43.
2. *Брейтер М.А.* Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. – 1997. – 155 с.
3. *Володарская Э.Ф.* Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С. 96-118.
4. *Воронова Е.Н.* Проблема иноязычных заимствований в современном русском языке // Образование в современном мире. – 2014. – № 9. – С. 42-43.
5. *Дьяков А.И.* Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. – 2003. – С. 35-43.
6. *Комлева Е.В.* Апеллятивность и текст. – 2014. – 354 с.
7. *Крысин Л.П.* // Иноязычные слова в современном русском языке. – 1968. – 56 с.
8. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – 2017. – 310 с.

Словари

9. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка, – 2011. – 736 с.
10. *Семенова М.Ю.* Словарь англицизмов. The Dictionary of Anglicisms. Ростов н/Д. – 2003. – 277 с.

10.02.04

Е.И. Горшкова канд. филол. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, allgonnabeok@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕБ-САЙТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

В данной статье рассматриваются рекламные тексты вебсайтов, посвященные туризму, и выделяются основные лексико-стилистические особенности этих текстов.

Ключевые слова: *Интернет-коммуникации, рекламный текст, туризм.*

Информация для туристов часто распространяется в печатном виде (каталоги, флаеры), но в последнее время электронная форма становится все более популярной, что связано с ее удобством – возможностью выбрать, забронировать и оплатить поездку, не выходя из дома.

Без сомнения, Интернет и опубликованные в нем тексты обладают особыми признаками: все возрастающая конвергенция устной и письменной речи, смешение вербальной и невербальной коммуникации, использование специальных средств навигации и специфических языковых средств (Е.Н. Галичкина, Е.И. Горошко, О.В. Лутовинова, D. Crystal, S. Herring, C. Thurlow, S.J. Yates).

В качестве материала были отобраны 200 англоязычных сайтов, посвященных туристической тематике в разных странах через поисковую систему Google.

Чтобы отвечать желаниям виртуального клиента, на сайтах присутствуют типичные рубрики, где представлена информация о месте предполагаемого отдыха, об оказываемых услугах, предоставляются контактные данные компании и ссылки на другие сайты по смежным темам. Такая интернет-презентация должна помочь посетителю сайта в организации поездки и пребывания в месте отдыха, а также способствовать популяризации последнего и потенциально улучшить его имидж. Для этого используется целый ряд лингвостилистических средств, в данной статье мы ограничимся рассмотрением лексико-стилистических особенностей рекламных текстов веб-сайтов.

Лексика рекламного текста отличается положительной оценочностью и повышенной экспрессивностью. Слова рекламных текстов призваны создать яркий и привлекательный образ рекламируемого предмета или услуги, что определяет семантику большинства слов рекламных текстов, в особенности прилагательных. «В насыщении текста прилагательными проявляется стремление рекламного текста к динамизму, неординарности, намерении заинтриговать читателя и побудить его дочитать текст до конца» [1, с.15].

К наиболее частотным прилагательным, обладающим положительной семантикой или приобретающим контекстуальную положительную коннотацию, относятся: *unique, new, best, picturesque, popular, charming, fascinating, beautiful, unforgettable, magnificent, comfortable, original, excellent, delicious, pleasant, top, pure, exclusive, sensational, spectacular.*

С этой же целью используется и превосходная степень прилагательных: *Superior double/twin, Best Price Guarantee, the most stunning and beautiful architecture, the most wonderful art you will ever see.*

Если рассмотреть стилистическую функцию прилагательных в рекламных текстах, то они обычно выступают в роли эпитетов: *romantic dinner for 2 persons, Ultra Luxury tours, colourful pageants, scenic religious celebrations, genuine Italian folklore, picturesque and spectacular landscape and scenery* и т.д. В ряде случаев идет «нанизывание синонимов», чтобы создать более рельефный и яркий образ незабываемого отдыха.

Активно используется и антонимия для придания текстам экспрессивности. Например:

Are you ready to experience ...*Dream* Vacations, instead of *Nightmares*... The trip of a *lifetime*, or *hell on earth*? *Personal customer service* from *committed* travel agency owners, not a *Call Center Employee*!

Таким образом реклама создает два скрытых противоположных полюса – «Мы» и «все остальные», наделяя себя всеми положительными характеристиками и, соответственно, своих конкурентов – сугубо отрицательными.

На многих сайтах встречаются метафорические выражения: “Your road to Italy with us”, “Your step back to history amid ancient ruins”, “Italy – this side of Heaven”, “Tours of Italy that take you back in time”, “Get your hands on some helpful information” и т.д.

Прагматический прием заочного присвоения предмета рекламы клиенту [2, с. 11] реализуется через использование личных местоимений + существительных: your trip to Italy, your guided tour, your better choice, your experience, your private driver-guide, your vacation.

Однако преувеличение достоинств могут вызвать недоверие у клиента. В рекламных текстах "усиление оценочности происходит путем нешаблонного использования языковых средств. Для выражения максимальной степени качества прибегают к менее употребительным в других речевых стилях формам" [3, с. 70]. С этой целью используются:

а) прилагательные оценочности в максимальной степени - *fabulous*, *colossal*, *sensational*, *exceptional*:

Our reputation has been built on *unsurpassed* dedication to serving our customers.

б) прилагательные и существительные, образованные при помощи полуаффиксов интенсивности: *ultra*, *multi*, *super*, *extra*, *hyper*.

Ultra Luxury tours, Southwest Louisiana: Hospitality, *extra* fun, *extra* flavor.

Наиболее продуктивным является полупрефикс *super*-:

Super Offer Last Room, *Super* Price, *Super* Offer Dinner and Gondola Ride in Venice, *Super* summer guided fishing package.

в) слова с положительным оценочным значением:

From the beginnings of the Quebec cycling movement in the 1960s to the boundless effervescence of today, Vélo Québec has been a *forerunner*, *prime mover* and *innovator*.

We are *experts* in Costa Rica: Family Trips, honeymoons, vacations trips, tours, incentives, and educational tours.

Характерно, что часто фирма сначала говорит о себе в третьем лице, представляя себя как лучшую, а затем переходит на 1 лицо, что усиливает объективность выдвигаемого утверждения, т. к. представляет мнение словно с позиции некоей третьей нейтральной стороны.

Для привлечения внимания и убеждения также используются экспрессивные возможности синтагматики – в одном тексте комбинируется лексика, принадлежащая к совершенно разным группам (техницизмы, термины, разговорная лексика, поэтизмы и т.п.), например:

The diversity of the landlocked, mountainous country is the essence of Switzerland. Whether you dream of *downhill slopes*, *cross country tracks*, *snowshoe hikes* or lively *après ski*.

С одной стороны, в этой рекламе воссоздается образ заснеженных гор, умиротворяющая красота швейцарского лыжного курорта, с другой стороны, с помощью терминов описываются достоинства курорта, которые могут оценить только заядлые сноубордисты: *cross country tracks*, *snowshoe hikes*, *après ski*.

Last minute ski holidays for *off-piste* addicts

Do you wish you could ride *fresh powder* every time you went skiing?

Здесь также наряду с привлекательным описанием места присутствует особая лексика, понятная только определенной группе лиц: *fresh powder*, *off-piste* – являются слэнговыми словами, принятыми в среде сноубордистов. Первое обозначает “relating to skiing on virgin snow on the regular runs”, второе слово - “relating to skiing on virgin snow off the regular runs” [4]. Жаргонизмы и разговорная лексика нередко включаются в рекламные тексты, играя роль "пароля" при установлении контакта с определенной аудиторией.

Функционально-стилистически закрепленная лексика сохраняет свою экспрессию, не "стирается", она либо имитирует речь в её непосредственности, либо характеризует персонаж рекламного сообщения и отождествляющего себя с ним клиента.

Greetings **LGBT** Travelers! Sometimes you just don't know where to go. All you know is that it's time to get up, pack a bag, and get out of town. In this issue, we're exploring some really unique options for you – from parties in **P-town** to a fascinating **LGBT** tour in Mexico, to romantic Prague. You don't want to miss these gay travel destinations – because life is a vacation!

LGBT – Lesbian Gay Bisexual Transgender – термин для общего обозначения сексуальных меньшинств, к которым относятся Лесбиянки, Геи, Бисексуалы и Трансгендеры, отсюда - ЛГБТ. Данное сокращение хорошо известно в современном обществе. Но сокращение P-town – от Provincetown – город в округе Барнстейбл, штат Массачусетс, США, расположенный на мысе Кейп-Код, в котором находится ЛГБТ-деревня, известно уже гораздо более узкому кругу лиц.

Таким образом, рекламные тексты веб-сайтов туристической направленности демонстрируют особенности, присущие рекламным текстам в целом, но интернет позволяет рекламистам работать очень прицельно, и они, отлично зная свою аудиторию, могут включать в текст рекламы термины, жаргонизмы, сокращения и топонимы, понятные только очень ограниченной группе реципиентов, с которыми работает фирма.

Список литературы

1. Лявшук В.Е. Реклама по-английски и по-русски: трудная легкость языка // Рекламное Измерение № 5 (82), 2001. – С. 14-17
2. Попок Н.В. Лингвостилистические характеристики рекламных текстов (на материале испанского языка): Автореф. дисс. ... к. ф. н. — Минск, 1991. – 20 с.
3. Шишкова Т.И. Попок Х.–К. Стилистика испанского языка: учебное пособие для студентов ин. яз., – Мн.: Новое знание, 1991. – 375 с.
4. Wikipedia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Backcountry_skiing (дата обращения 15.01.2020)

10.02.04

Е.А. Зудова, А.А. Казаков, Е.Г. Ножевникова канд. филол. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
факультет английского языка,
кафедра английской филологии,
Нижний Новгород, eg_nozhevnikova@mail.ru

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ ОГРАНИЧЕННОМ
ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Актуальной областью изучения современной лингвонарратологии является установление характерных особенностей типов повествования в рамках традиционного разграничения на основании «лица» повествователя. В настоящей статье рассматривается ряд отличительных характеристик ограниченного повествования от третьего лица; описывается роль референциального выбора, сочетания и трансформации метафорических моделей, анафорического и эпифорического повторов.

Ключевые слова: *лингвонарратология, повествование от третьего лица, ограниченный нарратор, референциальный выбор, метафорическая модель.*

Художественный текст – уникальное по сложности и многогранности явление, которое рассматривается как «вселенная духа», «организованное единство составляющих его элементов; сообщение, направленное автором (адресантом) читателю (адресату)» [1]. Через художественное повествование с помощью языка раскрываются отношения личности с миром, внутренние причины человеческого поведения. На материале художественного произведения можно исследовать языковое сознание индивидуумов и получить представление о специфике другой культуре.

В лингвистической традиции рубежа XX–XXI вв. формируется новая отрасль научных знаний, исследующая язык художественной литературы, – лингвистика нарратива, в задачи которой входит рассмотрение изменения структуры текста в зависимости от точки зрения того, кто рассказывает историю (основные теоретические положения изложены в работах Д. Менгено, Р. Барт, М.И. Голянич, Ё. Bordas, Р. Charaudeau, D. Herman, J. Kaempfer и др.). Лингвонарратология изучает художественный текст с точки зрения того, как автор конструирует и семиотизирует окружающий мир или собственный опыт в категориях художественного нарратива [6].

Классические типы повествования в настоящее время гетерогенизируются; в частности, в повествовании от третьего лица теперь выделяют следующие виды нарратора: всеведущий повествователь (*omniscient point of view*), объективный повествователь (*final point of view*), ограниченный повествователь (*limited third person point of view*), избирательный повествователь (*third person selective multiple point of view*) [11].

В фокусе проводимого исследования, основные результаты которого отражены в материалах настоящей статьи, находится **ограниченное повествование от третьего лица**. Читатель наблюдает за происходящим со стороны, но ему доступна только точка зрения (в прямом и переносном смысле) нарратора («ограниченный» повествователь не имеет возможности «заглянуть» в мысли других персонажей или соседнюю комнату), его интерпретация происходящих событий. Подобное повествование является намного более личностным, психологически и философски более глубоким. Его популярность возрастает в современном мире, наблюдается тенденция к использованию похожих принципов и в современной русской литературе (в частности в произведении «Дом, в котором...»

М. Петросян [4]). В то же время нельзя отрицать, что когнитивные процессы членения мира и референции себя и других средствами русского и английского языков совершенно различны. Актуальность изучения ограниченного повествования связана с возможностью на его материале способствовать более глубокому пониманию «английского видения мира», особенно для читателей, стремящихся знакомиться с произведениями литературы в оригинале.

Источником языкового материала для исследования стали произведения из трилогии Хилари Мантел о Томасе Кромвелле (романы: “*Wolf Hall*”, “*Bring Up The Bodies*”, “*The Mirror and The Light*”), которая признается одним из основополагающих англоязычных текстов, следующих всем принципам ограниченного повествования.

Новизна проводимого исследования заключается в том, что впервые ведется детальное изучение ограниченного повествования от третьего лица с опорой на чисто лингвистические принципы. Целью настоящей статьи является анализ специфики репрезентации в тексте художественного произведения следующих аспектов восприятия мира персонажем:

1) восприятие отдельных элементов – то, что входит в поле зрения героя и их обозначения (с опорой на теорию референции в понимании Н.Д. Арутюновой, А.А. Кибрик, J. Speaks);

2) восприятие взаимосвязи объектов – то, как герой сочетает различные языковые элементы в структуре высказывания с учетом его знания о мире и системы ценностей, убеждений (исследование пропозиции высказывания по принципам Р.И. Савчук, К.А. Долинина, W. Klein, C. Perdue);

3) ассоциативные связи – характеристика воспринимаемого мира как напрямую (через фонд актуализаторов, отличительных элементов), так и косвенно (метафорически – понимание метафоры согласно Дж. Лакофф, М. Джонсон).

I. Референциальная специфика ограниченного повествования от третьего лица.

В рамках теории референции одним из базовых понятий является дейксис. Дейксис служит для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания, которые указывают на объекты в поле зрения персонажа [2]. Различают две системы пространственного дейксиса: *distance-oriented* (ориентация на слушающего) и *person-oriented* (ориентация на говорящего и других участников коммуникативного акта) [5]. Именно последняя система ориентации наблюдается при ограниченном повествовании от третьего лица, поскольку читатель словно бы «стоит за спиной персонажа».

Среди всех возможных типов дейксиса темпорально-локальный играет наибольшую роль при повествовании, поскольку указывает на время и место действия, акцентирует локализацию субъектов. Однако, при ограниченном повествовании привычные указатели *here / there* можно встретить только в прямой речи героев (“put it over *there*”), также как и наименования местности, где в конкретный момент происходит действие; информация о локации доступна читателю только в том виде, в котором ее получает / проговаривает нарратор (“join us in the *living-room*” – нет информации о других комнатах).

Наибольший интерес представляет употребление местоимения третьего лица *he* (выделения в цитируемом тексте здесь и далее авторов статьи) которое в анализируемом материале могло обозначать самого повествователя, человека, которого он непосредственно видит перед собой или того, о ком он только думает. Пример комплексного использования местоимения *he* можно наблюдать в следующем фрагменте:

Eight anterooms: in the last, where the cardinal should be, he finds Anne Boleyn. Sheba eddies towards him, rosy, round, and he acknowledges her: Anselma, lady made of wool, I thought I'd never see you again.

He had sent word back to Antwerp, applied discreetly for news; Anselma was married, Stephen Vaughan said, and to a younger man, a banker. So if he drowns or anything, he said, let me know [10].

В первом абзаце в части {*he acknowledges her*} местоимение *he* (редуцированная именная группа) относится к Томасу Кромвелю, главному герою, который наблюдает за происходящим со стороны (его полное имя в тексте не указано). В начале второго абзаца *he* является референцией к совершенно другому персонажу (Кардиналу), упоминание о котором в тексте находится только в начале анализируемого фрагмента, где описывается, кого ожидал увидеть (однако не увидел) перед собой Кромвель, войдя в последнюю комнату {*where the cardinal should be, he finds Anne Boleyn*}. Еще более проблемным для читателя оказывается во втором абзаце фрагмент {*if he drowns or anything, he said, let me know*}. Первое *he*, как показывает анализ повествования с учетом предшествующих и последующих глав, относится к молодому человеку, за которого вышла замуж Ансельма, а второе *he* вновь к кардиналу, который заинтересован в дальнейшей судьбе этого молодого человека.

Подобная амбивалентность употребления местоимения третьего лица является одной из особенностей референциального выбора при ограниченном повествовании от третьего лица (нарратор в то же время участник событий, но единственный, кто может их оценивать). В то же время такая двойственность требует от читателя внимания к окружающим действительным элементам для верной идентификации человека, о котором идет речь. В ходе анализа более 20000 случаев употребления полной / редуцированной именной группы было установлено, что в среднем на 10000 знаков приходится около 130 примеров употребления редуцированной именной группы и только 90 примеров полной именной группы.

II. Значимость организации элементов высказывания при ограниченном повествовании от третьего лица.

Следующим логичным шагом после рассмотрения референциального выбора представляется анализ структуры продуцируемого высказывания. Высказывание состоит из открытой (то, что действительно сказано) и скрытой части (то, что герой подразумевает) [7; 8]. При ограниченном повествовании от третьего лица достаточно сложно провести грань между данными частями, так как все видение героя субъективно; оно основывается на имплицитных элементах и пресуппозиции (нарратор – живой человек, индивид со своими ценностями и моралью), что в свою очередь оказывает влияние на пропозицию высказывания. Именно поэтому наибольший интерес представляет рассмотрение «исходной базы данных» – комплекса знаний и ценностей персонажа, с позиции которого ведется повествование.

The knocking at the gate comes after midnight. His watchman rouses the household, and when he goes downstairs – wearing a savage expression and in all other respects fully dressed – he finds Johane in her nightgown, her hair down, asking ‘What is this about?’ Richard, Rafe, the men of the household steer her aside; standing in the hall at Austin Friars is William Brereton of the privy chamber, with an armed escort. They have come to arrest me, he thinks [10].

В приведенном отрывке приводится заключение нарратора относительно причины появления вооруженного отряда на его пороге в столь поздний час (после полуночи) – его собираются арестовать – но не дается обоснования этого заключения. Вывод может быть понятен только читателю, который помнит краткое упоминание Уильяма ранее в тексте произведения, когда кардинал принял решение об аресте другого человека и отправил того же официального посланника.

Видение нарратора накладывает отпечаток также на размещение элементов при построении высказывания. В классическом повествовании от третьего лица в структуре предложения нередко наблюдается большое количество вводных и описательных конструкций в отношении героев, их окружения и местоположения. Подобный «избыток» элементов совершенно не характерен для ограниченного повествования. В приведенном ранее отрывке автор в основном описывает последовательность происходящего и дает совсем небольшое описание в отношении внешнего вида героев. Нарратор, кроме того, раскрывает в определенной степени свои мысли как героя, но без какой-либо дополнительной эмоционально-оценочной окраски – это видение персонажа и его реакция в настоящий момент; анализ собственных действий он сможет сделать только через определенное время.

Отчасти с подобными особенностями презентации информации связана и тенденция к использованию прямого порядка слов. При ограниченном повествовании от третьего лица следует отметить довольно простой набор элементов: в большинстве случаев подлежащее всегда на первом месте, а сказуемое на втором (фактически полное отсутствие инверсии).

These days are perfect. The clear untroubled light picks out each berry shimmering in a hedge [9].

Следует также отметить принцип членения информации: в приведенном отрывке содержится описание погоды, при котором в каждом предложении констатируется отдельный факт («замечательный день», «ясный свет»). Подобные описания в другом произведении от третьего лица были бы намного более стилистически возвышенными, однако нарратор данного текста не является поэтом, он прагматичный человек, приземленный и сосредоточенный на своей работе, что отражается на структурировании текста, в котором факты доминируют над эмоциональными и оценочными суждениями.

В ограниченном повествовании от третьего лица актуальным становится не только порядок слов в отдельном предложении, но и в ряду последовательных предложений, что может отражать повторяемость действий или последовательность мыслей героя. На языковом уровне отразить процесс рассуждения могут лексические и синтаксические повторы. Для анализируемого вида повествования наиболее характерными оказались синтаксические повторы: анафора и эпифора. Наиболее активно используемым типом повтора является анафора. По среднестатистическим подсчетам на каждые 50 страниц приходится около 108 примеров анафоры.

Inch by Inch. Inch by Inch forward. Never mind if he calls you an eel or a worm or a snake [10].

Анафора в данном фрагменте подчеркивает медленность, но стабильность продвижения (дюйм за дюймом). Однако подобное употребление анафоры является традиционным; более уникально для ограниченного повествования от третьего лица обращение к синтаксическим повторам, чтобы раскрыть логику мышления персонажа.

Those who want to go, let them go. Those monks who are ordained priest can be given benefices, do useful work in the parishes. Those under twenty-four, men and women both, can be sent back into the world [9].

Читатель наблюдает тенденцию героя мысленно возвращаться к тому, о чем речь шла ранее, чтобы не потерять ход своих мыслей. Проводится сопоставление различных групп людей, которых встретил Кромвель, однако «принципы, для их объединения в группы» не являются общепризнанными и очевидными для читателя (и других персонажей). Кромвель вспоминает тех, кто хотел его покинуть (*Those who want to go*), составляет план о перераспределении должностей священников, затем вспоминает о молодых людях (*Those under twenty-four*). Данные три группы не являются взаимоисключающими, их сопоставление логично только с позиции Кромвеля, как нарратора, и это сопоставление отражается посредством анафоры в стилистике параграфа.

В отличие от анафоры, которая отражает ход рассуждений нарратора, дает своего рода отсылку к уже сделанным выводам или отмеченным фактам, эпифора, как показал анализ фактического материала, используется, преимущественно, для описаний планов и намерений героя. Нарратор в определенной мере строит алгоритм своих действия, чтобы не сбиться с намеченного плана – отмечается ориентация на будущее.

'Fine,' he says. He walks on. He thinks, you wait. You may have to wait a year or two, but you just wait [10].

Повтор элемента *{you wait}* подчеркивает решительность нарратора реализовать свой план, даже если на это потребуются годы.

Таким образом, параллелизм синтаксических конструкций, который лежит в основе обоих вышеназванных приемов, является при ограниченном повествовании от третьего лица не только стилистическим приемом, призванным подчеркнуть эстетику произведения, но также служит для передачи хода мыслей героя.

III. Роль метафорического моделирования при ограниченном повествовании от третьего лица.

Как было указано ранее, эстетическое украшение текста не является характерной особенностью ограниченного повествования от третьего лица. В то же время, нельзя отрицать, что процесс метафоризации является одним из ключевых аспектов при анализе образа персонажа. Картина мира человека в целом метафорична [3], и в случае ограниченного повествования метафора становится средством оценки происходящего через призму восприятия нарратора. Поскольку читатель имеет доступ к непосредственным описаниям происходящего и мыслям персонажа-нарратора только в данный момент времени, знание о комплексе ценностей, которым руководствуется нарратор (не дается эксплицитно) может быть логически выведено именно через анализ уровня метафорического моделирования. Речь в данном случае идет не об отдельных метафорах, которые могут носить случайный характер. В контексте художественного произведения значимость приобретают комплексные метафорические параллели между группами объектов или сопоставляемыми ситуациями.

В ходе анализа 700 контекстов метафоризации действительности было установлено, что самой яркой и часто встречающейся моделью является соотношение людей с образами животных: жизнь в высшем обществе представлена как «выживание по закону джунглей». Следует также отметить, что выбранные номинации для сопоставления не остаются постоянными, изменяются вместе с развитием личности героя. В начале произведения читатель видит героя раздавленным, подверженным насилию со стороны отца, который называет его «угрем».

'What are you, an eel?' his parent asks [10].

Во второй книге цикла читатель может наблюдать, как изменился мир героя в связи с его собственным продвижением в социальной иерархии (получение титула). Теперь его мир – это мир охотников (*hunters and prey*), и окружающих его людей он уже рассматривает как добычу (*their dinner*).

Their lives are simple. When they look down they see nothing but their prey, and the borrowed plumes of the hunters: they see a flittering, flinching universe, a universe filled with their dinner [9].

Подобная имплицитность метафорического моделирования является характерной особенностью ограниченного повествования от третьего лица. Личностная оценка других персонажей нарратором, его видение иерархии и своего места в ней зачастую даются в форме отдельных метафорически выраженных высказываний, что ставит перед читателем задачу: внимательно отслеживать проводимые параллели, чтобы точно понять структуру общества, его категоризацию и интерпретацию нарратором.

Рассмотренные в данной статье особенности структурного и стилистического языкового оформления текста при ограниченном повествовании от третьего лица являются характерными для англоязычного текста, что в первую очередь окажется полезным для читателей произведений в оригинале, позволит точнее понять смысл текстов, написанных от ограниченного третьего лица. Кроме того, выявленные закономерности планов содержания и выражения закладывают основу для дальнейшего исследования принципов категоризации действительности средствами английского языка. Предложенный алгоритм анализа (уровни референции, пропозициональной структуры и метафорического моделирования) может быть использован также для анализа и других видов повествования, таких как *selective point view*; или же для анализа текстов, в которых нарратором является специфическое лицо, например, читатель видит историю глазами животного или абстрактной сущности.

Список литературы

1. *Борев Ю.Б.* Методология анализа литературного процесса. АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького; М.: Наука, 1989. 236 с.
2. *Кибрик А.А.* Об анафоре, дейксисе, и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессоров. Новосибирск: Вычислительный центр СО АН СССР, 1983. С. 107–129.
3. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. *Петросян М.* Дом, в котором... М.: Лайвбук, 2016. 1050 с.
5. *Сребрянская Н.А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте. Воронеж: ВГПУ, 2005. 255 с.
6. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
7. *Шугаева Е.А.* Теория «Замены» А. Беррандоннера как попытка опровергнуть идеи Дж. Остина [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-zameny-a-berrandonnera-kak-popytka-oprovergnut-idei-dzh-ostina> (дата обращения: 05.10.2019).
8. *Igl N., Zeman S.* Perspectives on Narrativity and Narrative Perspectivization. London: John Benjamins Publishing Company, 2016. 185 p.
9. *Mantel H.* Bring up the Bodies. New York: Picador, 2013. 432 p.
10. *Mantel H.* Wolf Hall. New York: Picador, 2010. 680 p.
11. *Playle S.* What's the Difference Between Omniscient and Third Person Narration? [Электронный ресурс] // URL: <https://liminalpages.com/whats-difference-omniscient-third-person-narration/> (дата обращения: 19.05.2017).

10.02.04

Е.В. Комлева д-р филол. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Оренбург, elena.v.komleva@gmail.com

**К ВОПРОСУ О ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

В статье поднимается круг вопросов, связанных с выражением перцептивности в тексте. При этом в статье обосновывается определение перцептивности как функционально-семантической категории, передающей значение восприятия человеком внешнего мира. Передача данного значения в речи осуществляется лексико-грамматическими средствами, образующими функционально-семантическое поле перцептивности. От участия ядерных или периферийных элементов поля в выражении перцептивного значения зависит возможность передачи позиций непосредственного и опосредованного наблюдения.

Ключевые слова: *перцептивность, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле, конституент поля, реродуктивный текст.*

Перцептивность, или русский эквивалент это понятия «наблюдаемость», уже становилась предметом научных исследований. Так, К.Бюлер исследовал перцептивность при изучении восприятия образа как сложного психологического процесса [1, с. 131]. На материале русского языка в работах А.В. Бонларко [2], Г.А.Золотовой [5], Е.В.Падучевой [7], Ю.А.Пупынина [8] перцептивность широко исследуется при реализации процессной функции глагольными формами. Ю.С. Маслов связывает перцептивность с понятием наблюдаемости действия, при этом наблюдаемость сопровождается комплексом позиций наблюдения [6]. Задача данной статьи детализировать и углубить представления о возможностях речевой реализации восприятия внешнего мира адресантом сообщения, выделить формы речи, в которых перцептор присутствует как неотъемлемая часть высказывания. Поставленная задача дает импульс лингвистическому исследованию перцептивности, обретающему актуальность в рамках антропоцентрического подхода к языку, поскольку человек говорящий может рассматриваться и как наблюдатель, наделенный определенным опытом и знанием. Чтобы учитывать всевозможные типы восприятия, целесообразно вслед за профессором А.В.Бондарко использовать вместо понятия наблюдателя понятие перцептора [2]. В этой связи следует уточнить и определение перцептивности. В настоящем исследовании перцепция понимается как сложный психофизиологический процесс распознавания объектов, включающий в себя следующие фазы восприятия: осознание, понимание, реакцию перцептора на воспринимаемое, акт передачи воспринятого реципиенту, зависящий от культурных и психологических факторов.

Перцептивное восприятие (зрительное, слуховое, ольфатическое, тактильное) отражено в семантике разноуровневых языковых единиц. Как известно, объединение языковых единиц на основе общей семантической функции можно рассматривать как функционально-семантическую категорию, в нашем случае – функционально-семантическую категорию перцептивности. Планом содержания перцептивности как функционально-семантической категории являются различные варианты значения восприятия человеком внешнего мира в коммуникативных параметрах «Я – Здесь – Сейчас». Функционально-семантическая категория перцептивности (ФСКП) может быть представлена в виде полевой структуры,

которая состоит из четырех микрополей (визуального, аудиального, ольфатического и тактильного). В объем значения каждого из названных микрополей входят варианты реализации перцептивности. Ядерные зоны указанных микрополей образованы глаголами с семантикой перцептивности «sehen» – видеть, «hören» – слышать, «spüren» – ощущать, «schmecken» – пробовать, «berühren» – дотрагиваться. Грамматическая доминанта функционально-семантического поля перцептивности (ФСПП) образована первым лицом, единственным числом настоящим временем активного залога указанных глаголов. Грамматическая доминанта означает, что перцептор находится в позиции непосредственного наблюдения за событием, воспринимает его физически, передает свои впечатления партнеру по коммуникации, являясь при этом адресантом сообщения ситуативно актуализированной речи. Роли перцептора и говорящего субъекта при этом совпадают. Наличие перцептора определяет перцептивный сенсорный модус текста [1]. Позиция перцептора, с которой он воспринимает обозначаемое событие, наблюдает за явлениями и фактами внешнего мира, соотносится с проблематикой изучения коммуникативной ситуации в дейктических координатах «Я – Здесь – Сейчас».

Периферийные участки визуального, слухового, ольфатического, тактильного микрополей занимают языковые средства, образующие парадигму перцептивности. Участие ядерных и периферийных элементов ФСПП для выражения значения перцептивности зависит от ряда экстралингвистических факторов. Одним из таких факторов является необходимость эксплицитного выражения перцептора-автора в тексте, поскольку само возникновение такого текста обусловлено точкой зрения перцептора-автора об определенных явлениях действительности. Для подобных текстотипов ФСКП играет роль специфической классифицирующей текстовой категории. ФСКП представляет собой внутренне организованную функционально-семантическую систему, состоящую из разноуровневых языковых средств, которые в совокупности обозначают различные варианты значения восприятия человеком внешнего мира в дейктических координатах «Я – Здесь – Сейчас». ФСКП выступает в роли базового коммуникативно-прагматического фактора для образования репродуктивных типов текстов, широко представленных в современной этнокультуре Германии. К таким текстам относятся журналистские репортажи с места события, публицистические издания по изучению и интерпретации различных видов искусств как творческой деятельности человека. В данных текстах языковыми средствами репродуцируются воспринимаемые перцептором и локализованные в едином с ним хронотопе определенные события, фрагменты произведений искусства [5, с. 394]. Репродуктивный регистр речи, образованный различными типами текстов, объединяет их сенсорный перцептивный модус, реализуемый конституентами ФСКП. Наиболее ярко значение восприятия передается ядерными конституентами ФСПП в журналистских репортажах с места событий. Наличие перцептора-автора в тексте репортажа является дифференцирующим признаком данного речевого жанра, представляющего определенное событие через призму его восприятия журналистом, выступающим в роли очевидца и (или) действующего лица. Перцептор-автор репортажа через рассказ об увиденном, услышанном, прочувствованном и т.д. создает своеобразную картину события, помогает адресанту как бы перенестись в пространстве, активизировать сенсорно-перцептивные процессы. В этой связи интересным является следующая точка зрения о классическом журналистском репортаже «In der klassischen Reportage schildert der Reporter Ereignisse, die er selbst erlebt hat. Dargestellt werden auch Gefühle und Eindrücke; die Beschreibungen sind so atmosphärisch, dass beim Leser das Gefühl entsteht, live dabei zu sein» [10].

Отметим, что при описании впечатлений зрительного восприятия глагола в перцептивной категориальной ситуации – в тексте, глагол «sehen» часто выводится в подтекст. С подобными многочисленными случаями мы встречаемся в текстах журналистских репортажей. Приведем пример из текста журналистского репортажа об извержении вулкана: «Asche fällt vom Himmel, Wiesen und Felder werden schwarz, und alle paar Minuten rumort der Berg» [11]. Грамматическая форма актуального настоящего времени, в которую облечено

скопление перечислений, придает «наглядность» описываемым событиям и делает излишним эксплицитное употребление глагола «sehen» – видеть.

Несколько иначе реализуется ФСКП в других типах репродуктивных текстов – в публицистических искусствоведческих текстах по изучению различных видов искусств. Автор-перцептор данных текстов, как «сверхнаблюдатель», физически созерцающий какое-либо пространство (например, художественное), открывает это пространство для себя. При этом перцептор – «сверхнаблюдатель» не является неподвижным, «перемещаясь» внутри этого пространства, предоставляет адресату своего текста познакомиться с данным пространственным континуумом. Перцептор – «сверхнаблюдатель», являясь адресантом речи, неотъемлемой составляющей каждого речевого акта перцепции, не всегда имеет эксплицитное обозначение в тексте. Градуальность выражения наличия перцептора в категориальной ситуации – в тексте позволяет сделать вывод о существовании перформативной парадигмы перцептива. В данной парадигме варьируется указание на перцептора. В приведенных ниже примерах, заимствованных из публицистических искусствоведческих текстов, члены парадигмы расположены в порядке удаления от ядра к дальней периферии. Так, грамматическое лицо, обозначающее перцептора, может быть не единственным, а множественным: «Wir sehen...» [9, с.83] – мы видим (здесь и далее перевод наш, Е.К.); «Wir finden...» [9, с.90] – мы находим; сказуемое может содержать модальный глагол «Wir können ... spüren...» [9, с.86] – мы можем почувствовать; обозначение перцептора может быть выражено существительным в третьем лице «Der Betrachter spürt...» [9, с.84] – зритель чувствует; сказуемое может быть в пассивном залоге: «Der Betrachter wird... gezwungen...» [9, с.96] – зрителя вынуждают; актуализация самого перцептора может быть выражена дательным падежом «Dem Betrachter wird die Liebe und Barmherzigkeit sichtbar...» [9, с.84] – зрителю становятся видны любовь и милость; языковая единица, обозначающая перцептора, может быть выведена в подтекст: «Ins Auge springt auch...» [9, с.98] – в глаза бросаются, «Es ist fühlbar...» – осязаемо [9, с.98]; перцептор может быть обозначен через неопределенный артикль: «Beim Betrachten kommen einem andere Gedanken...» [9, с.98] (подчеркнуто нами, Е.К.) – одному при созерцании приходят в голову другие мысли; перцептор может быть выражен неопределенно-личным местоимением: «Man bewundert...» – восхищаются [9, с.10].

Градуальное выражение перцептора-адресата в репродуктивных типах текстов, перекликается с проблемой эгоцентричности текста. Эгоцентричность текста понимается как выдвижение восприятия, понимания, толкования, оценки, точки зрения субъекта высказывания на передний план текстового смысла [4]. Ведущее место среди эгоцентрических языковых единиц текста занимает личное местоимение первого лица единственного числа «ich» и продуцируемое на него притяжательное местоимение «mein» [4, с.41]. Через данные эгоцентрические языковые единицы автор в журналистских репортажах эксплицитно заявляет о себе. В текстах по интерпретации искусства автор, напротив, избегает указания на себя самого, но отчетливо проявляется в текстовой ткани через многочисленные отсылки, толкования, обеспечивающие суггестивный характер воздействию репродуктивного текста. Подобные различия в обозначении перцептора зависят от участия ядерных и периферийных конститuentов ФСПП при передаче восприятия адресанта сообщения. Приведем примеры эксплицитно выраженных в тексте авторских трактовок произведений искусства, реализованных в его собственном восприятии, оценке, толковании сюжета. Так, собственное авторское умозаключение, способствующее наведению на определенный мыслительный ракурс читателя и зрителя картины Рембрандта «Возвращение блудного сына», мы обнаруживаем в научно-популярной монографии: «Welches Urteil werden Vater und Sohn über den zerlumpten Nichtsnutz fällen?» [9, с.83] – какой же приговор вынесут отец с сыном об этом расточителе в лохмотьях. Оценка прослеживается в следующих текстовых фрагментах: «... nicht befriedigend erforscht ist» [9, с.13] – изучено не достаточно, «...war bis zum 16. Jahrhundert sicher das wichtigste Buch» [9, с.13] – до 16-го столетия была, определено, главной книгой. Автопортрету А.Дюрера автор

искусствоведческой научно-популярной монографии дает следующее толкование: «Es handelt sich um ein selbstbewußtes und idealisiertes Porträt des Künstlers» [9, с.118].

Перформативный характер действия психического восприятия, прямое соотношение данного действия с эксплицитно обозначенным перцептором, выражение акта перцепции одним конституентом ФСКП, обеспечивают наличие лингво-стилистических прототипических особенностей репродуктивных текстов. При этом лексико-грамматические особенности реализации перцептивности в тексте определяют принадлежность конкретного экземпляра текста к подклассу текстов репродуктивного типа. Так, наиболее эгоцентрическим выражением перцептивности с помощью ядерных грамматических показателей в настоящем времени первого лица единственного числа обладают тексты журналистских репортажей. От данных текстов отстают искусствоведческие тексты по интерпретации различных видов искусств. Несмотря на разницу в интенсивности реализации значения перцептивности, рассмотренные типы репродуктивных текстов через демонстрацию точки зрения автора-перцептора оказывают на адресанта суггестивное воздействие.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука. – 1988. – 346 с.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур.– 2005.– 622 с.
3. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция. М.: Наука. – 1993. – 528 с.
4. Гончарова Е.А., Ньюбина Л.М. Я – Текст – Мир. – СПб.: Политехника-сервис. – 2016. – 211 с.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: URSS. – 2005. – 352 с.
6. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ. – 1984. – 263 с.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры». – 1996. – 464 с.
8. Пупынин Ю.А. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука. – 2000. – С.36-51.
9. Welsch-Körntgen J. «Du sollst Dir (k)ein Bild machen». Verlag und Buchhandlung der evangelischen Gesellschaft GmbH, Stuttgart. – 2016. – 130 S.

Интернет ресурсы

10. Journalistische Darstellungsformen: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.zeit.de/schueler/files/2010/09/2.1-Klassische_Medien (дата обращения 21.02.2020).
11. Welt: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.welt.de/wissenschaft/article7497696/Vulkanasche-gewuerzt-mit-etwas-Schadenfreude.html> (дата обращения 21.02.2020).

10.02.04

**Е.Г. Котова канд. педагог. наук, Е.Б. Савельева канд. филол. наук,
Е.А. Линева канд. филол. наук, Т.Г. Юсупова канд. педагог. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, kotova070809@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Значительная часть английских пословиц интуитивно определяется носителями языка как народные, на самом деле они имеют библейское происхождение. В статье предпринята попытка рассмотреть один из самых продуктивных источников происхождения английских пословиц и выяснить способы вхождения библейских изречений в английский разговорный язык.

Ключевые слова: *Библия, этимология, библейское происхождение, пословица, первоисточник.*

Учёные-лингвисты, занимающиеся изучением вопросов этимологии паремий, выдвигают различные гипотезы об их появлении и функционировании на протяжении всей истории языка, от древности до современности. Традиционными источниками возникновения пословиц и поговорок являются устное народное и литературное творчество, библейские тексты, языковые заимствования, высказывания известных людей и др. Что касается происхождения английских пословиц, то следует отметить, что Библия занимает особое место среди перечисленных источников по ряду причин. Во-первых, Библия, называемая Книгой книг, писалась в течение долгого времени и поэтому представляет собой кладёз народной мудрости и ответов практически на любой житейский вопрос. Для верующих Библия считалась самой важной книгой, многие из ее высказываний становились частью общественного сознания англичан начиная с VII века, с того времени, когда на территории Британских островов велась активная миссионерская деятельность, способствовавшая распространению христианства. Во-вторых, в английском языке сохранилось много слов греческого и латинского происхождения. Доподлинно известно, что Библия, изначально написанная на древнееврейском и греческом языках, уже в 390–405 годах была переведена на латинский язык. Дошедшая до нас только во фрагментарном виде, Готская Библия или как её ещё называют Готская Библия Вульфилы, представляет собой первый перевод Священного Писания на готский язык с греческого оригинала. Так как готский язык принадлежал к группе германских языков, как и английский, то можно предположить, что он мог содержать в себе графемы латинского алфавита, имеющие место в древнеанглийском языке, одном из старейших германских языков с богатой литературной и культурной традицией. Считается, что человек, владеющий древнеанглийским языком, с лёгкостью может прочитать и понять большинство готских слов. Итак, Вестготский епископ Вульфила (ок. 311 – ок. 383) создал праязык английского, принадлежащего к семье германских языков. Таким образом, вышеизложенные факты свидетельствуют о правомерности предположения о том, что первоисточником многих английских пословиц явилось именно Священное писание, переведённое Вульфиллой на готский язык.

Однако не все изречения из Библии становились пословицами и поговорками, а только те, которые согласовывались с образом жизни, традициями и мыслями народа-носителя языка. Библия имела колоссальное влияние на культурную и общественную жизнь англичан, ибо в ней изначально заложены общечеловеческие законы жития, морально-нравственные и

духовные ценности. Библейские тексты можно охарактеризовать как «богодуховенные и полезные для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» [4]. Библейские высказывания актуальны во все времена, свободное владение ими является признаком общей культуры и образованности. В английском языке количество пословиц библейского происхождения настолько велико, что большинство из них, утратив свою архаичность и связь с первоисточником, воспринимаются современными англичанами как образец устного народного творчества.

В большинстве случаев высказывание целиком бралось из текста Священного писания. Например: «Око за око, зуб за зуб» (Матф., 5:38); «Не судите, да не судимы будете» (Матф., 7:1) и многие другие. Рассмотрим английскую пословицу «You cannot serve God and mammon» (рус. «Нельзя служить двум господам»), где «mammon» (маммон) – слово арамейского происхождения обозначающее «богатство, благосостояние, брюхо, утроба» и созвучное с именем дьявола алчности. В русском языке имеется ещё один эквивалент этой пословицы – «Нельзя служить Богу и черту». Источником пословицы является Евангелие от Матфея: «No one can serve two masters, for either he will hate the one and love the other, or he will be devoted to the one and despise the other» [9]. (Никто не может служить двум господам: ибо, или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Матф.6:24) [1]. Иными словами, нельзя быть одновременно праведником и грешником, добрым и злым.

Пословица могла также трансформироваться, полностью сохраняя смысл библейского изречения. Например, «As you sow, so shall you reap» («Что посеешь, то и пожнёшь»). Обратившись к первоисточнику («Послание к Галатам», глава 6) читаем: «Do not be deceived: God cannot be mocked. A man reaps what he sows. Whoever sows to please their flesh, from the flesh will reap destruction; whoever sows to please the Spirit, from the Spirit will reap eternal life» [7]. (Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную») [5]. Этими словами Святой апостол Павел призывает людей «сеять» духовное, ибо духовные дела приведут к жизни вечной, а наслаждения и излишества ведут к болезням.

Некоторые библейские выражения со временем утрачивали свой изначальный смысл и искажались, причём очень часто неумышленно, а просто по незнанию. Так, известное выражение из Евангелия «Не хлебом единым жив человек» («One must not live on bread alone») лишь частично вошло в речь. Вторая половина – «но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4.) [6] («...but on every word coming out of the mouth of God») обычно опускается [8]. Чтобы разобраться, о чём идёт речь в данной пословице, обратимся к толкованию Библии Праведным Иоанном Кронштадтским. Иисус Христос, постившийся сорок дней, на слова искусителя «если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами», отвечает: «Познайте хотя бы теперь, когда поститесь телесно, что человек, существо духовное и бессмертное, может быть жив не от одного только хлеба и разных снедей, но от слова Божия, и гораздо более от слова Божия, чем от хлеба» [6], т.е. жизнь не ограничивается только вкушением материальной пищи, именно духовная пища, вечная и бессмертная, спасёт человечество.

Иногда источником пословицы ошибочно называют Библию. Так, истоки пословицы «Charity begins at home» (русский эквивалент: «Благотворительность начинается дома») пытаются найти в Священном писании, где изначально заложена идея заботы о своей семье и своих близких. Священнослужители в проповедях обычно напоминают прихожанам, что хотя забота и должна начинаться дома, необходимо помнить не только о своём ближнем, но и о других людях. Следует отметить, что слово «charity» произошло от латинского слова «caritas» – «любовь» и вплоть до конца XIV века для христианина оно означало «любовь к Богу и ближнему», а не «милосердие». Так, в 1382 году протестантский проповедник Джон Уиклиф (англ. John Wycliffe, 1320 – 1384) в своих богословских трактатах рассуждая о священниках и епископах, которые не любят и не чтят Бога, пишет: «Charite schuld bigyne at hem – self». Уиклиф имел в виду тот факт, что любовь к Богу и ближнему должна начинаться

с них самих, т.е. священнослужители в первую очередь должны проникнуться любовью к Богу и пастве, и только после этого имеют право молиться за других от имени Церкви. То есть любовь к Богу должна начинаться с себя («Forsomuch as all charity hath his beginning of himself») [10]. Спустя пять столетий английский писатель Чарльз Диккенс (англ. Charles John Huffam Dickens, 1812 – 1870) трансформировал и дополнил пословицу, придав ей совершенно другое значение. Так в главе 27 романа «Мартин Чезлвит» (англ. The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit) неудачливый мошенник Монтегю Тигг говорит: «Charity begins at home, and justice begins next door» [3] («Но благотворительность начинается дома, а правосудие начинается по соседству») [2]. Из содержания произведения известно, что Мистер Тигг Монтегю создал пирамидальную инвестиционную схему в виде мошеннического способа лишения наивных обывателей их сбережений и наполнения своих собственных карманов.

Подводя итог, отметим следующее: для многих англичан является откровением, что источником значительной части распространённых крылатых выражений, прочно вошедших в современный разговорный язык, является именно Библия, которая, оставаясь книгой абсолютной и вдохновенной истины, глубоко афористична и многогранна.

Список литературы

1. Долженко А.Г. Нагорная проповедь. – [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nagornaja-propoved/88>
2. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита. Life and Adventures of Martin Chuzzlewit. – [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/life_and_adventures_of_martin_chuzzlewit/vol1/28?mtr
3. Мартин Чезлвит. Глава 27. – [Электронный ресурс]. URL: <http://thecircumlocutionoffice.com/martinchuzzlewit/chapter-27/>
4. Основные библейские тексты. – [Электронный ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/39548>
5. Послание к Галатам, глава 6. – [Электронный ресурс]. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst66/gal-6/>
6. Толкование на Евангелие от Матфея, глава 4. – [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/4
7. Bible. English International Version. Galatians 6 – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biblestudytools.com/galatians/6.html>
8. Bible. English International Version. Matthew 4. – [Электронный ресурс]. URL: <https://biblehub.com/niv/matthew/4.htm>
9. Bible. English Standard Version. Matthew 5; Matthew 6; Matthew 7– [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biblestudytools.com/esv/passage/?q=matthew%205;matthew%206;matthew%207>
10. Tracts and Treatises of John de Wycliffe. – [Электронный ресурс]. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/wycliffe-tracts-and-treatises-of-john-de-wycliffe>

10.02.04

Т.Е. Краутман канд. филол. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Симферополь, fhntvrf.ru@mail.ru

ОСНОВЫ ТЕХНИКИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена изучению техники перевода текста закона с английского языка на русский. Выделяются основные принципы переводческой деятельности. Анализируется текст законов острова Мэн и Турецкой Республики с точки зрения особенностей употребления юридических понятий, юридических грамматических конструкций, терминов и штампов.

Ключевые слова: *текст закона, техника перевода, юридическая терминология, юридические грамматические конструкции.*

Текст закона на английском языке, представляющий собой разновидность двуязычной профессиональной коммуникации, должен соответствовать ряду требований, среди которых содержание юридически значимой информации в тексте; официально-деловой стиль изложения, указывающий на правовое происхождение; наличие определенного внешнего оформления, придающего документу юридическую силу. Качество текста закона зависит, как от разработанности техники написания, так и техники перевода, которые также являются показателями уровня развития законодательной системы страны, состояния всей юридической системы, свидетельствующей об отношении государства к обществу и его стремлении к совершенствованию законодательства. В связи с этим в последние два десятилетия лингвистическая наука выделяет в качестве объекта изучения технику перевода юридического текста с английского языка на русский.

Сферой интереса исследователей являются различные аспекты, которые позволяют сформулировать принципы перевода текста закона и сделать лингвистический и сравнительный анализ текстов законов острова Мэн о терроризме и финансировании терроризма (2012 г.) и антитеррористического закона Турецкой Республики (1991 г.):

1. Принцип опоры на историко-культурные особенности страны. Текст закона на английском языке может быть не только британского или американского происхождения, но, и создан любой другой страной, выполняющий определенную роль на международной арене и пользующейся английским языком для установления политических, экономических, культурных и др. отношений с иностранными государствами. Поэтому в основе ряда исследований, среди которых «Введение в терминоведение» [1] С.В. Гринева, «Юридический перевод» [8] К.М. Левитана, лежит положение о необходимости предварительного изучения социально-культурных и исторических особенностей развития государства и его правовой системы. Так в статье «Эквивалентность терминов при переводе текста закона с английского языка на русский» [5] анализ закона о терроризме и финансировании терроризма острова Мэн показал, что эквивалентность терминологии при переводе текста закона достигается, основываясь на социо-культурные и исторические особенности развития страны, и специфику ее законодательной системы;

2. Особенностью английского закона является следование традициям прецедентного права, которое вызывает неоднозначное отношение исследователей. Так, по мнению П.В. Рыбина [8], Б.Н. Климзо [3], в этом случае юридический язык становится сложным для понимания из-за использования сложных синтаксических предложений, большого количества перечислений и оговорок, юридических клише, терминов, архаичных слов и

выражений, тавтологии, позволяя при этом законодателям применять трудные для восприятия формулировки для обеспечения защиты законодательного акта. Однако Д.Н. Колянда [4] И.В. Зуева [2] видят положительную сторону в наличие латинских заимствований, унаследованных от римского права, которые способствует облегчению процесса перевода, так как подобная терминология является международной и употребляется в различных языковых системах, что служит реализации принципа единства и системности употребления терминологии в юридическом тексте.

3. Принцип следования законодательной техники. В работах профессора А.С. Пиголкина [7, 9], направленных на развитие отечественной законодательной системы, сформулированы требования к тексту закона, отвечающие за унификацию законодательной системы. Точность и определенность юридической формы, ясность и доступность языка юридического текста, употребление апробированных терминов, компактность законодательных формул, системность построения права, унификация. По мнению авторов работы «Юридический перевод» [8], перечисленные требования, в тексте закона на английском языке и его переводе на русский достигаются такими стилевыми характеристиками, как императивность, придающая закону характер предписания; точность, являющаяся стилистической нормой и средством устранения многозначности толкования; объективность, придающая тексту закона официальное значение, указывающее на волеизъявление всего общества, а не конкретного лица; стандартизированность, которая должна проявляться в тексте закона совокупностью формальных элементов документа (юридические клише, фразеологизмы, синтаксические конструкции).

4. Принципы эквивалентности терминологии и точности формулировок, доступности языка текста и апробированность юридической терминосистемы. Реализация принципа зависит от факторов, влияющих на систематичность и унификацию законодательства. Сложность заключается в употреблении терминологии законодательной системы, когда одно понятие может быть интерпретировано разными способами, что приводит к смысловой многозначности, также возможно затруднение понимания правового значения юридического термина из-за совпадения со словами бытового языка или создание термина в отрыве от общей теории права.

Б.Н. Климзо [1] в работе переводчика юридических текстов большое значение придает исследованию, как юридических понятий, так и юридических грамматических конструкций, терминов и штампов, являющихся основой техники перевода юридического текста с английского языка на русский. С этой точки зрения были проанализированы указанные ранее тексты законов, имеющие принципиальное отличие уже в том, что английский язык для закона Турецкой Республики является языком перевода и выявлены особенности, требующие внимание при переводе:

- значение содержания обоих текстов подчеркивается внешним оформлением и указанием на то, кем и каким образом создан текст. Однако текст закона острова Мэн имеет более детальную структуру;

- синтаксис и стиль: наличие громоздких предложений в обоих текстах. При переводе главная мысль выносится в конец предложения, структура предложения сохраняется, так как перевод может использоваться в юридических целях и должен быть эквивалентом оригинала. Определения, стоящие перед цепочкой существительных при переводе употребляются во множественном числе. Модальный глагол shall + смысловой глагол переводится изъявительном наклонении. Второй присоединительный союз and переводится как «причем»;

- лексика: употребление близких, но не синонимичных понятий в тексте закона острова Мэн, возникших в результате перечисления всех понятий, встречавшихся в прецедентах;

- изменение значений слов в обоих текстах законов: употребление местоимений it или they для юридических лиц и местоимений he or she для физических лиц; употребление who / which, которые заменяются причастием, соответствующем глаголу при переводе на русский язык; употребление указательного местоимения any в значении «любой», «какой-либо»;

употребление местоимения *such*, которого может опускаться при переводе на русский язык; указательное местоимение *that* переводятся как «указанный» или «этот»; *the aforesaid* в препозиции к существительному и *above* в постпозиции к существительному переводятся как «вышеуказанный», слова-заменители *the former* и *the latter* переводятся как «первый» и «последний»;

- употребление юридических штампов, штампов-моделей, синонимичных штампов, устойчивых групп наблюдается в тексте закона острова Мэн.

Таким образом, техника написания и перевода текстов законов с английского языка на русский характеризуется определенными отличиями, однако свидетельствует о том, что приоритетом в современной лингвистике и юриспруденции является создание единой универсальной концепции написания и перевода юридических текстов, теоретической и методологической основы терминологической деятельности, которые позволят сделать язык юридических документов кратким, точным, ясным для всех членов общества, сохраняя все элементы для выполнения когнитивной и предписывающей функций. Принципы техники перевода направлены на создание единообразной структуры нормативных актов, при которой обеспечивается взаимосвязь и взаимозависимость законодательных систем различных государств.

Список литературы

1. *Гринев С.В.* Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М, 1993.
2. *Зуева И.В.* Особенности употребления английской юридической терминологии / И.В. Зуева // URL: https://pglu.ru/upload/iblock/889/uch_2010_vii_00024.pdf
3. *Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б.Н. Климзо // 2-е изд. переработанное и дополненное. – М.: «Р. Валент», 2006. – 508 с.
4. *Колянда Д.Н.* Особенности перевода юридических текстов / Д.Н. Колянда // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). № 2. Ч.1. 2016г. – С. 111 – 116.
5. *Краутман Т.Е.* Эквивалентность терминов при переводе текста закона с английского языка на русский / Т.Е. Краутман // Балтийский гуманитарный журнал/ гл. ред. Г. С. Розенберг. – Т. 8. – №4 (29), 2019. С. 269-273.
6. *Левитан К.М.* Юридический перевод: учебное пособие / К.М. Левитан. – 2-е изд., перераб. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. – 378 с.
7. *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР / А.С. Пиголкин // дис. ... канд. юрид. наук. – М. 1972. – С. 422.
8. Юридический перевод / под. ред. П.В. Рыбина // Учебное пособие по переводу с английского языка на русский: Издательство «Проспект». – 431 с.
9. Язык закона / С.А. Боголюбов, И.Ф. Казьмин, М.Д. Локшина, С.С. Москвин, А.С. Пиголкин и др.; под ред.: А.С. Пиголкин. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.

10.02.04

М.А. Кузина канд. филол. наук

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, kouzina-marina@yandex.ru

РОЛЬ ЭКЗОТИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТЕРРОРИЗМЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РОМАНА

Анализ экзотической лексики в тексте романа А.Т. Нваубани «Похороненная под баобабом» (2018) показывает не только её роль в создании хронотопа художественного произведения, но и её оценочно-характеризующую функцию, в частности, при описании терроризма.

Ключевые слова: *заимствование, ассимиляция, экзотизм, стереотипизация, мультикультурная литература.*

Мировоззренческая позиция к терроризму высказывается целым рядом авторов-мультикультуралистов, в том числе в романах, в которых преступность террористической деятельности не является магистральной темой: К. Десаи «Наследство разорённых» (2006), М. Хамида «Фундаменталист поневоле» (2007), Н. Аслама «Золотая легенда» (2017). В настоящей статье рассматривается роль экзотизмов в изображении ультраправых религиозных течений, стоящих за организацией терактов, похищениями людей, контролем над тренировочными лагерями исламистов: анализ проводится на материале романа А.Т. Нваубани (Adaobi Tricia Obinne Nwaubani) в романе «Похороненная под баобабом» («Buried Beneath the Baobab Tree») (2018).

Справедливо отметить неразработанность феномена терроризма и создания образов террористов в лингвистических исследованиях: общее число статей и диссертационных исследований не превышает одного десятка, причём в них анализируется узкий круг художественных произведений данной тематики («Санькя» (2015) З. Прилепина; «Дети перестройки. Предупреждение» (2017) М. Магдалиновы; «Жутко громко и запредельно близко» (2013) Дж. С. Фоера, «Окна в мир» (2016) Ф. Бегбедера).

В романе «Похороненная под баобабом», состоящим из 225 глав разной длины – от 1 предложения (Глава 47. COME TO THINK OF IT: «What gave me the audacity to imagine that I would pass the scholarship exam, when no student from this village ever has?») до 5 страниц, – нигерийская писательница прибегает к повествованию от первого лица, то есть от лица единственной дочери в семье с пятью сыновьями [5, с.71]. Через призму подросткового восприятия читатель знакомится и с буднями нигерийской школьницы, и с её пребыванием в лагере радикальных исламистов: «So many women and girls gathered in one place, yet hardly any laughing or chitchat. No new skirt or shoe to admire, no trader or vendor with whom to haggle» [5, с.123]. Несмотря на эмоциональность и субъективность повествования в тексте романа приводится исчерпывающая фактическая информация о террористической деятельности Боко Харам: о смене названия с арабского «Jama'atu Ahlis Sunna Lidda'awati wal-Jihad» («People committed to the Propagation of the Prophet's Teachings and Jihad», или «Общество приверженцев распространения учения Пророка и джихада») на название на языке хауса «Боко Харам» («Европейское образование запрещено»), о расположении лагерей радикальных исламистов в лесу Самбиса, о характере их нападений на населённые пункты, об осуждающей оценке их действий настоящими последователями ислама: «Their Islam is from inside their heads, not from the holy Quran» [5, с.52].

Несмотря на неперегруженность синтаксиса и преобладание разговорно-бытовой лексики автор активно прибегает к разноуровневым стилистическим приёмам (антитезам, параллельным конструкциям, повторам, ономастике, метафорам, риторическим вопросам) и к экзотической лексике для обозначения мировоззренческой позиции к террористической деятельности исламистских группировок на территории Нигерии в XXI веке.

Экзотическая лексика, вводимая А.Т. Нваубани в текст романа о трагической судьбе 276 юных заложниц Боко Харам, составляет 52 единицы и характеризуется чётко выделяемыми тематическими пластами.

Таблица – Тематические группы экзотической лексики.

Экзотизмы, обозначаемые географические особенности страны языка-донора.	Экзотизмы, обозначаемые этнографические особенности страны языка-донора.	Экзотизмы, обозначаемые общественно-политические и социальные особенности страны языка-донора.
1. названия объектов физической географии и метеорологии («savanna», «harmattan»); 2. наименования географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; 3. эндемики («baobab», «boubou», «raffia», «shea»).	1. быт (названия пищи, посуды, заведений общественного питания, предметов одежды, жилья, мебели, транспорта, болезней и лекарств, видов спорта) и труд (наименования профессий, мест работы) («acha», «banda», «calabash», «dabino», «kosai», «jollof/wollof», «massa», «miyan kuka»; «boubou», «caftan», «niqab», «turban»; «kwashiokor»; «dambe»); 2. искусство, культура, этнические объекты, («koboko»); 3. меры и деньги («ratti»; «kobo», «naira»); 4. этнонимы (наименования этносов и их языков) («Igbo», «Kanuri», «Hause», «Yoruba»).	1. административно-территориальное устройство («Caliphate»); 2. органы и носители власти («amir», «caliph»); 3. общественно-политическая и военная жизнь, религиозные течения и институты («Bismillah», «haram», «Islam», «jihad», «mosque», «Quran», «rijale», «Sharia», «sura»).

Приведённые в таблице примеры представлены не только африканизмами, то есть лексемами со словами-прототипами в основных языках (игбо, йоруба, канури, ква) бывших колоний Британской империи в Африке (Гамбия, Гана, Замбия, Зимбабве, Камерун, Кения, Нигерия, Сомали, Сьерра-Леоне, Танганьика). Не менее одной трети анализируемой экзотической лексики соотносится с этимонами в языке суахили и арабском языке, служащими для межэтнического общения на Африканском континенте [1, с. 21; 2, с. 282-285; 3]. Для анализируемого вида межъязыкового заимствования характерны: узуальность (потенциальное становление факта языка фактом речи в связи с неоднократностью использования) и лексико-семантическая ассимилированность (наличие одного и(ли) более значений). Последняя из приведённых характеристик делает возможными их чёткую тематическую дифференциацию и выполнение ими функций номинации и стилистического обогащения текста.

Эпиграфом к роману послужили строки из стихотворения английского поэта и драматурга Роберта Браунинга (1812-1889) «Флейтист из Гамельна», в основе которой лежит сюжет средневековой немецкой легенды о дудочнике, уведшем за собой всех детей города в качестве мести за то, что ему отказались выплатить обещанное вознаграждение в 1000 гульденов за полное избавление города от крыс: «...They wrote the story on a column, And on the great church-window painted The same, to make the world acquainted How their children were stolen away, And there it stands to this very day» [5]. Таким образом подчеркивается

нерешённость проблемы похищения людей террористами Боко Харам: несмотря на общенигерийскую кампанию «Bring Back Our Girls», участие Красного Креста и военных из Камеруна, Нигера и Чада, власти Нигерии на настоящий момент не готовы подтвердить освобождение из плена радикальных исламистов всех захваченных заложниц.

Актуальным представляется определение мультикультурного, или постколониального, романа, приводимое С. Рушди в одном из своих эссе как децентрализованного, транснационального, интерлингвального, межкультурного. Помимо А.Т. Нваубани, ещё ряд нигерийских писателей обратились через литературу к мировому сообществу с призывом о помощи в борьбе с Боко Харам в Африке. В частности, в 2016 году Хелон Хабила издал книгу «The Chibok Girls», которая в более публицистической манере описывает все этапы захвата заложниц, уклад жизни террористических группировок в лесах Самбиса, поэтапное (но не окончательное) освобождение заложниц. Посвящение книг Х. Хабила («This book is dedicated to all Chibok Girls, and to all victims of the Boko Haram insurgency») и А.Т. Нваубани («To the girls and women of Nigeria, in the hope that they may know brighter times than these») сходны с характером повествований в основном тексте: у автора «Похороненная под баобабом» эмоциональность (а не документальность, фактическая точность) выходит на первый план [4; 5; 6]. Особо следует подчеркнуть, что оба произведения сопровождаются библиографическими списками, включающими около 100 документальных источников об этнической и религиозной неоднородности современной Нигерии [4, с.117-123; 5, с.329-330]. Таким образом, писателей-мультикультуралистов справедливо считать и современными этнографами, и интерпретаторами собственных культур посредством английского языка.

Список литературы

1. *Лаврова Н.А.* Основы языкознания : учебное пособие / Н.А. Лаврова. – Москва : МПГУ, 2019. – 252 с.
2. *Durkin, Ph.* Borrowed Words: A History of Loanwords in English. [Text] / Ph. Durkin. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 491p.
3. Ethnologue [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ethnologue.com> (дата обращения: 15.02.2020).
4. *Habila H.* The Chibok Girls. [Text] / H. Habila. – London: Penguin Random House, 2017. – 127p.
5. *Nwaubani A.T.* Buried Under the Baobab Tree. [Text] / A.T. Nwaubani. – New York: HarperCollins Publishers, 2018. – 330p.
6. The Official Site of Adaobi T. Nwaubani [Электронный ресурс]. URL: <https://adaobitricia.com/>(дата обращения: 15.02.2020)

10.02.04

**О.Н. Поддубская канд. педагог. наук, С.Г. Ларина канд. филол. наук,
А.В. Сахарова канд. филос. наук**

Государственный гуманитарно технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, olgapoddubskaya@mail.ru

СИНОНИМИЯ И АНТОНИМИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье раскрывается проблема существования синонимов и антонимов на уровне синтаксиса, которые в традиционной лингвистике являются лексическими категориями. Представленный в статье теоретический материал иллюстрируется примерами из англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: *синтаксический уровень; порядок слов; синонимы; антонимы; структурный уровень.*

Общепринято, что синонимия и антонимия характерны для лексики, поэтому, чтобы доказать, что синтаксическая единица способна выступать в качестве объекта исследования данных явлений, необходимо провести аналогию между структурой лексемы и предложения.

Морфологическим ядром слова является корень, который содержит основное значение, остальные морфемы вносят либо дополнительные лексические или стилистические изменения, либо выполняют функцию грамматических трансформаторов. Поэтому корневое значение слов играет важную роль в образовании синонимических и антонимических связей.

В предложении информативным ядром являются подлежащее и сказуемое, тогда как второстепенные члены предложения могут вносить в высказывание дополнительные смысловые коннотации. Таким образом, можно предположить, что в зависимости от выбора структуры предложения будет меняться и его функция, а именно, обладая аналогичными свойствами слова, предложение может выступать в качестве объекта исследования синонимии и антонимии на синтаксическом уровне.

В данной статье мы склонны считать, что явления синонимии и антонимии предложений должны быть основаны только на их синтаксической структуре, стилистический потенциал которой будет отражать как сходства, так и различия в значениях. Поэтому прагматический уровень, на котором отношения между предложениями строятся на трансформациях, затрагивающих все уровни языка и синтактико-прагматический уровень, когда отношения между предложениями основаны на синтаксических трансформациях структуры предложения при идентичном наборе лексем не будут рассмотрены в этой статье.

Итак, на наш взгляд, синтаксическая синонимия представляет собой тип отношений между предложениями, основанный на сходстве синтаксических структур, а синтаксическая антонимия - тип отношений между предложениями, основанный на их противоположности. Исходя из сказанного, основными вариантами синтаксической синонимии и антонимии на структурном уровне могут являться параллелизм и хиазм синтаксических конструкций.

Параллельные конструкции, как проявление структурной синонимии, это синтаксический стилистический прием, который необходимо рассматривать в двух аспектах: параллелизм как аналогичность построения и параллелизм как повтор. Хиазм представляет собой «обратный параллелизм», т.е. синтаксический стилистический прием по структуре противоположный параллельным конструкциям.

Работая над темой, мы предположили, что синонимичные и антонимичные отношения на уровне синтаксиса наиболее отражены в описании пейзажа, поскольку именно пейзаж служит основным материалом для анализа данных явлений на лексическом уровне.

Для анализа структурной синонимии рассмотрим данное явление на примере пейзажного описания в стихотворении американского писателя Э. А. По “Ulalume”. Своеобразие поэта заключается в широком использовании повторов — как лексических, так и синтаксических. Проанализируем начальные строки [4, с. 95]:

The skies they were ashen and sober;
The leaves they were crisped and sere —
The leaves they were withering and sere...

Они представляют собой полный параллелизм — абсолютно аналогичные формы построения предложений. Кроме того, в структурах встречается синтаксическая тавтология и анафорические повторы. Если рассматривать функциональность структурной синонимии во всем отрывке, можно увидеть, что параллельные конструкции позволяют передать меланхоличную монотонность окружения, мрачность и фатальность происходящего. Синтаксическая тавтология в сочетании с анафорами придает высказыванию замедленность событий. Синонимические повторы создают эффект детальности описания: “crisped” — “withering” — “sere”, “dim” — “misty”, что особенно очевидно на фоне параллельных конструкций.

Другой пример использования структурной синонимии — это описание природы Южной Африки в романе Г. Р. Хаггарда “King’s Solomon Mines” [1, с. 114], в котором синтаксически сложные конструкции создают атмосферу восхищения горными вершинами, описанными в данном произведении. Параллельные конструкции выступают в качестве фона для контраста: “without being tropical”, “but not burning”. Благодаря использованию структурной синонимии в данном предложении передается эмоциональный настрой рассказчика, его ощущения и восторг.

Далее рассмотрим особенности параллелизма в отрывке из рассказа К. Мэнсфилд «At the Bay» [3, с. 7]: «The sun was not yet risen, and the whole of Crescent Bay was hidden under a white sea-mist. The big bush-covered hills at the back were smothered. You could not see where they ended and the paddocks and bungalows began. The sandy road was gone and the paddocks and bungalows the other side of it»

Структуры предложений идентичны, грамматические формы сказуемых также повторяются: «the sun was not risen», «the whole of Crescent Bay was hidden», и т.д. Использование страдательного залога усиливает эффект спокойствия и умиротворенности, достигнутый благодаря структурной синонимии. В описании пейзажа встречается инверсия с неопределенным местоимением «there»: ... «there were no white dunes covered with reddish grass beyond them; there was nothing to mark which was beach and where was the sea. A heavy dew had fallen. The grass was blue» [3, с. 7]. Параллелизм такого уровня характерен для статического описания, а в данном примере, безмятежности утреннего пейзажа.

В нижеследующем описании пейзажа наблюдается полная инверсия, когда конструкция с препозицией обстоятельства места заменена автором прямым порядком слов с сохранением расположения второстепенных членов предложения и дублируется в последующих предложениях. «Round the corner of Crescent Bay, between the piled-up masses of broken rock, a flock of sheep came pattering. They were huddled together, a small, tossing, woolly mass, and their thin, stick-like legs trotted along quickly as if the cold and the quiet had frightened them. Behind them an old sheep-dog, his soaking paws covered with sand, ran along with his nose to the ground, but carelessly, as if thinking of something else. And then in the rocky gateway the shepherd himself appeared» [3, с. 7].

Параллельные конструкции, наиболее характерные для констатации определенного состояния, могут встречаться и в динамическом описании. Пространственную динамику может передавать предложение с однородными подлежащими, в которых используется градация, акцентирующая последовательность и постепенность происходящего. Например, в

рассказе Э. Хемингуэя «Cat in the Rain» автор посредством семантики и структурной синонимии так отображает постепенность действий [2]: «It was raining. The rain dripped from the palm trees. Water stood in pools on the gravel paths. The sea broke in a long line in the rain».

Далее рассмотрим синтаксическую антонимию. Как было определено выше, антонимия на структурном уровне представляет собой синтактико-прагматические отношения между двумя противоположными моделями структуры соседних предложений или элементов одного предложения, и основным проявлением структурной антонимии является хиазм, или обратный параллелизм.

Вернемся к пейзажу из рассказа «At the Bay» К. Мэнсфилд: «Drenched were the cold fuchsias, round pearls of dew lay on the flat nasturtium leaves. It looked as though the sea had beaten up softly in the darkness, as though one immense wave had come rippling, rippling — how far?» [3, с. 7]

Инверсия в первой части сложного предложения и прямой порядок слов во второй объединены общим семантическим полем (“drenched”, “cold”, “dew”) и выражают примерно одно и то же понятие, т.е. хиазм является основой для уточнения и детальности описания, когда автор делает акцент посредством двух схожих по смыслу, но разных по структуре высказываний.

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе работы над темой предположение о существовании синонимично-антонимичных отношений на уровне синтаксиса было подтверждено. При исследовании синонимии и антонимии на структурном уровне предложений на примере параллелизма и хиазма, было определено, что, обладая схожими характеристиками конструкций, существуют различия в их основных функциях: эмоциональный контекст, передаваемый параллелизмом, отличается от контекста, вносимого хиазмом, т.е. синонимия и антонимия синтаксических структур выполняют разные функции в пейзажной статике. Безусловно, в одной статье невозможно в полной мере осветить такое многостороннее явление как синонимия или антонимия на уровне синтаксиса предложений, но заявленная тема интересна и перспективна и поэтому требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Haggard H.R.* King Solomon's Mines. — London: Penguin Popular Classics, 1994. — 298 p.
2. *Hemingway E.* Cat in the Rain. URL: <https://lingvistov.ru/blog/reading-club/reading-club-intermediate-cat-in-the-rain-by-ernest-hemingway/> (дата обращения: 25.02.2020)
3. *Mansfield K.* The Garden Party and Other Stories. — Oxford University Press, 2008. — 276 p.
4. *Poe E.A.* Spirits of the Dead: Tales and Poems. — London: Penguin Popular Classics, 1997. — 278 p.

10.02.04

**М.В. Салтыкова канд. педагог. наук, М.В. Биянова канд. филол. наук,
М.А. Кропачева канд. филол. наук, Е.С. Литвинова канд. филол. наук,
О.В. Ельцова канд. педагог. наук**

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
кафедра иностранных языков и удмуртской филологии,
Глазов, mary-alex77@mail.ru, m.byanova@mail.ru,
kropacheva.ma@mail.ru, litvinova.es@bk.ru, eltzowa@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАНАЛОВ ИНТЕРНЕТ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ПРОФИЛЕЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В работе рассматриваются возможности использования образовательных Интернет-каналов при обучении студентов языковых профилей разговорной лексике. Авторы анализируют некоторые образовательные каналы на Youtube, в Instagram, образовательные сайты института имени Гете.

Ключевые слова: *разговорная лексика английского и немецкого языков, образовательные Интернет каналы, обучение студентов языковых профилей.*

Возможность и необходимость использования Интернет-технологий в преподавании различных дисциплин на языковых профилях сейчас уже не нужно пропагандировать. Применение мультимедийных программ, использование современного аутентичного материала позволяют сделать обучение более наглядным, в значительной мере помогают преодолеть барьеры, воздвигнутые традиционно формализованным и абстрактным изложением многих университетских учебных курсов. По многим разделам филологических наук в Интернет накоплено огромное количество полезной информации, которую необходимо отыскивать и систематизировать с применением поисковых систем и, возможно, использовать в процессе преподавания.

Использование Интернет-технологий позволяет обеспечить многозадачность и разноуровневый подход к обучению студентов различных специальностей, в том числе и языковых профилей. Перед профессиональным высшим образованием современный мир, научно-техническая концепция ставит ряд задач, которые очень нелегко было бы решать без одновременного развития инфокоммуникационных технологий.

1. Поскольку сегодня молодые люди значительное время проводят в социальных сетях, то и общение в них (а также и получение знаний) для них становится не нудным изучением предмета, а привычным и приятным занятием, что приводит к более эффективному освоению материала.

2. Преподаватель для студента психологически становится не только преподавателем, но и просто участником социальной сети – взаимодействие на вертикальном уровне сменяется на взаимодействие на горизонтальном уровне. Это вызывает большее доверие со стороны студента и улучшает процесс усвоения информации.

Ежедневно мы общаемся на разные темы со множеством людей. Основным средством нашего общения является речь, которая состоит из слов, принадлежащих к разговорной лексике. Эта категория лексики составляет около 30% от всего словарного запаса, при этом является самой распространенной. Применение интернет-технологий дает возможность реализовать принцип аутентичности в обучении разговорной лексике иностранного языка и «эффективно строить преподавание на этапах введения, закрепления и повторения материала» [1]. Большинство образовательных каналов, как на Youtube, так и в Instagram, содержат информацию и о произношении, и о лексике по различным темам или в различных

ситуациях, и о грамматических особенностях, и о менталитете жителей англоязычных стран, и так далее. Однако следует отметить, что, если произношение и грамматика могут быть изучены и при помощи учебников, и их содержание будет не очень сильно отличаться от того, что предлагают образовательные каналы, то лексика, как самая быстроразвивающаяся часть любого языка в большей мере подвержена изменениям и нововведениям, и многие слова и выражения, употребляемые носителями языка в повседневном общении, еще не успели войти в учебники, и, следовательно не могут быть изучены сразу после их появления.

Рассмотрим более подробно некоторые англоязычные каналы, которые предлагает Youtube. Так, канал English Like A Native [4] представляет собой обучение британскому варианту английского языка и включает в себя произношение, лексику, грамматику, практику разговорной речи в различных ситуациях, а также сведения об английской культуре и образе жизни жителей Великобритании. Речевые ситуации содержат актуальный материал, который постоянно обновляется и дополняется.

Канал Real English with Real Teachers [7] также предлагает обучающие видео для слушателей, обладающих разным уровнем владения языком. Помимо видео, подготавливающего к сдаче международных экзаменов, канал предлагает множество видеосюжетов, посвященных актуальным проблемам и содержащих разговорную лексику, используемую носителями языка. Поскольку канал ведут два профессиональных учителя британского английского языка, материал отбирается тщательно, как с учетом уровня слушателей, так и с учетом их возможных интересов.

На сайте EnglishFull.ru [3] представлено множество диалогов, посредством которых можно развить навыки употребления разговорной лексики.

Важно не просто заучивать слова, а уметь их правильно применять в конкретных ситуациях. Прослушивание диалогов и повторение поочередно всех сказанных в нем фраз, сохраняя интонацию и произношение, будет способствовать пополнению активного и пассивного запаса разговорной лексики.

Американский вариант английского языка можно изучать с помощью канала JenniferESL [6], который содержит информацию о произношении и использовании различных лексических единиц, а также видеосюжеты, содержащие обсуждение многих современных проблем.

Образовательные сайты на немецком языке представлены в большом количестве. Заслуживают внимания сайты института имени Гете <https://www.goethe.de> и ресурс DaF (немецкий как иностранный) www.daf-netzwerk.org. Оба сайта являются безупречными с точки зрения функциональной грамотности и наличия огромной базы учебных материалов для разных уровней владения иностранным языком классификации CEFR (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком). На сайте ресурса DaF имеется база данных для обучающихся разного возраста, включая дошкольный, а также наглядные пособия по грамматическим и лексическим темам. Оба сайта содержат новостную ленту.

В настоящее время все больше пользователей в возрасте до 30 лет обращаются к социальной сети Instagram. Интерес вызван развитием клипового мышления молодежи. Яркие картинки и фото, красивый визуальный ряд привлекают внимание. Обычно под картинкой или фото имеется небольшой поясняющий текст (пост). Именно он может быть с успехом использован в качестве учебного материала для обучающихся вузов языковых профилей. Особо интересными являются личные страницы пользователей, так как они являются аутентичными, полностью авторскими и информативными.

Можно предложить следующие варианты заданий при изучении лексики иностранного языка:

- поиск примеров изучаемой грамматической или лексической темы;
- анализ использования лексических единиц в речи;
- поиск и анализ фразеологизмов;
- поиск и изучение смысла сленговых единиц речи и другие.

Примером использования страницы пользователя социальной сети Instagram может служить страница Frau Ell [5], которая позиционирует себя как учительница 2 класса. Ее аккаунт содержит 225 публикаций, 4 116 подписчиков. Разделам страницы являются темы «Обо мне», «Искусство», «Спорт», «Хобби» и другие. Яркие фотографии, представляющие элементы методических приемов работы на разных предметах, советы родителям, описание школьных будней и результатов работы с учениками является не только интересным, но и полезным контентом для студентов языковых профилей подготовки педагогического вуза.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что использование образовательных каналов интернет представляет собой эффективный способ обучения разговорной лексике иностранных языков в ее современном функционировании. Широкие возможности для этого предоставляют образовательные каналы на Youtube, социальные сети (Instagram), сайты института имени Гете.

Список литературы

1. *Игнатова Н.Ю.* Информационные технологии на уроках английского языка //Иностранные языки в школе, 2012, №2. С.25
2. *DaF* URL: www.daf-netzwerk.org. (дата обращения 20.03.2020)
3. *EnglishFull.ru* URL: <https://englishfull.ru> (дата обращения 20.03.2020)
4. *English Like A Native* URL: https://www.youtube.com/channel/UC0Hg2Ks00kCekyjZG_LxOmg (дата обращения 20.03.2020)
5. *Frau Ell* URL: https://instagram.com/frau_ell_?igshid=1q3qvlp0t9sa0 (дата обращения 20.03.2020)
6. *JenniferESL* URL: <https://www.youtube.com/user/JenniferESL> (дата обращения 20.03.2020)
7. *Real English With Real Teachers* URL: <https://www.youtube.com/channel/UCddhCpo99TYiSiRhmzVVSEg> (дата обращения 20.03.2020)

10.02.04

А.А. Смирнов, С.С. Шумбасова канд. филол. наук

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, seventhgate027@gmail.com, svetshum13@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию фразеологии с позиций когнитивного подхода. В ней рассматриваются лингвокультурологические особенности фразеологических единиц английского языка на примере фразеологизмов с национальным компонентом и компонентом-зоонимом. Фразеологизм представляет собой культурный концепт, в котором отражена национальная картина мира. Авторы обосновывают целесообразность применения принципов когнитивизма к изучению фразеологической системы английского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, национально-культурный компонент, картина мира, английский язык.

На формирование картины мира влияют не только язык, но и другие социальные факторы: обычаи и традиции, природа и ландшафт, воспитание и обучение. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. Между миром и естественным языком нет прямого и однозначного соответствия. Посредником между ними выступает когнитивная деятельность человека. В результате такого рода деятельности формируются когнитивные модели, представляющие собой мыслительные структуры, в которых человек реализует свои представления о том или ином фрагменте внешнего мира. На настоящий момент сформировалось два основополагающих вида картин мира, образующих его целостный образ, – концептуальная и языковая. Первая из них значительно шире языковой, потому что в ее создании принимают участие различные типы мышления, в том числе и невербальные. Учитывая соотношение языка, мышления и культуры с одной стороны, и реального мира с другой, некоторые лингвисты выделяют реальную, понятийную (культурную) и языковую картины мира. Реальная картина мира – это объективная данность, весь окружающий человека мир. Культурная картина мира – это «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [1, 2000: 41]. Очевидно, что каждой культуре соответствует своя картина мира. Языковая картина мира (ЯКМ) – «отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах, и процессах действительности в ее соотношении с человеком» [2, 1995: 148].

В настоящем исследовании мы предлагаем рассматривать фразеологизмы в качестве культурных концептов, национально-культурная составляющая которых выходит на передний план в их изучении. Таким образом, фразеологизм, часто выделяемый в лексикологии как самостоятельная единица, обладающая специфическими чертами и лишь формально напоминающая лексическую единицу, выступает сосредоточением национальной культуры и в концентрированном виде транслирующая отношение того или иного этноса к окружающей его действительности.

Для подтверждения настоящей точки зрения мы решили проанализировать фразеологические единицы английского языка, отобранные в Британском национальном корпусе английского языка и проследить отражение лингвокультурологических концептов, заложенных в сознании представителей британской культуры, внутри фразеологических единиц.

Среди всех фразеологических единиц можно выделить группу, которая отражает отношение представителей лингвосообщества к другим народам и нациям. Например, многие фразеологические единицы с компонентом *Dutch* восходят корнями к торговле между Голландией и Англией, а также к англо-голландским войнам (1652-1674 гг.) и Тридцатилетней войне (1618-1648). Почти все выражения с этим компонентом относятся к негативным концептам. Выражение *go Dutch* означает «платить каждому за себя». Данная фразеологическая единица появилась вследствие общего мнения среди англичан, что все голландцы скупые (в то же время возникло и выражение *Dutch generosity* – «скупость»). Помимо этого, существует также выражение *Dutch courage*, которая обозначает смелость в состоянии алкогольного опьянения. Английские солдаты считали, что смелость голландцев во время битвы обусловлена лишь их потреблением алкогольного напитка женевера. Однако позже, в период правления Вильгельма III Оранского, сами англичане начали потреблять вариацию данного напитка, которую они называли джин.

К другим примерам данной группы можно отнести фразеологические единицы, связанные с отношением Англии и Франции. В английском языке существует выражение *take French leave*, что означает «уйти не попрощавшись». Происхождение данной идиомы связывают с Англо-французскими войнами XVIII века. В то время эта идиома обозначала, что французы своевольно покидали свои воинские посты и оставляли обязанности без предупреждения (интересно заметить, что во французском языке присутствует схожая фразеологическая единица, компонентом которой является уже слово «Англия»). Следующим примером фразеологической единицы, который отражает концепты британской национальной культуры, является фразеологизм *French disease* – «сифилис». Данная идиома уходит корнями к Французско-итальянским войнам конца XV века, когда французы оккупировали территорию Италии, после чего в Европе начало быстро распространяться венерологическое заболевание. Данная идиома используется не только в Англии, но также в других европейских языках.

К другой группе, отражающей лингвокультурные концепты, можно отнести фразеологические единицы с компонентом-зоонимом. К примеру, фразеологизм *play the goat* означает «дурачиться, вести себя глупо». Первоначально идиома звучала следующим образом: *play the giddy goat/ox*. Слово *giddy* обозначало «легкомысленный» и могло использоваться со всеми существами, однако англичане считали, что оно прекрасно отражает поведение козла или быка. Со временем, слова *giddy* и *ox*, однако, стали использоваться реже, уступая место лишь одному компоненту – *goat*. В данной фразеологической единице отражено национально-специфичное отношение представителей британской культуры к поведению животного, которое они метафорически переносят на людей.

Также удачным примером может являться фразеологизм *to buy a pig in a poke*, который обозначает «купить кота в мешке». В большинстве европейских языков эта фразеологическая единица встречается с компонентом «кот», однако в английском языке данный компонент заменен на компонент «свинья». Отличие можно объяснить уникальностью англоязычной культуры и тем, что в Средние века английские фермеры часто продавали свиней в мешках на рынках, однако недобросовестные фермеры могли положить в мешок другое животное, менее дорогое, поэтому совет всегда смотреть то, что ты покупаешь, отразился в данной английской идиоме.

В качестве третьего примера в данной группе можно привести фразеологическую единицу *as busy as a bee* – «очень занятой человек». Данная фразеологическая единица впервые появилась в рассказе Дж. Чосера «Кентерберийские рассказы». С того времени данное выражение начало повсеместно использоваться представителями британской культуры. Так

как произведение Дж. Чосера написано на среднеанглийском языке, который сложно поддается расшифровке в наше время, многие моменты книги остаются неизвестными, однако лингвисты четко увидели выражение *as busy as a bee* в тексте и смогли проследить, таким образом, происхождение данного выражения.

Мы считаем, что фразеологизмы, представленные выше, четко отражают лингвокультурологические особенности английского языка, в них отражена уникальность языковой картины мира британского лингвосообщества. Мы выбрали именно эти группы фразеологизмов, так как считаем, что они наиболее четко подходят для рассмотрения проблемы национально-культурной специфики фразеологизмов, ведь в этих группах часто содержатся уникальные, неповторимые концепты Британской культуры.

Список литературы

1. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация», – М. : Слово/Slovo, 2000. – 262 с.
2. Виноградов В.А., Васильева Н.В., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М. : Русский язык, 1995. – 176 с.
3. Phrase and Idiom Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL <https://writingexplained.org/idiom-dictionary/>]. Дата обращения: 13.03.2020
4. Merriam-Webster [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL <https://www.merriam-webster.com/>]. Дата обращения: 17.03.2020

10.02.04

Л.Г. Юсупова канд. педагог. наукУральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Данная статья посвящена вопросам перехода от изучения языка как такового, представляющего собой закрытую систему, к языку, с одной стороны, находящемуся в тесном переплетении с культурой, историей и традициями человека как представителя конкретной социальной общности, а с другой – к языку индивида как продукту индивидуального опыта человека. В статье представлен анализ природы феномена антропоцентризма с точки зрения российских и зарубежных лингвистов. Следует подчеркнуть особую важность лингвистических исследований в аспекте формирования антропоцентрической парадигмы. Автор отмечает, что исследования антропоцентрической парадигмы ведут к активному изучению человека, языка и культуры как единого целого. Следуя данной парадигме, мы можем проследить следующие виды взаимодействия:

- язык, отражающий культуру народа и определенная форма культурного поведения;*
- культура, передающая своеобразие общественно-исторических условий и специфика культурной жизни;*
- носитель языка и культура.*

Ключевые слова: *антропоцентризм, лингвистическая мысль, культура, язык, метафоризация, полисемия.*

Последние десятилетия, как известно, ознаменованы сменой парадигмы исследований в лингвистике: произошел переход от изучения языка как такового, представляющего собой закрытую систему, к языку, с одной стороны, находящемуся в тесном переплетении с культурой, историей и традициями человека как представителя конкретной социальной общности, а с другой – к языку индивида как продукту индивидуального опыта человека. При этом человек рассматривается в контексте его функционирования в конкретной экологической и языковой нише, в которой он взаимодействует в рамках своей биофизиологической оболочки и своего разума.

В соответствии с антропоцентрической установкой человечество находит свои жизненные ориентиры в себе и живет по законам, которые создает непосредственно сам и по ним же судит о собственной и окружающей жизни. Антропоцентризм (от греч. *άνθρωπος* – человек и лат. *centrum* – центр) представляет собой ненаучную идеалистическую позицию; в соответствии с ней человек находится в центре Вселенной и он же – цель всех происходящих событий. Этот принцип был сформулирован в античности Сократом. Позднее этого взгляда придерживались христианские мыслители, схоласты и философы Нового времени. Антропоцентризм в лингвистике совершенно не случаен, поскольку он ставит в центр сущего именно человека. Одним из первых выразил мысль о создании науки о языке на антропологических основаниях великий немецкий ученый и философ Вильгельм фон Гумбольдт. В своих научных трудах рассматривая антропоцентризм как методологический принцип, В. Гумбольдт отмечает, что «о каком бы предмете не шла речь, всегда можно привести его в связь с человеком, а именно со всей его интеллектуальной и нравственной организацией в совокупности» [2].

Лингвистика XXI века характеризуется особым вниманием к человеку как объекту и субъекту речемыслительной деятельности. В этой связи особый интерес вызывают вопросы соотношения языка и сознания (включающих, помимо мозговой деятельности человека, его психическую активность и работу всего тела – воплощенность), вопросы, связанные с категоризацией окружающей действительности, определенные культурной обусловленностью индивидов.

Эти исследования активно ведутся на стыке нейролингвистики, биосемиотики/биосемантики/биолингвистики, когнитивной лингвистики и отчасти психолингвистики. Все данные области человеческого знания замкнуты на понятиях антропоцентризма и уже – антропоморфизма. В частности, в соответствии с антропоцентрической установкой человечество находит свои жизненные ориентиры в себе и живет по законам, которые создает непосредственно сам и по ним же судит о собственной и окружающей жизни.

Антропоцентризм, относимый сегодня к числу приоритетных принципов научного исследования, знаменует, по выражению Е. С. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках», человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но определяет «перспективы этого анализа и его конечные цели» [5, 57].

В.М. Алпатов в своей работе «Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку» отмечает, что именно антропоцентрический подход исторически первичен и заключается в том, что исследователь изучает язык как его носитель и опирается при этом на «осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией» [1, 15].

После выхода в свет в 1962 г. книги Т. Куна «Структура научных революций» появилась тенденция к представлению истории науки в виде смены научных парадигм [4]. Данная тенденция оказала влияние также на гуманитарные науки, в том числе и на лингвистику. В своей работе, посвященной лингвистическому осмыслению антропоцентризма, А.И. Илтубаева, выделяет антропоцентризм в качестве ключевого принципа современной лингвистики [3].

В развитии лингвистической мысли условно можно выделить 3 научные парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую. Что касается последней, в ее основе лежат принцип деятельности и функциональная сторона языкового феномена.

Формирование антропоцентрической парадигмы привело и к активному изучению человека, языка и культуры как единого целого, что абсолютно естественно. Следуя данной парадигме, мы можем проследить следующие виды взаимодействия:

- язык, отражающий культуру народа и определенная форма культурного поведения;
- культура, передающая своеобразие общественно-исторических условий и специфика культурной жизни;
- носитель языка и культура.

Система знаков и символов языка наделена определенным значением. Они выступают представителями других предметов и могут быть использованы для получения, хранения, преобразования и передачи информации о них. Усвоение значений знаков и символов человеком происходит в процессе воспитания и образования.

Изменения в языке несут в себе отражение тех процессов, которые происходят в обществе. Языковые процессы напрямую связаны с состоянием жизни общества [8].

Возможно, в настоящее время человек в меньшей степени находится в состоянии тревоги и растерянности и в большей – в состоянии поиска новых отношений с миром, в которых не предметное, а зачастую виртуальное бытие является для человека основным. В этой связи, поскольку глобальным принципом фиксации всех проявлений человеческой жизни является язык, подобная смена парадигм в сторону «виртуального конструктивизма» характеризуется изменением вектора вторичной номинации (прежде всего, метафоризации) в

опредмечивании мира (например, только глубоко понимающий компьютерную систему пользователь сайта с неограниченным доступом может называться *a root*, он, как и корень растения, как бы «укоренен» в систему). Другой пример касается метафоризации в области артефактов: метафора *a key* – «a piece of information used to encode or decode a message or messages» основана на функции ключа (*key* (1) – «открывать/закрывать доступ к чему-либо»), в данном случае, к информации. Для настоящей работы данные исследования интересны тем, что, помимо выявления оснований для «очеловечивания» объектов окружающей среды и артефактов, они способствуют также выявлению оснований подобных переносов и векторов семиозиса, отвечающих за формирование семантической структуры многозначного слова.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 15–18. 2.
2. Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию / Пер. с нем.; Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000.
3. Илтубаева А.Г. Лингвистическое осмысление антропоцентризма. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4 с. 142-144
4. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М., 2001.
5. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: «Наука», 1991. 240 с
6. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В. Н. Ярцева. М: «Советская энциклопедия». 1990
7. Ульман, С. Семантические универсалии [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. 1: 267
8. Юсупова Л.Г., Песина С.А. Роль языка в межкультурной коммуникации. Образование и наука в современных условиях. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс" (Чебоксары). 2015. № 1 (2) С. 255-256
9. Deane P. Polysemy and cognition // *Lingua* Vol. 75, 1988 – P. 325–361.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980.- P. 2–247.

10.02.04

Л.Г. Юсупова канд. педагог. наукУральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru**ПРИРОДА ФЕНОМЕНА ПОЛИСЕМИИ В ЛИНГВИСТИКЕ**

Данная статья посвящена полисемии, которая является лингвистической универсалией и интерпретируется не как некий перечень семантически связанных фиксированных значений, а скорее как единица сознания, являющаяся результатом комплексного характера человеческой деятельности, осмысления его субъективного и коллективного опыта. В статье представлен подробный анализ природы феномена полисемии с точки зрения российских и зарубежных лингвистов. Следует подчеркнуть особую важность инферентной (выводной) информации в ходе функционирования значений в условиях их контекстуальных употреблений, не говоря уже о развитии новых значений в структурах многозначных слов. Полисемия служит языковой экономии, поскольку вряд ли возможно представить, чтобы каждое отдельное значение в языке обозначалось отдельным словом. Автор отмечает, что распознавание полисемии, в частности метонимических и метафорических значений, осуществляемое в самых высших третичных отделах головного мозга, по всей видимости, носит врожденный характер.

Ключевые слова: полисемия, метонимическое значение, метафорическое значение, семантический компонент, лексическая универсалия.

В рамках лингвокогнитивной антропологии остается нерешенным важнейший вопрос о природе такого феномена в лингвистике как полисемия (многозначность), которая является ключевым фактором не только для когнитивной семантики. Рассуждая о новых тенденциях анализа лексической полисемии, И.К. Архипов отмечает, что подход к анализу полисемии определяется как старый или, в значительной степени, как новый в зависимости от взгляда на соотношение системы языка и речи. В когнитивистике полисемия интерпретируется не как некий перечень семантически связанных фиксированных значений, а скорее как единица сознания, являющаяся результатом комплексного характера человеческой деятельности, осмысления его субъективного и коллективного опыта. С. Ульман определяет полисемию как «семантическую универсалию, глубоко коренящуюся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» [9].

Рассуждая о феномене полисемии, В.Г. Гак отмечает, что знание ситуации позволяет прибегать к более экономным способам обозначения её элементов, что в свою очередь выражается «в опущении некоторых компонентов либо формальной, либо семантической структуры наименования. В обоих случаях экономии происходит перенос наименования: слово употребляется не по своему собственному значению, но вместо иного, более полного обозначения, приобретая при этом контекстуальную многозначность» [3].

В.Н. Ярцева отмечает, что часто, когда говорят о полисемии, имеют ввиду прежде всего многозначность слов как единиц лексики [6].

Полисемия (многозначность) в трудах зарубежных языковедов, таких как Г. Пауль, К. Эрдман и П.Стерн, рассматривается как своего рода несоблюдение закономерностей, не заслуживающих теоретического рассмотрения. При этом ученые исходят из того, что "обычным" случаем является снятие лексической полисемии контекстом, а отклонения от данной нормы либо очень редки, чтобы заслуживать специального рассмотрения, либо объясняются особенными, не общими специальными причинами, в результате не могут

рассматриваться как закономерность. Такой подход вполне согласуется с представлением о "нормальности" снятия многозначности слова в речи, в частности, в силу знакового характера слова [13].

Когда в процессе коммуникации говорящий «выпускает» материальную речевую форму в соответствии с окружающим контекстом, в воспринимающем сознании активируются вначале самые общие инвариантные семантические признаки (в случае, если образ недостаточен и идет обращение к семантике). То есть в процессе декодирования содержания, закрепленного за материальной формой, сознание не обращается сразу ко всему значению, как это принято в семантических описаниях, достаточна активация только самых общих необходимых инвариантных семантических компонентов. Это не противоречит принципу языковой экономии, в соответствии с которым в рамках речевого цейтнота продуцирующее либо воспринимающее сознание не располагает неограниченным временем для осмысления сказанного и соответствующей языковой реакции.

Следует подчеркнуть особую важность инферентной (выводной) информации в ходе функционирования значений в условиях их контекстуальных употреблений, не говоря уже о развитии новых значений в структурах многозначных слов. Это важно, поскольку в данной работе мы делаем упор именно на активный характер коммуницирующего сознания. Например, когда ребенку говорят: «Смотри, это дерево называется *береза*», – то в воспринимающем сознании с большой долей вероятности будет осуществляться синтез из тех признаков общего характера, имеющих по поводу дерева вообще как высокого растения, к которым добавится несколько идентифицирующих признаков, связанных, например, с особенностью ствола, листьев и всего того, что сознание ребенка посчитает нужным в этот момент отметить. Исходя из этого, первые впечатления от нового объекта могут быть в значительной степени субъективными до тех пор, пока он их не «выправит» получением информации из компетентных источников, например, литературы, электронных справочников и т.п. Если ребенок со временем станет специалистом в области жизни растений, то концепт «Береза» приобретет иное, более выпуклое наполнение, и первое, иное наивное впечатление останется в прошлом. Но на тот момент ребенок, несомненно, постарается извлечь максимум из арсенала имеющихся у него когнитивных средств для осуществления концептуализации, категоризации, привлекая то, что в лингвистике называется фреймовой семантикой, выделенностью и гештальтами. Ребенок на своем уровне осуществит конструирование конститутивного фрейма как конфигурации признаков, обеспечивающих общее представление о конкретном объекте. В этой связи человек постоянно находится в состоянии «корректирования» воспринимаемой извне информации.

В настоящее время не так много внимания уделяется осознанию собственного восприятия. Исключением являются работы Э. Гуссерля в области феноменологии, а также его последователей. Так, ученик Э. Гуссерля М. Хайдеггер пытался описать эйдетические бессознательные структуры, полагая, что «открытое» в человеке всегда оттенено «сокрытым»: слово хранит в себе бытие, а хранить означает одновременно и являть, и таить хранимое. Именно многозначность и «объемность» естественного языка и является причиной того, что язык одновременно открывает и скрывает то, о чем говорит (именно многозначность выбрана объектом нашего исследования).

По мнению Х. Касареса, полисемия представляет собой неизбежное следствие диспропорции между количеством знаков речи и количеством понятий, ищущих выражения в языке [57, с. 70]. Чем чаще слово употребляется в речи, тем больше оснований ожидать возникновения у него развёрнутой полисемии.

В работе мы придерживаемся мнения Ю.Д. Апресяна, считающего лексическую многозначность понятием сходства значений [1, с. 186]. Это подразумевает наличие общей части у всех значений многозначного слова. Одним из условий многозначности является наличие связи каждого из значений хотя бы с одним другим значением. Существование общей части у значений многозначного слова является обязательным условием удачного поиска его содержательного ядра.

С точки зрения типологии, было выделено и изучено три типа полисемии (многозначности):

1) радиальная полисемия: все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением. Например, flux: 1) течение, поток, постоянное движение, чрезмерное выделение, чрезмерное вытекание; 2) паяльный флюс; 3) дизентерия; 4) гиперемия; 5) воен.: секундная масса, массовый секундный расход; 6) магнитный поток; 7) геол.: прилив; 8) мех.: канифоль; 9) нефт.: гудрон; разжижитель (твердых битумов); 10) физ.-хим.: проницаемость; удельная производительность.

2) цепочечная полисемия (в чистом виде редка): каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов. Например, a glass (1) clear substance; 2) for drinking out of; 3) objects made of glass; 4) mirror; 5) barometer); 2. a peace (1) a situation in which there is no war between countries or groups; 2) a situation in which people are pleasant and do not cause trouble; 3) a calm quiet situation in which you are not annoyed by noise or other people; 4) a state when you are calm and have no worries).

3) радиально-цепочечная полисемия (наиболее типичный случай) [1, с. 182]: 1) style (1) the individual way that someone behaves and does things; 2) an attractive or impressive way of behaving or doing something; 3) the way that something is made or done that is typical of a particular group, time, or place); 3) imagination (1) the ability to think of clever and original ideas, possibilities, or solutions; 4) the ability to form a picture, story, or idea in your mind; 5) the ability to think, feel, or believe something that is not real or true; 6) a feeling of interest and excitement about something).

Полисемия языковых единиц - это лингвистическая универсалия, основанная на отражательной и обобщающей способности мышления и языка, на асимметрии двух сторон языкового знака. Изучение полисемии проводится на двух уровнях - языка и речи. Мы разделяем мнение А.А. Реформатского, который определяет вопрос о полисемии прежде всего как вопрос о «номинации, т.е. перемены вещей при тождестве слова» [7, с.81].

Отношение к полисемии различно в зависимости от того, рассматривается ли она в системе языка или речи.

По мнению И.К.Архипова, на уровне системы языка содержание материальной формы многозначного слова выступает в виде первого, номинативно непроизводного значения либо семантического инварианта. На уровне актуальной речи отношение к полисемии, т.е. ее осмысление может быть неоднозначным. Так, называя человека "змеей" или сидящих за столом людей (Стол развеселился), или подаваемую еду (Стол у них роскошный) словом "стол", коммуникант, очевидно, не может не замечать весьма значительных различий в содержании исходных и производных значений, т.е. образования "новых" значений [2, с. 22].

Дж. Лакофф считает, что явление полисемии тесно связано с концептуальной организацией, а полисемантическая структура представляет собой категорию прототипического характера. Значения многозначного слова входят в её состав на правах её членов [12, с. 378]

Рассматривая полисемию с позиции теории прототипов. Д. Геераертс приходит к выводу, что теория прототипов представляет собой «a model of the polysemy of lexical items» [11, с. 223–272].

Связь между значениями полисемантического слова предполагает сохранение в переносном значении того или иного признака, объединяющего это значение с прямым (или с другим переносным). Не предполагается тождество всей совокупности сем, выделяемых в каждом из значений. Зыбкость границ значения постулируется в когнитивной лингвистике без особого обоснования причин для подобной трактовки. Наиболее устойчивые нейронные связи присутствуют в отношении самых частотных семантических компонентов (например, верхний (upper), нижний (lower), маленький (small), большой (big) и т.п.), носящих идентифицирующий пространственный характер. Сюда же относятся качественные признаки (ср., например, важный (important), хороший (good), плохой (bad)), функциональные

(например, используется для (used for sth)) и ряд других.

Таким образом, являясь универсалией, полисемия служит языковой экономии, поскольку вряд ли возможно представить, чтобы каждое отдельное значение в языке обозначалось отдельным словом. Кроме того, распознавание полисемии, в частности метонимических и метафорических значений, осуществляемое в самых высших третичных отделах головного мозга, по всей видимости, носит врожденный характер.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* – Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII С., 472 с.
2. *Архипов И.К.* Традиционные подходы к лексической полисемии в свете прототипической семантики // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. - Ч.2. - С.21-23.
3. *Гак, В.Г.* Сопоставительная лексикология [Текст] / В.Г. Гак. – М., 1977. 3: 144
4. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). - М.: Наука, 1977а. - С.230-293.
5. *Касарес Дж.* Введение в современную лексикографию. – М.: Прогресс, 1958. – 318 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В. Н. Ярцева. М: «Советская энциклопедия». 1990
7. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. - М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.
8. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М.: Школа: Языки русской культуры, 1997. - 824 с. – С. 453.
9. *Ульман, С.* Семантические универсалии [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. 1: 267
10. *Deane P.* Polysemy and cognition // *Lingua* Vol. 75, 1988 – P. 325–361.
11. *Geeraerts D.* Vagueness's puzzles, polysemy's // *Cognitive linguistics* 4 (3), 1993. – P. 223–272.
12. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by.* Chicago; London, 1980.- P. 2–247.
13. *Pause P., Boltz A., Egg M.* A Two - Level Approach to polysemy // *Current issues in linguistic theory: lexical knowledge in the organization of language.* Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 247—281.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Л.И. Василькова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра английского языка (основного),
Москва, www.lina.v007@yandex.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТЕ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ
КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

Статья посвящена изучению манипулятивного воздействия политических метафор в тексте новостных сообщений и содержит анализ основных разрядов политической метафоры на основе примеров, отобранных из украиноязычных СМИ.

Ключевые слова: *политическая метафора, политический дискурс, манипуляция, речевое воздействие.*

Уже долгие годы в лингвистических кругах не угасает интерес к изучению приемов и технологий речевого воздействия, которые используются новостными агентствами и политическими деятелями с целью манипуляции общественным мнением.

Известно, что наиболее успешно в сознании адресата закрепляются образы, затрагивающие эмоциональную сферу. Метафора — это скрытое образное сравнение, которое как нельзя лучше подходит для этой цели. Политическая метафора, согласно И. В. Хохлачевой, влияет на ассоциативное мышление и надолго сохраняется в памяти, в связи с чем она чрезвычайно популярна в политическом дискурсе в качестве средства воздействия [4].

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть политическую метафору как средство речевого воздействия в тексте новостных сообщений украиноязычного политического дискурса на основе анализа ее разновидностей (согласно классификации А. П. Чудинова). **Новизна** работы обусловлена тем, что исследование метафоры выполнено на материале украиноязычных новостных средств массовой информации, отобранных методом сплошной выборки.

Исследование метафоры началось еще во времена Аристотеля, который писал, что, используя метафору, мы переосмысливаем значения слов, основываясь на их сходстве [7]. Метафору изучали множество ученых и лингвистов (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.)

В соответствии с определением Дж. Лакоффа, политическая метафора — это речевое воздействие с целью формирования у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии) [1]. Само же речевое воздействие представляет собой «построение сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения» [3, с. 134].

Следует отметить, что свойственные политическому дискурсу черты, такие как «интенция оказания влияния на адресата, функции убеждения и политической пропаганды» [2, с. 220-221], а также «борьба за власть и функция манипуляции сознанием» [6, с. 35], несомненно, отражаются на характере функционирования политической метафоры.

Функционирование политических метафор в текстах политического дискурса описывается с помощью метафорических моделей – схем связи между двумя понятийными областями. А.П. Чудинов дает следующее определение понятию «метафорическая модель»: «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y» [5, с. 27].

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что основными компонентами метафорической модели являются исходная понятийная область (сфера-источник, source domain) и новая понятийная область (сфера-мишень, сфера-мишень, target domain) [1]. Таких моделей в языке большое количество, а отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие [5, с. 27].

А.П. Чудинов обобщил содержание основных разрядов русской политической метафоры последнего десятилетия XX века, разделив метафоры на антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные [5, с. 32]. Анализ новостных сообщений современного украиноязычного дискурса позволяет нам сделать вывод о том, что данное обобщение применимо к метафорам, функционирующим в украиноязычных СМИ.

В рамках **природоморфной** метафоры сферой-мишенью служат объекты живой или неживой природы. Например, фрейм «Политические деятели» можно сравнить с фреймом «Представители животного мира»:

Політики – це ящірки. Якщо наступаєш на хвіст – вона відкидає його, щоб не втратити все. / Политики – это ящерицы. Если наступаешь на хвост – она отбрасывает его, что не потерять все [здесь и далее перевод наш – Л.И.].

– Чого очікуєте від президентських виборів 2019-го?

– Є книжка Нассіма Талеба "**Чорний лебідь**". В українських умовах буде **чорна свиня**. / – Что вы ожидаете от президентских выборов 2019 года? – Есть книга Нассима Талеба «**Черный лебедь**». В украинских условиях будет **черная свинья**.

Обязательная составляющая метафорической модели – это признак (компонент), который связывает исходные и метафорические смыслы. В случае с вышеуказанной природоморфной метафорой этим признаком являются приписываемые животным характеристики и ассоциации: *ящерица изворотлива, свинья любит грязь*.

*Надія Вікторівна, звісно, Мауглі серед людей. Але хто сказав, що поруч із нею немає Багіри в дуже тверезому умі і при ясній свідомості? У постійному контакті з **питоном**. / Надежда Викторовна, известно, Маугли среди людей. Но кто сказал, что рядом с ней нет Багиры в весьма трезвом уме и ясной памяти? В постоянном контакте с **питоном**.*

Маугли, Багира и питон, являясь известными литературными персонажами, представляют яркие и характерные образы с определенным объемом коннотативного смысла, с помощью которых осуществляется необходимое воздействие на реципиента.

Если параллель проводится со свойственными человеку областями жизни, такая метафора называется **антропоморфной**. В данном примере концепт «Болезнь» раскрывается с помощью фреймов сферы-источника «Политические проблемы» и сферы-мишени «Человеческие болезни»:

Остеопороз державного каркаса та кадрове недокрів'я — один із викликів, на які доведеться відповідати новій владі через рік, навіть за умови мирної її зміни. / Остеопороз государственного каркаса и кадровое малокровие – один из вызовов, на которые придется ответить новой власти через год, даже при условиях мирной ее смены.

Если сфера-мишень связана с результатами труда человека (механизмами и инструментами, предметами обихода, миром компьютеров и т.п.), то мы имеем дело с **артефактной** метафорой.

Прогресивними політиками, як камінчиками Сваровські, прикрасяться старі партії. / Старые партии украсятся прогрессивными политиками, как камушками Сваровски.

Сходство политиков с камнями Сваровски содержит эмоциональный посыл, намекающий на их внешний блеск и вместе с тем полную бесполезность.

Немає сумніву, що основною і єдиною причиною цивілізаційного штопора, в який впала Україна, є давня влада злодійської олігархії, яка грабує націю. / Нет сомнений, что основной и единственной причиной цивилизационного штопора, в который попала Украина, является старая власть воровской олигархии, которая грабит нацию.

Сравнение процесса развития страны со штопором (одним из опаснейших элементов пилотажа) наводит читателя на мысль о критическом состоянии украинского государства.

Проведенная в этом же отрывке аналогия между олигархией и воровством - пример **социоморфной** метафоры, которая описывает составляющие социальной картины мира. В качестве понятийной сферы-магнита могут выступать такие области, как преступность, война, театр, спорт, экономика и др.

Судова реформа померла. Хай живе судова реформа? / Судебная реформа умерла. Да здравствует судебная реформа?

В данном случае проведена аналогия между жизненным путем реформы и жизнью королевских особ с отсылкой на широко известную фразу «Король умер. Да здравствует король!». В данном контексте она означает сохранение старых порядков в новом виде.

Таким образом, проанализированные примеры позволяют сделать вывод, что в политической метафоре заложен мощнейший манипулятивный потенциал. Манипуляция с использованием политической метафоры основана на эмоциональном воздействии на реципиента, что путем подмены понятий в сознании адресата приводит к закреплению необходимого адресанту образа или отношения к описываемому объекту.

Список литературы

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
2. Павлуцкий В.А. Политический дискурс: особенности и функции // Вестник Житомирского государственного университета. Выпуск 39. Филологические науки. - Житомир, 2008. - С. 220-221.
3. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие // И. А. Стернин. — Воронеж: «КО», 2001. — С. 134.
4. Хохлачева И.В. Политическая метафора как один из способов языковой манипуляции // Балтийский фед. ун-т им. И.Канта, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannyeyazyki/library/2015/01/28/politicheskaya-metafora-kak-odin-iz-sposobov-yazykovoу> (дата обращения: 06.12.19).
5. Чудинов А.Н. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография // Екб.: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. - 248 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография // Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. - М.; Волгоград: Перемена, 2000. - С. 35.
7. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHf38bc2df8334014f0106f3> (дата обращения: 06.11.19).
8. Дзеркало тижня. Україна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dt.ua/gazeta/archive/> (дата обращения: 05.10.19).

10.02.19

Л.И. Василькова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра английского языка (основного),
Москва, www.lina.v007@yandex.ru

**АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
«УКРАИНСКИЙ КРИЗИС – ЭТО ВОЙНА» КАК ЧАСТНОГО СПОСОБА
РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

Статья содержит структурный анализ метафорической модели «Украинский кризис – это война», исходной областью для которой выступили кризисные события на Украине 2014-2016 гг. Материалом для отбора примеров послужили тексты украиноязычных СМИ.

Ключевые слова: *метафорическая модель, манипуляция, политика «двойных стандартов», политический дискурс.*

Средства массовой информации неспроста называют «четвертой властью» - их влияние на общество сложно переоценить. Выбор определенных языковых средств при освещении событий позволяет манипулировать общественным мнением, а в условиях информационных войн в современном мире особую актуальность приобретают исследования средств и приемов оказания скрытого речевого воздействия в рамках политического дискурса.

Манипулятивный потенциал политического дискурса проявляется в высказываниях, при которых используются способы непрямого наименования действительности. Одним из них является метафора.

Метафора выступает как средство изменения политической картины мира и формирования эмоционального состояния адресата, а также агитации его к действиям [2]. Политическая метафора интересовала в качестве объекта изучения многих ученых (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.)

Метафора как инструмент оценки действительности тесно связана с воздействием на аудиторию. Манипуляция с помощью политической метафоры достигается путем подмены понятий в сознании адресата [2]. Подмена понятий – это одна из базовых стратегий скрытого речевого воздействия и способ реализации политики «двойных стандартов», ее целью является формирование у реципиента отношения к тому или иному событию на психологическом уровне. Особым образом в этом задействована номинативно-оценочная разновидность когнитивной функции политической метафоры.

Известно, что в сознании реципиентов политические метафоры существуют в виде метафорических моделей - схем связи между двумя понятийными областями. Отношения между компонентами моделей описываются как отношения подобия и могут быть выражены с помощью формулы $X - это Y$ [3, с. 27]. Компонентами модели являются исходная понятийная область (сфера-источник, *source domain*) и новая понятийная область (сфера-магнит, сфера-мишень, *target domain*) [1].

В нашем исследовании исходной областью выступает украинский кризис 2014-2016 гг., особенности которого являются основой для моделирования сферы-магнита «Война». Соответственно, формула метафорической модели выглядит следующим образом: «Украинский кризис – это война». Учитывая, что эмотивный потенциал сферы-мишени сохраняется и это позволяет говорить об оказании с его помощью манипулятивного воздействия на адресата, мы поставили **цель** проанализировать вышеуказанную модель в качестве частного способа реализации политики «двойных стандартов».

Новизна работы обусловлена тем, что метафорическая модель «Украинский кризис – это война» впервые рассматривается как частный способ реализации политики «двойных стандартов» на материале украиноязычных новостных сообщений, посвященных описанию кризиса.

Система фреймов часто представляет собой когнитивный динамический сценарий, который отражает представления о типичной последовательности развертывания модели [3, с. 44-45]. Метафорическая модель с ментальной сферой «Война» предполагает следующий сценарий развертывания: начало войны – стороны конфликта – военные действия – результаты войны. В рамках фреймов дополнительно выделяются смысловые слоты.

1. Фрейм «Начало войны» (Слоты: Повод к войне, Признаки начала войны)

Признаком начала войны может быть то, что общество находится на грани очередного революционного взрыва (*Суспільство в Україні знаходиться на межі чергового революційного вибуху*). Кроме того, очень интересна аллегорическая фраза “Я чувствую запах горящих крышечек” (*Я чую запах палаючих шин*) как предзнаменование начала третьего Майдана.

2. Фрейм «Стороны конфликта» (Слоты: Противники, Союзники)

2.1) *Згідно Закону, фільми, виготовлені фізичними та юридичними особами держави-агресора...* - В законе о запрете русскоязычных фильмов Россия именуется *государством-агрессором. Перемогли нацистів, переможемо і рашистів*. Победили нацистов, победим и рашистов -новообразование «рашисты» содержит сравнение с фашистами и носит явно отрицательную оценку. **2.2)** *У цій війні Україна бачить себе форпостом західного світу, форпостом Європи.* - Роль Украины в войне сравнивается с *форпостом западного мира и Европы*.

3. Фрейм «Военные действия» (Слоты: Ход войны, Виды оружия, Наступление, Оборона)

3.1) Ход войны включает *ревани* (*Ревани проросійських сил іде повним ходом*). Прогресс в вопросе вступления в Таможенный союз характеризуется отсутствием *стратегического прорыва* (*Якогось стратегічного прориву в бік Митного союзу відтоді поки що не було*), война описывается как «горячая», т.е. подразумевается ведение боевых действий (*Багато думають, що ми тут в Україні маємо «холодну війну». Я хочу розчарувати їх — це не «холодна війна». Це — гаряча війна*), а от России ожидается *выполнение маневров* (*Росія може вправно використати маневр*). Война идет в том числе на *языковом фронте*, где в последнее время произошли позитивные изменения (*Останнім часом на мовному фронті відбулися позитивні зміни*).

3.2) Виды оружия в метафорическом преломлении включают в себя *фейковые бомбы* (*Найголовніша сила глибокого ураження у фейковій бомбі – це Недовіра*). Война также ведется с помощью *компрокатов* (*Через війну компроматів вчорашні герої стають зрадниками*) и путем *вражеских подрывов* (*Це потрібно для того, щоби ворог не зміг підірвати нас із середини*).

3.3) При описании **наступления** используются концепты «атаковать» (*Тимчук пояснив, навіщо Кремль атакує Україну*), «держат под прицелом» (*Майдан: Під прицілом – правда*). Отправиться в Киев равнозначно понятию «уйти на фронт» (*Чи не відразу ж "усі пішли на фронт", тобто вирушили до Києва*).

3.4) Оборона: украинцы способны «сопротивляться или давать отпор» воле диктатора (*Українці здатні самостійно чинити опір волі диктатора*), а также нуждаются в инструментарии международных организаций «для самозащиты», когда Москва оказывает давление (*Коли Москва тисне, Києву непогано було б залучити на свій бік міжнародні організації і скористатися їхнім інструментарієм для самозахисту*). Кроме того, нам встретились метафоры «для спасения» (*для порятунку української економіки*), «на защиту» (*на захист євроінтеграції*) и «стоять за, отстаивать»: *стоять за язык и достоинство (на Майдан вийшли різні соціальні групи. Одні стояли за мову й за гідність...)*

4. Фрейм «Последствия войны» (Слоты: Победа, Поражение, Жертвы)

4.1) Слот **Победа** в основном включает в себя однокоренные концепты: после того, как Майдан *победил* (*після того, як Майдан переміг*); мы сможем *победить* только тогда, когда Майданом станет вся Украина (... *ми зможемо перемогти тільки тоді, коли Майданом стане вся Україна*).

4.2) **Поражение** описывается также синонимичными вариантами: дружба с Путиным закончится большим *поражением* Европы (*Дружба з Путіним закінчиться великою поразкою Європи*), причина провала «языкового Майдана» (*головна причина поразки "мовного Майдану"*), попытки сфальсифицировать Майдан *обречены на провал* (*Спроби сфальшувати Майдан приречені на поразку*), «проиграть» (*Де програє школа і церква, там з'являється війна*) или «проиграть бой» (*Сьогодні Україна програє бій з олігархами*).

4.3) **Жертвы** Майдана называются *героями Небесной сотни*, тем самым подчеркивается их священная роль в войне (*На Майдані було вбито кілька Героїв Небесної Сотні*). Кроме того, в слоте «Жертвы» часто используются концепты «кровь»: день памяти погибших – праздник, *политый кровью* (*Це свято, полите нашою кров'ю*), «пролить кровь в борьбе за правду» (*українськими патріотами, які пролили і проливають свою кров у боротьбі за правду*) и «жизнь»: *отдать жизнь за лучшее будущее* (... *за краще майбутнє готовий віддати своє життя*).

Как показало исследование, изучаемая метафорическая модель обладает высокой продуктивностью и включает в себя типовые фреймы со множеством слотов. Компонентом, связующим первичные и метафорические смыслы, выступает сходство между острой политической ситуацией в стране и военными действиями. Дискурсивная характеристика модели отличается мощным прагматическим потенциалом, ставящим своей целью не столько передавать информацию, сколько формировать отношение адресата к этой информации.

Учитывая тот факт, что в рассматриваемой нами метафорической модели прослеживается влияние личных интересов и соображений выгоды на объективность оценки, как и наличие несправедливого подхода к оцениванию, которые являются отличительными чертами, позволяющими идентифицировать политику «двойных стандартов» (т.е. практику использования принципиально различного подхода в оценке и применении законов к аналогичным ситуациям под влиянием корыстных мотивов), можно сделать вывод, что модель «Украинский кризис – это война» может считаться частным способом реализации политики «двойных стандартов».

Список литературы

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
2. Хохлачева И.В. Политическая метафора как один из способов языковой манипуляции // Балтийский фед. ун-т им. И.Канта, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannyeyazyki/library/2015/01/28/politicheskaya-metafora-kak-odin-iz-sposobov-yazykovoy> (дата обращения: 06.12.19).
3. Чудинов А.Н. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография // Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248
4. Дзеркало тижня. Україна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dt.ua/gazeta/archive/> (дата обращения: 05.11.19).
5. Радіо Свобода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.radiosvoboda.org/a/26818602.html> (дата обращения: 08.10.19).
6. Депо.ua [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.depo.ua/ukr/life/shcho-zminilosya-pislya-maydanu-veliki-zradi-ta-peremogi-03112015174500> (дата обращения: 02.11.19).

10.02.19

Т.Ф. Ерина, И.В. Уварова канд. филол. наук

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Компетентное владение специализированным языком медицинской профессии оценивается навыками владения современными технологиями в области медицинской практики. Изучение латинского языка и основ медицинской терминологии закладывают фундамент для последующего изучения медицинской терминологии. Применение активных методов обучения способствует формированию компетенций в области латинского языка, являющихся основой для последующего использования системы знаний по предметам специальности студентами-медиками.

Ключевые слова: *медицинская терминология, латинский язык, компетенции, активные методы обучения.*

Изучение дисциплины «Латинский язык и основы медицинской терминологии» осуществляется на 1 курсе и формирует фундамент для последующего изучения медицинской терминологии.

Успешное, результативное решение учебных задач по формированию компетенций в области латинского языка является основой для последующего формирования у студентов системы знаний по предметам специальности (медицины). Проблема терминологической грамотности как отражение становления профессиональной языковой личности поднимается исследователями в различных областях знания не только для трансляции знания, но и для изучения профессионального дискурса[1, с.8].

Очевидно, что маркером состоятельности профессионала является владение терминологией, которая формируется в профессиональной среде(деятельности). Поэтому владение терминологией специальности является необходимой составляющей становления терминологической культуры специалиста, его способностью и готовностью применять термины той или иной области знаний при решении профессиональных задач в различных областях знаний.

Основы терминологической грамотности будущего врача или провизора закладываются в процессе изучения анатомо-гистологической, клинической и фармацевтической терминологий, которые базируются на латинском и древне-греческом языках, являющихся фундаментом не только медицинской терминологии, но и всех современных наук.

На начальном этапе овладения терминологической компетенцией студенты-первокурсники работают, в основном, с семантикой термина, представляющего терминологическую номинацию. Под контролем преподавателя студенты должны усвоить алгоритм терминологического знания и терминологической деятельности. Свои знания и умения обучаемые демонстрируют в виде способности идентифицировать специальные виды номинации, готовности к рецепции терминов и владению терминологией по профилю специального знания [1, с.10].

Для успешной реализации этой задачи необходимо определить пути ее решения, используя различные средства обучения, которые дадут наибольший эффект, сделают знания личностно-значимыми и определят потребность студентов в их совершенствовании в ходе дальнейшей самостоятельной работы.

На первом году обучения важно сформировать положительную мотивационную установку для обучения студентов основам языка медицины в высшей медицинской школе. Учебный процесс должен быть организован таким образом, чтобы изучение латинского языка способствовало привитию интереса к предмету, в процессе изучения которого формируется профессиональная компетентность. Она, в свою очередь, оценивается навыками владения современными технологиями в области медицинской практики, которые основываются на компетентном владении специализированным языком медицинской профессии.

В связи с этим первоочередное значение приобретает разработка методических подходов, позволяющих преподавателю-латинисту активизировать учебный процесс. Активные методы обучения очень значимы в высшей медицинской школе. Наибольшую эффективность они проявляют при активном сотрудничестве со студентами, которые будут овладевать приемами собственного обучения, станут деятельными участниками образовательного процесса. Интерес, самостоятельность и активность обучаемого, которые являются значимыми качествами студента-медика, обеспечивают качество и эффективность обучения.

При изучении любой грамматической темы дисциплины «Латинский язык» следует формировать у студентов умение работать с учебниками, терминологическими словарями, использовать справочную литературу для самоподготовки к практическим занятиям.

Для облегчения освоения теоретического материала на кафедре подготовлены методические пособия активного типа, развивающие у обучаемых способность активно осваивать методы самостоятельного владения терминологией и применять полученные знания, что в итоге приводит к трансформированию теоретических сведений в необходимые навыки.

Попытка систематизации накопленного методического опыта в области преподавания латинского языка для студентов стоматологического факультета была предпринята нами в процессе разработки учебно-методического пособия по латинскому языку и основам медицинской терминологии «Латинский язык (разделы: анатомическая терминология, клиническая терминология, фармацевтическая терминология)».

Обобщение накопленной учебно-методической информации опирается на принципы комплементарности существующей методической информации, активного подхода к получению знаний и непрерывного консультативного сопровождения обучающихся со стороны преподавателя. Разработанные нами учебно-методические пособия относятся к разряду дополнительной учебной литературы и нацелены на то, чтобы поддержать изучающего латинский язык в процессе самостоятельного освоения им учебного материала. Грамматический материал в пособии представлен с использованием моделей, логико-дидактических структур и парадигмы склонений, что значительно облегчает усвоение новой темы. Фактически любую грамматическую тему можно представить в виде таблицы, выделив в ней элементы, необходимые для раскрытия темы. Опыт показал, что использование таблиц в значительной мере способствует выработке необходимых умений и навыков и является одним из средств оптимизации учебного процесса по латинскому языку. Предложенные таблицы являются своеобразным «конспектом занятия», позволяют активизировать процесс самостоятельной работы по получению знаний [2, с. 100].

Система разнообразных упражнений строится по принципу «от простого к сложному». Используя таблицу, студенты могут проконтролировать себя и найти ответ на поставленный вопрос при выполнении упражнений для закрепления теоретического материала. У изучающего латинский язык с использованием пособия есть возможность самостоятельного контроля выполненных упражнений и оценки степени сформированности компетенций благодаря включенным в структуру пособия «ключам». Таким образом, в процессе образовательной активности обучающегося происходит перенос акцента с пассивного потребления учебной информации к ее активному поиску и формированию собственного объема знаний.

И, наконец, дидактическая помощь со стороны преподавателя, направляющего когнитивную деятельность обучаемого, формирует умение компетентно самостоятельно использовать латинскую медицинскую терминологию в профессиональных ситуациях. Прежде всего следует подсказать студенту не только «что», но и «как» учить. Это можно сделать в конце каждого занятия или во время регулярных индивидуальных консультаций.

Объективное представление об уровне сформированности терминологической компетентности знаний студентов можно получить только с помощью систематического, должным образом распределенного во времени контроля учебного процесса. Текущий контроль предназначен для управления усвоением знаний и умений, а итоговый для подведения итогов и определения качества сформированности тех или иных компетенций: фонетической, грамматической, лингвистического анализа терминологии, владения способами словообразования, формирования наименований лекарственных средств и оформления рецептов [3, с.169].

Результатом контроля должен быть объективный систематический анализ хода изучения и усвоения студентами учебного материала в соответствии с требованиями, изложенными в Федеральных государственных стандартах высшего образования, учебных планах и программах дисциплины.

Список литературы

1. *Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Бурдина О.Б.* Терминологическая компетенция как основа знания, познания и профессиональной коммуникации. // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии (Материалы Всероссийской учебно-методической конференции) // Санкт-Петербург: РИЦ СПбГМУ. – 2016. С. 7 - 11.
2. *Ерина Т.Ф., Уварова И.В.* Опыт использования таблиц при обучении медицинской терминологии на занятиях по латинскому языку // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. № 4.- с. 100.
3. *Новодранова В.Ф.* Содержательные параметры профессиональной терминологической компетенции. // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии (Материалы Всероссийской учебно-методической конференции) // Санкт-Петербург: РИЦ СПбГМУ. – 2016. С. 169.

*10.02.19***Г.С. Сатаева**

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Москва, Galina-sataeva@yandex.ru

ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИСКУРСЕ

Автор статьи доказывает мысль, что важнейшим определителем и регулятором личных отношений является категория оценки. Приводится коммуникативная типология оценки и описываются способы ее реализации в речевой коммуникации. Предлагается коммуникативный подход к исследованию природы категории оценки.

Ключевые слова: *речевая коммуникация, категория оценки, личные отношения, коммуникативный подход, регулятор личных отношений.*

Феномен оценки в когнитивной лингвистике принято рассматривать как категорию, поскольку в оценке фокусируются знания о мире, об обществе, об отношениях между людьми, о личных отношениях, о культуре. Как полагает О.Г. Дубровская, «знания о мире и знания о социуме и культуре, в частности, классифицируются в сознании субъекта в виде системы категорий» [2, с. 126]. В связи с этим мы можем считать оценку категорией, которая помогает определять личные отношения между людьми в качественном и в содержательном аспектах.

В связи с тем, что оценочность и оценку изучают очень давно специалисты разных научных школ и направлений, в языкознании к категории оценки обращен всегда особенный интерес. Оценка исследовали и продолжают исследовать такие лингвисты, как Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Е.М. Вольф, В.З. Демьянков, Ю.А. Дубовский, В.В. Красных, М. Минский, Н.Н. Миронова, Е.В. Сидоров, Н.А. Сидорова, Р. Солсо и др.

Наше внимание привлекает идея исследовать влияние оценочной категории на дискурс в рамках исследования семантики личных отношений. Поскольку оценка в категориальном смысле основана на ценностном мире коммуниканта, как говорящего, так и слушающего, следует иметь в виду при анализе оценочных высказываний, что ценности участников общения могут различаться, и в результате это может повлиять на оценку личных отношений. Разнообразие видений мира, различие когнитивных миров и ценностей коммуникантов объясняют «существование разнообразия оценок, и в результате, то, что для одного имеет большую ценность, для другого — малую или вообще никакой» [4, с. 124].

Реализуется оценочная категория, как считает ряд ученых (М. Минский, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Р. Солсо), через фреймы, сценарии. Как известно, и фреймы и сценарии могут быть актуализованы только в речевой коммуникации: говорящий формирует оценку и выносит её в производимом тексте не только для того, чтобы показать свое отношение к тем или иным личным отношениям, но и для того, чтобы оказать воздействие на говорящего и заставить его принять его оценку, согласившись с ней [3]. Однако реципиент, воспринимая, интерпретируя оценочное высказывание, соотносит его со своим ценностным миром, со своим опытом и видением ситуации. Например,

1) - *Какой ты все-таки ребенок! Но ребенок, который ухаживает за своими игрушками, и это уже неплохо....*

- *Расскажи об этом своему отцу: «Венсан хорошо ухаживает за своими игрушками» - пролей бальзам на его сердце. (Саган Ф. Поводок)*

Как видно из приведенного текста, говорящий демонстрирует своё отношение к адресату как к ребенку, положительно оценивая его действия: *ребенок, который ухаживает за своими игрушками, и это уже неплохо*, очевидно, ожидая, что адресат примет такую оценку положительно. Однако интерпретация текста реципиентом показывает, что адресат так не считает, имплицитно прочитывается несогласие и расхождение оценок коммуникантов по поводу их личных отношений: *Расскажи об этом своему отцу: «Венсан хорошо ухаживает за своими игрушками» - пролей бальзам на его сердце*. Тем самым слушающий обозначает свою негативную оценку создавшейся ситуации по поводу описания личных отношений и пытается оказать давление на говорящего, предлагая ему обратиться к третьему коммуниканту.

Е.М. Вольф разработала алгоритм вынесения оценки, согласно которому, у коммуниканта сначала появляется мотивация намерения произвести оценку, затем необходимость фиксировать наиболее ценные (значимые) для человека стороны объекта либо отношений, выбираются средства оценки и точки отсчета, создаётся список вероятностных оценок, применённых к конкретной ситуации с опорой на результат, в дальнейшем сопоставляются и анализируются возможные оценки, в результате выносится итоговая оценка [1]. Главное, что в акте речевой коммуникации ни одна из существующих оценок не будет являться ведущей, поскольку все оценки отчасти или абсолютно создаются или интерпретируются субъективно: если говорящий оценивает отношения с адресатом положительно, он может назвать его и ребенком (см. пример выше). Однако это не значит, что, на самом деле, адресат считает такую оценку адекватной, т.е. при восприятии и интерпретации оценочного текста соглашается с такой оценкой, - он вырабатывает свою собственную оценку по поводу данной ситуации оценивания и актуализирует следующий оценочный текст: *Расскажи об этом своему отцу: «Венсан хорошо ухаживает за своими игрушками» - пролей бальзам на его сердце*.

Оценка личных отношений в то же время может быть и адекватной, это возможно, когда коммуниканты разделяют ценности друг друга, формируя при этом схожие оценки.

2) - *I'm your mother. even if it kills me, I'll come and see you.* (Я твоя мать. Даже если мне придется умереть, я приеду повидаться с тобой.) (Hosseini H. A Thousand Splendid Suns).

В данном примере адекватная позитивная оценка проявлена имплицитно, говорящий (мать) соглашается во всем и готова соглашаться в будущем со своим сыном: *even if it kills me, I'll come and see you*. В этом высказывании имплицитно обозначено суждение - обозначить личное отношение коммуниканта (матери) к реципиенту (сыну). Содержание данного обозначения сводится к тому, что мать должна всегда быть на стороне сына, в любой ситуации, поскольку она мать: *I'm your mother*.

Как мы видим, оценка в речевой коммуникации обеспечивает внутреннюю динамику дискурса: дискурс разворачивается от негативной, неадекватной семантики в случае рассогласования оценок коммуникантов, вплоть до позитивной, адекватной, в случае частичного или полного совпадения оценивания ситуации личных отношений.

Наши наблюдения за текстами, реализующими оценку, показывают, что, являясь детерминантой речевого общения, оценка обуславливает семантику, лексику языка и грамматическое построение текстов. В выше указанных примерах позитивная оценка формирует семантику родительских отношений (пример 2), которая закрепляется соответствующими лексемами: *mother, even if it kills me, I'll come and see you*. В примере 1 негативная, неадекватная оценка реализует семантику супружеских отношений, что закрепляется соответствующими лексемами: *Какой ты все-таки ребенок, Расскажи об этом своему отцу*, повтором лексем, что усиливает семантическое качество оценки в высказывании: *Какой ты все-таки ребенок! Но ребенок, который ухаживает за своими игрушками*.

Грамматика оценочных текстов также отражает грамматическое содержание через определенные единицы. Как показывают исследования оценочных текстов, в тексте оценки преобладают существительные и глаголы, поскольку существительные называют объекты и предметы оценивания, а глаголы – отношения и состояния. Так в наших примерах существительные, относящиеся к оценке, - *ребенок, игрушки, отец, мать*; глаголы оценивают личные отношения - *ухаживает за своими игрушками, расскажи об этом, пролей бальзам, kills me, come and see you*.

Таким образом, делая вывод, следует подчеркнуть языковую актуализацию категории оценки: она реализуется практически на всех уровнях языка: на морфологическом, лексическом и синтаксическом. Все это позволяет говорить не только о реализации говорящим оценочной категории в тексте с использованием определенных языковых средств, но и о восприятии, интерпретации и понимании адресатом оценочных текстов на основе языковых средств. Следовательно, категория оценки обладает гетерогенной природой: когнитивной, языковой, прагматической и коммуникативной, детерминирует и регулирует речевую деятельность участников коммуникативного пространства.

Список литературы:

1. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
2. *Дубровская О.Д.* Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования: монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 126.
3. *Сидоров Е.В.* Общая теория речевой коммуникации. Москва: Изд-во РГСУ, 2010.
4. *Сидорова Н.А., Лимарова Е.В.* Ценностный аспект языковых сопоставлений в межкультурном взаимодействии // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки, № 1 (423). 2019. - С. 124.

10.02.19

**Ф.Б. Ситдикова канд. филол. наук, А.А. Кирпичникова канд. филол. наук,
Э.В. Шустова канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра ин. яз. ИМО КФУ,
Казань, farida7777@yandex.ru

О ПОВТОРАХ ГЛАГОЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья рассматривает глагольные повторы в разговорной речи в русском и татарском языках. Выделены наиболее характерные для разговорной речи глагольные конструкции с повторами и их функции в тексте. Материалы и результаты данного исследования могут быть интересны для специалистов, занимающихся повторами и использованы в преподавании курса «Сравнительная типология» на филологических факультетах.

Ключевые слова: *повторы, редупликация, глагольные повторы, полный повтор, дистантный повтор.*

Разговорная речь характеризуется наличием типизированных конструкций, которые отличаются экспрессией и эмоциональностью.

Повторы является универсальным языковым средством, типичным для большинства языков мира, поэтому они рассматриваются исследователями на материале многих языков. В русском языке повторы изучались в работах А.А.Потебни [9], Пахолок [10], И.Ю.Ковальчук [8], И.И. Радченко[11], Н.С.Саньяровой [12] и др.

Повторы исследовались и в татарском языкознании: [13], [3].

В данной статье мы рассматриваем глагольные повторы как важный языковой механизм словообразования и выражения особых значений глаголов, усиления эмоциональности и экспрессивности высказывания.

Цель статьи – описать различные группы глагольных повторов в татарском и русском языках, обусловленных эмоциональностью и ситуативностью разговорной речи. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопроса о лексико-грамматической и семантической структуре повторов, поэтому исследование многообразных типов повторов в языках различных типологий представляет актуальную задачу современной лингвистики. В статье впервые рассматриваются глагольные повторы в татарском языке в сопоставительном плане с русским языком. Практическая ценность статьи заключается в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы в преподавании курса «Сравнительная типология» на филологических факультетах. Материалом для исследования послужили примеры из прозы татарских и русских писателей.

Рассмотрим разные случаи глагольных повторов в татарском и русском языках.

1а. **Полные повторы**, когда глагол повторяется в неизменной форме, например: *Килләр, килләр, ди болар.* [1, с.9]. В русском языке встречаются аналогичные случаи повтора для выражения особых оттенков вида глагола. Это могут быть глаголы несовершенного вида: *На самой заре встанешь и топчешься-топчешься по избе: и воды надо принести, и печь растопить...* [2, с. 159].

Встречаются также повторы глаголов совершенного вида со значением действия, ограниченного каким-то отрезком времени, например: *Похожу-похожу по двору, на улицу загляну и опять на печь лягу* [2, с. 68].

В первом случае в обоих языках повторы передают **длительность** действия, во втором случае на первый план выдвигается значение **периодичности** действия, либо его **ограниченности** во времени.

1б. Глагольная конструкция, компоненты которой соединены союзами. В татарском языке это союзы *да-дә, та-тә*, например: *Борыласың да керәсең, борыласың да керәсең, эче китен*

барган бәдрәфкә чапкан кеше, чистый! [5, с. 320] В русском языке имеется аналогичная конструкции с союзами **и** или **да**: *На нее хотелось **смотреть и смотреть*** [14]. Значение данной конструкции – **повторяемость** или **непрерывность** действия. Такая конструкция близка по смыслу к полным повторам.

Заметим, что в 1а и 1б повтор глагольных форм **нельзя приравнивать** по смыслу к их одиночному употреблению. На наш взгляд, функция полных глагольных повторов в обоих языках состоит в том, чтобы подчеркнуть **непрерывность, продолжительность** или **многократность** действия, а также в русском языке повтор глаголов совершенного вида может также означать ограниченность во времени.

2. Одной из многочисленных групп глагольных повторов в обоих языках является **повторение одного и того же глагола в разных формах**. Рассмотрим несколько таких конструкций в татарском языке, по возможности сопоставляя с аналогичными в русском.

2а. Конструкция типа **алуым + алу** состоит из имен действия на –у, –ү, причем первое имя действия имеет аффикс притяжательности, а второе используется в исходной форме. *Например: Әниң сәнәк <... > тотып чыкса да, сине **алуым алу*** [15, с. 87]. Такая конструкция передает решимость говорящего выполнить сказанное.

2б. Следующая конструкция имеет вид: **калуын + калды**.

Эта конструкция в диалогической речи выражает неполное подтверждение, согласие [13, с. 132]. Пример: *Бәхете, ике кузе дә исән **калды калуын*** [4, с. 131].

2в. Конструкция типа **әйтсә + әйтер** чаще всего выражает чувство согласия по отношению к происходящему, например: *Адашсам адаштым инде, барыйм инде мин шул сукмак беткәнче* [1, с.76] В русском языке есть аналогичная по смыслу конструкция с добавочным словом **так**: *Уволили **так** уволили, не вешаться же!* [6].

2г. Разговорная глагольная конструкция типа **укышмы-укый** выражает значение усиления, интенсивности действия, например: *Кызларының куйтууна ата-ана гаять шат, **куанышмы-куаналар*** [1, с. 95]. В русском языке при выражения того же значения интенсивности действия употребляется отрицание: *Домашки на завтра навалили, **делать не переделывать!*** (из разговора студентов).

2д. Как видим, для татарского языка типичен повтор глаголов одной корневой основой с добавлением суффиксов. В русском языке также часто встречается повтор глаголов с одной корневой основой, но добавляются как суффиксы, так и префиксы (последнее не свойственно тюркским языкам). Пример повтора глагола с приставкой: *Чем его удивить можно? Какой-нибудь мисс? Они толпой через его кровать пробежали. Всё кушано-перекушано* [6].

3. Часто встречается в разговорной речи **повтор глаголов с помощью вспомогательных слов**. В татарском языке такими словами служат вспомогательные глаголы *булгач, калгач, дигәч, икән, тек*. Например: *Кая киттең? **Утыр дигәч, утыр!*** [15, с.116].

В русском языке существует подобная конструкция, когда глаголы соединяются словами **то** и **так**, например: *Чего разнюнился? **Воевать так воевать.*** [6]. На наш взгляд, такая конструкция выражает решимость говорящего совершить то или иное действие.

4. Дистантный повтор глагола.

Дистантный повтор глаголов делает высказывание более выразительным, усиливает эмоциональное воздействие на читателя в разных контактено расположенных фразах. Пример из татарского языка: *Алдакчы! Бердәнбеләрне шулай ташлап жәһәннәм читенә китәләрмени? **Алдакчы, алдакчы!*** [5, с. 329].

В русском языке повтор выполняет ту же функцию, в примере ниже глагол повторяется вместе с зависимым словом:

– Это тоже больные? Они с лестницы упали?

– Сам ты с лестницы упал! – обиделась женщина [6].

5. Повтор глаголов с целью актуализации информации.

Исследователи повторов выделяют **повторы-актуализаторы**, когда повторяется слово, являющееся новым в высказывании и отвечающее основному коммуникативному заданию

высказываний. Такие повторы характерны для разговорной речи, где часто повторяется именно рема высказывания. В обоих языках такие повторы способствует тому, что на это слово падает логическое ударение, например:

- *Апа, теге сурәт сатыла дидең бугай?*
- *Сатыла, иптәш энем, сатыла.* [5, с. 328].
- *Не могу.*
- *Можешь. Ты пережил это, значит, можешь всё* [14].

Выводы

1. Повторы присутствуют в разных стилях речи, но наиболее часто встречаются в разговорной речи, которая отличается спонтанностью, экспрессивностью и эмоциональностью.

2. Повторы глаголов свойственны всем языкам. При этом смысл какого-либо глагола не равен по значимости тому же глаголу с повтором.

3. Не вызывает сомнения факт, что повтор – яркое средство реализации в языке лингвистической категории экспрессивности и смежных с ней категорий интензивности, оценочности, эмоциональности.

4. Кроме функции экспрессивно-эмоционального воздействия на собеседника, повторы также имеют функции фиксации внимания реципиента на том или ином явлении и актуализации смысла.

5. Нами выделены несколько типов глагольных повторов, имеющих аналоги в русском и татарском языках: 1) полные повторы и повторы с соединительной связью; 2) повтор одного и того же глагола в разных формах; 3) повтор глаголов с помощью вспомогательных слов; 4) дистантный повтор; 5) повтор с целью актуализации информации.

Список литературы

1. Ак бүре: татар халык әкиятләре: татар халык акиятләре. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2012. – 326 с.
2. Антология русской литературы: От Нестора до Булгакова – М.: ДиректМедиа, 2003.
3. *Галлямов Ф.Г.* Повторы в современном татарском языке. – Казань, 2003.
4. *Гилязов А.М.* Избранные произведения в 5 томах. Том 1. – Таткнигоиздат, Казань, 2002.
5. *Гиматдинова, Н.* Икебезгә дә авыр. Казан: «Идел-Пресс», 2002.
6. *Донцова Д.* Имидж напрокат. [Электронный ресурс] URL: <http://dontsova-knigi.ru/imidzh-naprokat/2/> (дата обращения: 12.02.2020).
7. *Искренкова М.С.* Осложнение простого глагольного сказуемого: автореф. дисс. канд. филол. наук. Владимир, 2000.
8. *Ковальчук И.Ю.* Повтор и его функции в тексте. автореф. дисс. канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.
9. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
10. *Пахолок З.А.* Единицы повторяемости в русском языке. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ediniyty-povtoryaemosti-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 12.02.2020).
11. *Радченко И.И.* Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-sredstvo-realizatsii-lingvisticheskoy-kategorii-ekspressivnosti-v-tekste-gazetnoy-stati> (дата обращения: 12.02.2020).
12. *Саньярова Н.С.* Редупликация в системе разноуровневых средств повтора в русском языке [Электронный ресурс] URL: <http://e-kon-sept.ru/2018/185034.htm> (дата обращения: 12.02.2020).
13. *Сафиуллина Ф.С.* Синтаксис татарской разговорной речи. Изд-во Казанского университета, 1978 г. – 253 с.
14. *Токарева В.С.* С лицом осетра. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/viktoriya-tokareva/nemnozhko-inostranka/chitat-onlayn/>
15. Туган тел мээкләре. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1995.

*10.02.19***С.А. Якунин**

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра английского языка (основного),
Москва, aleksandrovich85@gmail.com

НЕОРИТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ МЕДИАДИСКУРСА

Статья посвящена изучению феномена массмедийного дискурса с позиции неориторики. Рассматриваются история возникновения неориторики как направления гуманитарного знания и её характерные особенности, наиболее значимые для понимания современного медиадискурса и оценки значимости медиатекстов. Особый акцент делается на анализ неориторики как убеждающей коммуникации.

Ключевые слова: риторика, неориторика, медиадискурс, аудитория, адресат, риторические фигуры, медиафакты.

Сегодня гуманитарная наука все больше становится единым междисциплинарным механизмом. В связи с этим возрождение когда-то забытой и отвергнутой риторики – вполне закономерное явление в гуманитарном знании. Взявшие своё начало из риторики лингвистические дисциплины привели к появлению в её багаже новой терминологии, нового понимания различных процессов, происходящих языке и речи, а также к постановке новых задач, которыми ранее риторика не занималась.

Главной особенностью возрожденной риторики явилось её рассмотрение на современном этапе исключительно в качестве лингвофилософской науки. В.И. Тюпа считает, что «риторика XX века является отраслью сущностного знания о коммуникативной природе культуры в целом, о всеобщих механизмах текстопорождения, смыслообразования и взаимопонимания» [Тюпа: 15]. Обновленная риторика объединила в себе достижения лингвистики, семиотики, герменевтики, эстетики, психологии и теории коммуникации, что обусловило её возросшую значимость для гуманитарных дисциплин.

На возрождение риторики в XX веке большое влияние оказало быстрое развитие теории информации. Гуманитарные науки, ранее опиравшиеся только на математическую логику, стали испытывать острую необходимость в филологическом подходе. Однако ни одна из филологических дисциплин не могла взять на себя роль обобщающего теоретического знания. Считалось, что риторика – это лишь теория создания устных речей, в отличие от филологии, которая в большей степени занималась исследованием письменных текстов.

С середины XX века происходит расширение понимания данной науки вплоть до философии словесно-речевой культуры. «Риторика с начала XX века понималась как устаревшая система средств речевого воздействия, которые ни на кого не оказывали воздействия. Однако позднее, когда с этой всеми забытой дисциплины стряхнули пыль веков и присмотрелись к ее классическому облику, выяснилось, что она внушает надежды и уважение: настолько актуальной, глубоко и тонко разработанной оказалась система риторических понятий» [Михальская: 32].

Такой подход к риторике позволяет нам говорить о собственной методологической системе данной дисциплины. Методологическое различие между риторикой и другими филологическими науками состоит в том, что она фокусируется на ценностном аспекте в описании предмета и подчиняет это описание прикладным задачам. Устранение ценностного аспекта в исследованиях речи и текста приводит к утрате специфики риторики на фоне описательных филологических дисциплин.

Сегодня риторика стала движущей силой языковой политики во многих странах мира. В США её считают ключевым инструментом манипуляции общественным сознанием. Риторика играет важнейшую роль в культуре массовой информации и коммуникации, мире масс-медиа, и, следовательно, занимает здесь самый верх «пирамиды знания», что в некоторой мере сближает её с риторикой Древней Греции. В древности риторический класс был самым высоким (после грамматики и благочестия) и готовил гражданина к сознательным политическим действиям. То есть риторика воспринималась как кульминация образования, или пайдейя [Анненкова: 20].

Средства массовой информации, медиадискурс – наиболее подходящий материал для риторического осмысления: это «прозаический тип речи и прозаические тексты, служащие предметом исследования традиционной риторики» [Волков: 45; Рождественский: 33, 41]. Кроме того, СМИ – это наиболее влиятельная сфера существования современной культуры.

Неориторика, или новая риторика, – это современная философская и филологическая теория, которая сформировалась во второй половине XX века. Впервые этот термин был введён бельгийским учёным Х. Перельманом в книге «Новая риторика: Трактат по аргументации», написанной им в соавторстве с Л. Ольбрехт-Тытекой в 1958 году.

В своей работе Х. Перельман выделяет риторику, теорию аргументации и логику ценностных суждений не на основе поиска истины, а на основе выбора предпочтения, добровольного принятия аргумента. Он считает, что риторика не должна опираться на формальную логику, так как её предметом является не истина, но мнение, а мнение индивидуально и основано на системе ценностей личности. Поэтому оценка, какая бы она ни была – прагматическая, эмоциональная, этическая, эстетическая, относительная, абсолютная, критически обоснованная, нормативная, положительная или отрицательная, – отображает факт установления ценности и значимости для индивида какого-либо события, явления [Федосеева: 36].

Одной из важных особенностей неориторики является отличие её риторической аргументации от логического доказательства.

Согласно Х. Перельману, неориторика ставит во главу угла проблемы риторической аргументации, различающей между логическим доказательством и обоснованием как риторическим приемом, направленным на убеждение аудитории в верности высказываемого мнения и таким образом, привлечении аудитории на сторону адресанта, или говорящего.

Одним из основных понятий в теории неориторики является аудитория или адресат. Также прослеживается прямая зависимость друг от друга таких понятий, как аудитория и факт. В большинстве случаев именно аудитория определяет, что является фактом, а что нет.

Х. Перельман говорит о частной аудитории, определяя ее как «группу людей, на которых оратор стремится повлиять своей аргументацией» [Perelman: 19].

Адресант должен заранее прогнозировать поведение аудитории, к которой он обращается, и учитывать её интенции и культурные особенности в своём выступлении. Возможность воздействия на аудиторию во время аргументации находится в функциональной зависимости от учитываемых в ходе прогнозирования личностных качеств людей. Также стоит принимать во внимание тот факт, что каждая аудитория по-своему специфична, и поэтому требует использования особых приёмов и техники для общения с ней.

Процесс демонстрации или процесс изложения фактов, новостей (в медиадискурсе), с позиций неориторики отделен от самих демонстрируемых фактов, то есть демонстрация не означает, что говорящий предъявляет аудитории объективные истины, поскольку на всём протяжении развития человечества объективные факты и истины так часто менялись, что следует быть осторожной при подходе к понятию объективности [Perelman: 33].

Следующей важной особенностью неориторики для современного медиадискурса является необходимость для оратора убедить аудиторию согласиться с ним. Согласие аудитории с говорящим становится важнейшей целью. Когда истина заменяется мнением, факт становится зависимым от мнения, и, следовательно, только согласие аудитории с говорящим помогает ему оставаться в определённом статусе и продолжать общение с нею.

Будет ли достигнуто согласие, во многом зависит от языковых средств и стилистических приемов в аргументации.

Ещё одна характерная черта неориторики состоит в том, что с помощью риторических аргументов говорящий (пишущий) может формировать структуру реальности в соответствии со своей интенцией, то есть производить факты, выгодные ему.

Идеи неориторики соотносятся с идеей технологичности дискурса, поскольку они раскрывают осознанные способы оказания воздействия на адресата [Федосеева: 40].

Современный медиадискурс в рамках неориторики всё чаще обретает признаки не объективного отражения реальности, а её конструирования. При этом факты становятся медиафактами, в основу классификации которых положены как сам источник информации, так и степень его надёжности и очевидности. И именно это создает условия для изучения медиадискурса с позиции критической лингвистики.

Список литературы

1. *Анненкова И.В.* Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект) [Текст] : автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.10, 09.00.13 / И.В. Анненкова. – М., 2012. – 60 с.
2. *Волков А.А.* Основы русской риторики. - М.:Издание филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 344 с.
3. *Михальская А.К.* Основы риторики. 10-11 кл.: Учебник для общеобразоват. учреждений. – 2-е изд., с измен. – М.: Дрофа, 2001. – 496 с.
4. *Рождественский Ю.В.* Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.
5. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. – М.:Добросвет, 1997. – Изд. 2-е, исправленное. – 482 с.
6. *Тюпа В.И.* Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
7. *Федосеева Е.В.* Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации) [Электронный ресурс] : дисс. ... кандидата филологических наук / Е. В Федосеева. – Красноярск : СФУ, 2016.
8. *Perelman, Ch.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation [Text] / Ch. Pe-relman, L. Olbrechts-Tyteca. – London: University of Notre Dame Press, 1969. – 566 p.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Е.В. Асмолова, М.А. Волхонская, С.С. Терехова
РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
НАРОДОВ УРАЛА В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА
«СЕРДЦЕ ПАРМЫ, ИЛИ ЧЕРДЫНЬ - КНЯГИНЯ ГОР»

Ключевые слова: религиозное сознание, Алексей Иванов, Сердце Пармы, реконструкция.

Статья посвящена принципам воссоздания религиозного сознания людей XV века в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» и его значения как сюжетобразующего элемента повествования.

E.V. Asmolova, M.A. Volkhonskaya, S.S. Terekhova
THE RECONSTRUCTION OF THE RELIGIOUS MENTALITY
OF THE URAL'S PEOPLES IN ALEXEY IVANOV'S NOVEL
"SERDTZE PARMYI, ILI CHERDYN – KNYAGINYA GOR"
Keywords: the religious mentality, Alexey Ivanov, Serdtze Parmyi (The Parma Heart), reconstruction.

The article is devoted to the main principles of the recreation of the religious mentality of people in the XV-th century in Alexey Ivanov's novel "Serdtze Parmyi ili Cherdyn – knyaginya gor". The meaning of this mentality as the plot point of the narration is described.

Е.В. Асмолова, С.С. Терехова
РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ НАРОДА В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА
Ключевые слова: Пантелеймон Романов, религия, религиозное сознание.

Одна из главных причин растущего интереса к творчеству П. Романова в наши дни заключается прежде всего в его внимании к психологии человека переломной эпохи. Автор воспроизводит психологический портрет человека начала XX столетия во всех его проявлениях. Писатель показывает человека, который утрачивает прежние духовные ориентиры, традиции и, не обретая новых, отстаивает перед миром и собой мелкие, ничтожные жизненные интересы.

E.V. Asmolova, S.S. Terekhova
THE RELIGIOUS MENTALITY OF PEOPLE
IN THE ARTISTIC WORLD OF PATELEIMON ROMANOV
Keywords: Panteleimon Romanov, a religion, a religious mentality.

One of the main reasons of the growing interest to P. Romanov's work nowadays is first of all, his attention to the human psychology in the turning-point era. The author reproduces a psychological portrait of a human being of the beginning of the XX-th century in all his existences. The writer shows the man, who while losing his previous spiritual orients, traditions and not finding the new ones, defends before the world and before himself petty, contemptible living interests.

К.Д. Даулетукаева, Т.Б. Джамбекова
ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ КОНЦЕПЦИЯ И
ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ЧЕЧЕНСКОГО
ПИСАТЕЛЯ И ПОЭТА НУРДИНА МУЗАЕВА

Ключевые слова: историко-литературный процесс, жанр, художественное творчество, писатель, образ, произведение. Статья рассматривает особенности художественного творчества чеченского поэта, писателя Нурдина Музаева. Актуальность и новизна исследования объясняются малоизученностью духовного наследия писателя, значимостью Н.Д. Музаева в историческом и литературном прошлом чеченского народа, которое формирует художественные принципы и творческие ориентиры в будущем и настоящем.

K.D. Dauletukaeva
A VARIOUS SYSTEM AND GENRE VARIETY OF ARTISTIC
CREATIVITY OF THE CHECHEN WRITER
NURDIN MUZAEV
Keywords: historical and literary process, genre, art, writer, image, work.

The article considers the features of the artistic work of the Chechen poet and writer Nurdin Muzayev. The relevance and novelty of the study are explained by the poorly studied spiritual heritage of the writer, the importance of N.D. Muzayev in the historical and literary past of the Chechen people, which forms artistic principles and creative landmarks in the future and present.

И.Г. Кульсарина, Л.А. Пермякова,
САКРАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСТВЕННОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: сакрализация, Вечная Женственность, русская литература, мифопоэтика.

В статье рассматривается категория сакральности в философских трудах и художественных текстах. Феномен сакрализации женственности анализируется в мифопоэтическом аспекте на материале произведений русской литературы (начиная с древнерусской и до современности); привлечены также образцы региональной литературы (А.Генатулин, П.Храмов и др.).

I.G. Kulsarina, L.A. Permyakova
THE SACRALISATION OF WOMANHOOD IN RUSSIAN
LITERATURE
Keywords: sacralisation, eternal womanhood, Russian literature, mythopetic.

The article deals with the category of sacredness in philosophical works and fiction. The phenomenon of the sacralisation of womanhood is analyzed in mythopoetic aspect based on the works of Russian literature (from ancient Russian to modern times); the samples of regional literature are also involved (A. Genatulin, P. Khramov etc.).

К.В. Ризаева
ЗАИМСТВОВАНИЕ, ПОДРАЖАНИЕ, ТРАДИЦИЯ В
ТВОРЧЕСТВЕ М.Н. АЛЬБОВА

Ключевые слова: М.Н. Албов, ученическое подражание, заимствование, влияние, сходство, традиция.

В статье выявлены случаи заимствования и подражания в раннем творчестве известного в свое время писателя М.Н. Альбова. Показана специфика таких приемов, как повторение и варьирование сюжетной ситуации, использование имени героев известных произведений. В рассказе позднего периода указаны приметы использования приемов, традиционных для русской классической прозы XIX века.

K.V. Rizaeva
BORROWINGS, IMITATION, TRADITION IN M. N.
ALBOV'S WORKS
Keywords: M.N. Albov, student imitation, borrowing, influence, similarity, tradition.

The article reveals the cases of borrowing and imitation in early work by M. N. Albov, a well-known writer in his time. Repetition and variation of plot, using the names of famous personages are displayed. The approach to traditional Russian classical prose is illustrated in the story of later period.

А.А. Файзрахманова, К.О. Козлова
 ОБ УТОПИЧЕСКИХ МОТИВАХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ
 М.А. БУЛГАКОВА

Ключевые слова: утопические мотивы, М.А. Булгаков, очерк, фельетон.

Статья посвящена осмыслению публицистического творчества М. Булгакова. В работе представлен анализ московских очерков писателя, проведённый в свете утопических мотивов, характерных для послереволюционной российской действительности.

М.Ю. Шиманская
 МОРТАЛЬНЫЙ КОД В РАССКАЗЕ Л. УЛИЦКОЙ
 «AQUA ALLEGORIA»

Ключевые слова: Л. Улицкая, душа, мортальный код, танатопэтика, бабочка.

Статья посвящена анализу рассказа Л. Улицкой «Aqua allegoria» в контексте реализации мортального кода. Основной формой художественной репрезентации мортального кода в тексте писательницы служит хронотоп, ольфакторная система знаков, а также образы бабочки, яблока, окна и др. Обращение к танатологической семантике художественного мира Улицкой – возможность постижения мировоззренческих концепций автора.

М.А. Камалов, Г.Р. Рашидова
 ВОЗДЕЙСТВИЕ СМИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Ключевые слова: Пресса, электорат, воздействие, выборы, власть.

Статья посвящена проблемам взаимодействия на современном этапе власти и подконтрольных органам власти СМИ, влиянию современных средств массовой информации на поведение регионального электората. Авторы статьи показывают на примерах, насколько воздействие СМИ может зависеть от того, как аудитория воспринимает субъект воздействия, т.е., ту или иную газету или аудиовизуальный канал и насколько понимает, в чьих интересах данное воздействие конкретно осуществляется.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Ф. Усманов, Р.Э. Сафаров,
 В.Д. Чистонов, Ф.Б. Рахматова, В.А. Перминова,
 Р.Н. Норматов, Б.С. Фаткуллин

ВКЛАД ПИСАТЕЛЯ, ЖУРНАЛИСТА Р.Б. АХМЕДОВА В
 РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И СПОРТИВНОЙ
 ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА

Ключевые слова: журналист, лекарственные растения, траволечение, медицинские работники, врачи.

Писатель, переводчик, журналист, сценарист, травник Рим Биалович Ахмедов (1933 — 2017) написал три уникальных книги по траволечению, рассказы о лекарственных растениях Башкортостана, которые обладают целебным эффектом. Его книга «Одольень—трава» выходила шесть тиражей в издательстве «Kitap» и до сих пор пользуется большим спросом у медицинских и спортивных работников.

Г.А. Магомедов, М.З. Мамаева
 МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Ключевые слова: Телевидение, пресса, манипуляция, аудитория, власть.

Статья посвящена проблемам манипуляции в современных региональных СМИ. В ней приведены наиболее часто встречающиеся на практике методы воздействия на аудиторию. Объектом исследования является практический материал опубликованный в современных дагестанских СМИ.

Л.Р. Бакирова, Л.У. Бикмаева, И.И. Файзуллина
 МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ
 ЛЕКЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ
 ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. КУЛЬТУРА РЕЧИ»

Ключевые слова: лекционное занятие, русский язык, методика проведения, профессиональная деятельность.

А.А. Faizrakhmanova, K.O. Kozlova
 THE UTOPIAN MOTIFS IN MIKHAIL BULGAKOV'S
 PUBLICISTIC WORKS

Keywords: utopian motifs, Mikhail Bulgakov, sketch, satirical article.

The article centers on the interpretation of Mikhail Bulgakov's publicistic works. It represents the analysis of the writer's Moscow sketches in view of the utopian motifs, typical of the post-revolutionary life in Russia.

M.Y. Shimanskaya
 MORTAL CODE IN L. ULITSKAYA'S SHORT STORY
 «AQUA ALLEGORIA»

Keywords: L. Ulitskaya, soul, mortal code, thanatopoetics, butterfly.

The article is devoted to the analysis of the story of L. Ulitskaya "Aqua allegoria" in the context of the realization of the mortal code. The main form of the artistic representation of the mortal code in the writer's text is the chronotope, olfactory system of signs and the images of the butterfly, the apple, the window, etc. The appeal to the thanatological semantics of the art world of Ulitskaya is an opportunity of comprehension of the author's worldview concepts

M.A. Kamalov, G.R. Rashidova
 MEDIA IMPACT ON ELECTORAL BEHAVIOR

Keywords: Press, electorate, impact, elections, power.

The article is devoted to the problems of interaction at the present stage of power and media controlled by the authorities, the influence of modern media on the behavior of the regional electorate. The authors of the article show by examples how the impact of the media can depend on how the audience perceives the subject of the impact, i.e., a particular newspaper or audiovisual channel, and how much they understand in whose interests this influence is specifically carried out.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.F. Usmanov, R.E. Safarov,
 V.D. Chistonov, F.B. Rakhmatova, V.A. Perminova,
 P.N. Normatov, B.S. Fatkullin

CONTRIBUTION OF THE WRITER, JOURNALIST RB
 AHMEDOVA IN THE DEVELOPMENT OF MEDICAL AND
 SPORTS JOURNALISM OF BASHKORTOSTAN

Keywords: journalist, medicinal plants, herbal medicine, medical workers, doctors.

Writer, translator, journalist, screenwriter, herbalist Rim Bilalovich Akhmedov (1933 - 2017) wrote three unique books on herbal medicine, stories about medicinal plants of Bashkortostan that have a healing effect. His book "Gone Grass" was published in six editions by the publishing house "Kitap" and is still in great demand among medical and sports workers.

G.A. Magomedov, M.Z. Mamaeva
 MANIPULATIONS IN MODERN MEDIA

Keywords: Television, press, manipulation, audience, power.
The article is devoted to the problems of manipulation in modern regional media. It provides the most commonly encountered in practice methods of influencing the audience. The object of the study is practical material published in modern Dagestan media.

L.R. Bakirova, L.U. Bikmaeva, I.I. Faizullina
 METHODOLOGICAL ASPECTS OF ORGANIZING A
 LECTURE SESSION ON THE SUBJECT "RUSSIAN
 LANGUAGE IN BUSINESS DOCUMENTATION.
 CULTURE OF SPEECH»

Keywords: lecture session, Russian language, methods of

В данной статье рассматриваются методические приемы организации лекционного занятия по дисциплине «Русский язык в деловой документации. Культура речи», при изучении которой возникает необходимость дифференцировать содержание и методику преподавания в соответствии с профилем специализации и характером предстоящей работы специалиста. Приведенные в работе формы организации лекционного занятия способствуют активной познавательной деятельности обучающихся, их размышлению, сравнению, поиску, приобретению и применению новых знаний.

Л.Ш. Мигранова
О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ
СЛОВАРЕ-КОММЕНТАРИИ

Ключевые слова: писательская лексикография, лингвокультурологический словарь-комментарий, концептуальная картина мира, языковая картина мира, языковые единицы, национально-культурные смыслы.

В статье рассматривается обшая концепция лингвокультурологического словаря-комментария. Обосновывается актуальность создания такого словаря как способа изучения лексической системы художественного произведения, особенностей языка писателя, интерпретирования текста с учетом культурно-исторического контекста. В словаре-комментарии сочетаются лингвистические сведения о языковой единице с культурной информацией.

Е.Н. Рядчикова, А.А. Немыка, Е.Н. Рожик
ТЕРМИН «СЛОВЕСНОСТЬ» И ПОНЯТИЕ «СЛОВЕСНИК»:
МЕТАЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: терминология, лексикография, прагматика, художественный дискурс, словесность, словесник, языковая личность, метаязык.

В статье рассматривается функциональный и прагматический потенциал лингвистического термина «словесник» и понятия «словесность» в рамках современной языковедческой парадигмы. Особое внимание уделяется изучению особенностей языковой личности словесника в аспекте коммуникативной прагматики и их реализации в текстах художественных произведений. Использование методов дефиниционного, семантического и контекстуального анализа позволило систематизировать понятийный аппарат, связанный с изучаемой сферой лингвистической прагматики и аксиологии.

Т.С. Соколова
ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И СЛОВНЫХ ДЕРИВАТОВ

Ключевые слова: пословицы, паремология, утро – день – вечер – ночь, сутки

В работе представлены результаты исследования русских пословиц в аспекте отражения в них сущностных представлений народа о времени суток. Новизну работы составляет выявленная корреляция между содержанием паремий и дериватами словообразовательных гнезд с вершинами день, ночь, утро, вечер.

О.И. Шарафутдинова, В.И. Поповская
ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ
НОРМЫ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: Русская правда, линейный текст, гипертекст, условные конструкции.

В работе анализируется ведущий принцип текстовой организации древнерусской и современной нормы права на примере статей, фиксирующих нормы наследования. Делается вывод о трансформации текста линейной организации в разветвленную гипертекстовую систему.

conducting, professional activity.

This article discusses the methodological methods of organizing a lecture session on the subject "Russian language in business documentation. Culture of speech", in the study of which there is a need to differentiate the content and methodology of teaching in accordance with the profile of specialization and the nature of the upcoming work of the specialist. The forms of organization of the lecture session given in the work contribute to the active cognitive activity of students, their reflection, comparison, search, acquisition and application of new knowledge.

L.Sh. Migrantova
ON A LINGOCULTURAL GLOSSARY AND COMMENTARY

Keywords: writer's lexicography, lingocultural glossary and commentary, conceptual worldview, linguistic worldview, linguistic units, national and cultural meanings.

The article deals with the general notion of a lingocultural glossary and commentary. The author substantiates the topicality of compiling such a glossary as a way to study the lexical system of a work of fiction and peculiarities of a writer's language as well as to interpret a text taking into consideration a cultural and historical context. In a glossary and commentary, linguistic data of a linguistic unit combine with cultural information about it.

E.N. Ryadchikova, A.A. Nemyka, E.N. Rozhik
THE TERM "SLOVESNOST" AND THE CONCEPT
"SLOVESNIK": METALANGUAGE ASPECT

Keywords: terminology, lexicography, pragmatics, artistic discourse, literature, slovesnost, slovesnik, language personaliry, metalanguage.

The article deals with the functional and pragmatic potential of the linguistic term "slovesnik" and the concept of "slovesnost" in the framework of the modern linguistic paradigm. Special attention is paid to the study of the peculiarities of the language personality of "slovesnik" in the aspect of communicative pragmatics and their implementation in the texts of artistic works. The use of methods of definitional, semantic and contextual analysis allowed us to systematize the conceptual apparatus associated with the studied sphere of linguistic pragmatics and axiology.

T.S. Sokolova
THE EXPERIENCE OF A COMPARATIVE STUDY OF
RUSSIAN PROVERBS AND WORD DERIVATIVES

Keywords: proverbs, paremiology, utro-den-vecher-noch, day.

The paper presents the results of a study of Russian proverbs in the aspect of reflecting in them the essential ideas of the people about the time of day. The novelty of the work is the revealed correlation between the content of paremiias and derivatives of word-building family with peaks den, noch, utro, vecher.

O.I. Sharafutdinova, V.I. Popovskaya
FEATURES OF THE TEXT LEGAL ORGANIZATION:
DIACHRONIC ASPECT

Keywords: Russian truth, linear text, hypertext, conditional constructions.

The paper analyzes the leading principle of textual organization of Old Russian and modern norms of law on the example of articles fixing norms of inheritance. It is concluded that the text of linear organization is transformed into a ramified hypertext system.

Н.П. Андреева, Г.П. Терентьева, Е.В. Тихонова
МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕКСТАХ ПО
РЕКЛАМЕ

Ключевые слова: метафорический перенос, метафора, терминологическая метафора, рекламная деятельность.

Статья рассматривает терминологическую метафору, используемую в специализированных сферах рекламной деятельности. Терминологическая метафора является эффективным средством обработки профессиональных знаний. Цель работы связана с поисками метафор и выявлением причин частого использования терминологических метафор в текстах по рекламе на английском языке. Методом сплошной выборки были отобраны примеры и была предпринята попытка их толкования.

И.А. Бекин
ПРОБЛЕМА ПОЛИФОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ
ШВЕЙЦАРСКОЙ ДРАМЕ (НА ПРИМЕРЕ
ПЬЕСЫ Л. ЛИНДЕРА «ЧЕЛОВЕК В ВАННЕ, ИЛИ КАК
СТАТЬ ГЕРОЕМ»)

Ключевые слова: поликультурное пространство, национальная идентичность характера, современная драма, кафкианство, маленький человек.

В статье рассматривается проблема полифонии в пьесе Лукаса Линдера «Человек в ванне», исследуются литературные аллюзии, обрисовывается краткая история литературы, в частности, драматургии в Швейцарии, а также анализируются центральные мотивы, композиция и литературные приёмы, используемые в пьесе. Пьеса рассказывает о жизни Альберта Вегелина, который вскоре после расставания с подругой отказывается от еды, таким образом сводя на нет собственное существование.

Д.В. Буц
АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЛЬЗА И ВРЕД

Ключевые слова: английский язык, англицизмы, заимствования, иноязычные слова, лингвистический запас.

В данной статье рассматривается проблема влияния англицизмов на русский язык, их положительное и отрицательное воздействие на развитие современного русского языка. В статье раскрывается понятие «англицизмы», приводятся причины заимствований, дается обоснование использования иноязычных заимствований. Статья содержит примеры использования англицизмов в различных сферах человеческой деятельности российского языкового континуума.

Е.И. Горшкова
НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ВЕБ-САЙТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Ключевые слова: Интернет-коммуникации, рекламный текст, туризм.

В данной статье рассматриваются рекламные тексты вебсайтов, посвященные туризму, и выделяются основные лексико-стилистические особенности этих текстов.

Е.А. Зудова, А.А. Казаков, Е.Г. Ножевникова
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРИ ОГРАНИЧЕННОМ
ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: лингвонарратология, повествование от третьего лица, ограниченный нарратор, референциальный выбор, метафорическая модель.

Актуальной областью изучения современной лингвонарратологии является установление характерных особенностей типов повествования в рамках традиционного разграничения на основании «лица» повествователя. В настоящей статье рассматривается ряд отличительных характеристик ограниченного повествования от третьего

N.P. Andreeva, G.P. Terentyeva, E.V. Tikhonova
TERMINOLOGICAL METAPHORS IN ADVERTISING
TEXTS

Keywords: metaphorical transfer, metaphor, terminological metaphor, advertising activity.

This article deals with the terminological metaphors used in specialized language of advertising. Terminological metaphor is an effective means of special knowledge processing, thereby determining the relevant research in this field. The purpose of this paper is to search, classify and identify the causes for frequent use of terminological metaphors in texts. The examples are selected to have a metaphorical shift on the basis of several criterias and it is explained with the help of semantic analysis in order to present metaphorical interpretation.

I.A. Bekin
THE PROBLEM OF POLYPHONY IN CONTEMPORARY
SWISS DRAMA (IN LUKAS LINDER'S PLAY "DER MANN
IN DER BADEWANNE ODER WIE MAN EIN HELD WIRD")

Keywords: polyphony, national identity, contemporary drama, kafkaesque, little man.

The article tackles a play „Der Mann in der Badewanne oder wie man ein Held wird“ by a contemporary Swiss playwright Lukas Linder. It gives a brief overview of Swiss literature, drama and their influences; analyzes central motifs, structure and tropes of the play under consideration. The play follows the life of Albert Wegelin, who, after his girlfriend leaves him, gradually stops eating, and in doing so slowly reduces himself to a shadow of a human being.

D.V. Buts
ANGLICISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE
BENEFITS AND HARMS

Keywords: English, anglicisms, borrowings, foreign words, linguistic reserve.

This article discusses the problem of the influence of anglicisms on the Russian language, their positive and negative impact on the development of the modern Russian language. The article reveals the concept of the «anglicism», provides reasons for borrowing, provides a rationale for the use of foreign borrowing. The article contains examples of the use of anglicisms in various spheres of the human activity of the Russian language continuum.

E.I. Gorshkova
SOME LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF ADVERTISING
TEXTS OF ENGLISH WEBSITES IN TOURISM

Keywords: Internet communication, advertising text, tourism
This article discusses the advertising texts of tourism websites and highlights the main lexico-stylistic features of these texts.

E.A. Zudova, A.A. Kazakov, E.G. Nozhevnikova
THIRD PERSON LIMITED NARRATION: STRUCTURAL,
SEMANTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE
TEXT (BASED ON CONTEMPORARY ENGLISH FICTION)

Keywords: linguonarratology, third person narration, limited narrator, referential choice, metaphoric model.

Contemporary linguonarratology pays special attention to establishing features, distinguishing different types of narration, especially among the ones traditionally united by the “person” of the narrator. The present article is dedicated to the description of unique characteristics of the third person limited narration, in particular the peculiarities of referential choice, the role of syntactic repetitions and metaphoric transfer patterns.

лица; описывается роль референциального выбора, сочетания и трансформации метафорических моделей, анафорического и эпифорического повторов.

Е.В. Комлева

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: перцептивность, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле, конститuent поля, репродуктивный текст.

В статье поднимается круг вопросов, связанных с выражением перцептивности в тексте. При этом в статье обосновывается определение перцептивности как функционально-семантической категории, передающей значение восприятия человеком внешнего мира. Передача данного значения в речи осуществляется лексико-грамматическими средствами, образующими функционально-семантическое поле перцептивности. От участия ядерных или периферийных элементов поля в выражении перцептивного значения зависит возможность передачи позиций непосредственного и опосредованного наблюдения.

Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева, Е.А. Линева, Т.Г. Юсупова
АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: Библия, этимология, библейское происхождение, пословица, первоисточник.

Значительная часть английских пословиц интуитивно определяется носителями языка как народные, на самом деле они имеют библейское происхождение. В статье предпринята попытка рассмотреть один из самых продуктивных источников происхождения английских пословиц и выяснить способы вхождения библейских изречений в английский разговорный язык.

Т.Е. Краутман

ОСНОВЫ ТЕХНИКИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: текст закона, техника перевода, юридическая терминология, юридические грамматические конструкции.

Статья посвящена изучению техники перевода текста закона с английского языка на русский. Выделяются основные принципы переводческой деятельности. Анализируется текст законов острова Мэн и Турецкой Республики с точки зрения особенностей употребления юридических понятий, юридических грамматических конструкций, терминов и штампов.

М.А. Кузина

РОЛЬ ЭКЗОТИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТЕРРОРИЗМЕ: НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РОМАНА

Ключевые слова: заимствование, ассимиляция, экзотизм, стереотипизация, мультикультурная литература.

Анализ экзотической лексики в тексте романа А.Т. Нваубани «Похороненная под баобабом» (2018) показывает не только её роль в создании хронотопа художественного произведения, но и её оценочно-характеризирующую функцию, в частности, при описании терроризма.

О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова
СИНОНИМИЯ И АНТОНИМИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Ключевые слова: синтаксический уровень; порядок слов; синонимы; антонимы; структурный уровень.

В статье раскрывается проблема существования синонимов и антонимов на уровне синтаксиса, которые в традиционной лингвистике являются лексическими категориями.

E.V. Komleva

TO THE QUESTION OF THE TEXT IMPLEMENTATION OF THE LEXICAL-GRAMMATICAL ASPECTS OF PERCEPTIVITY (ON MODERN GERMAN)

Keywords: perceptivity, functional-semantic category, functional-semantic field, constituent field, reproductive text.

The article raises a range of issues related to the expression of perceptivity in the text. Moreover, the article substantiates the definition of perceptivity as a functional-semantic category that conveys the meaning of human perception of the external world. The transmission of this value in speech is carried out by lexical-grammatical means, forming a functional-semantic field of perceptivity. The possibility of transmitting direct and indirect observation positions depends on the participation of nuclear or peripheral field elements in the expression of perceptual value.

E.G. Kotova, E.B. Saveleva, E.A. Lineva, T.G. Yusupova
ENGLISH PROVERBS OF BIBLICAL ORIGIN

Keywords: Bible, etymology, biblical origin, proverb, primary source.

A significant part of English proverbs are intuitively identified by native speakers as folk ones, in fact they are of biblical origin. The article attempts to examine one of the most productive sources of the origin of English proverbs and to find out the ways of entering biblical sayings into the English spoken language.

T.E. Krautman

BASICS OF THE TECHNIQUE OF TRANSLATION OF THE TEXT OF LAW FROM ENGLISH TO RUSSIAN

Keywords: text of the law, translation technique, legal terminology, legal grammatical constructions.

The article is devoted to the study of the technique of translating the text of the law from English into Russian. The basic principles of translation activity are highlighted. The text of the laws of the Isle of Man and the Republic of Turkey is analyzed in terms of the features of the use of legal concepts, legal grammatical constructions, terms and stamps.

M.A. Kuzina

ROLE OF EXOTIC LOANWORDS IN REPRESENTING THE PHENOMENON OF TERRORISM IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MULTICULTURAL NOVEL

Keywords: loanword, assimilation, exoticism, stereotyping, multicultural literature.

The analysis of the exotic loanwords employed by A.T. Nwaubani in the novel "Buried Beneath the Baobab Tree" (2018) testify to the fulfillment of the two functions by them: representing the chronotope of the literary discourse and evaluating the described phenomena, for instance, modern terrorism.

O.N. Poddubskaya, S.G. Larina, A.V. Sakharova
SYNONYMY AND ANTHONYMY AT THE SYNTACTIC LEVEL (BASED ON THE MATERIAL OF LITERARY TEXTS IN ENGLISH)

Keywords: syntactic level; word order; synonyms; antonyms; structural level.

The article reveals the problem of the existence of synonyms and antonyms which are lexical categories in traditional linguistics at the syntax level. Theoretical material presented in the article is

Представленный в статье теоретический материал иллюстрируется примерами из англоязычной художественной литературы.

М.В. Салтыкова, М.В. Биянова, М.А. Кропачева,
Е.С. Литвинова, О.В. Ельцова

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАНАЛОВ
ИНТЕРНЕТ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ
ПРОФИЛЕЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Ключевые слова: разговорная лексика английского и немецкого языков, образовательные Интернет каналы, обучение студентов языковых профилей.

В работе рассматриваются возможности использования образовательных Интернет-каналов при обучении студентов языковых профилей разговорной лексике. Авторы анализируют некоторые образовательные каналы на Youtube, в Instagram, образовательные сайты института имени Гете.

А.А. Смирнов, С. С. Шумбасова

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В
СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, национально-культурный компонент, картина мира, английский язык.

Статья посвящена исследованию фразеологии с позиций когнитивного подхода. В ней рассматриваются лингвокультурологические особенности фразеологических единиц английского языка на примере фразеологизмов с национальным компонентом и компонентом-зоонимом. Фразеологизм представляет собой культурный концепт, в котором отражена национальная картина мира. Авторы обосновывают целесообразность применения принципов когнитивизма к изучению фразеологической системы английского языка.

Л. Г. Юсупова

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвистическая мысль, культура, язык, метафоризация, полисемия.

Данная статья посвящена вопросам перехода от изучения языка как такового, представляющего собой закрытую систему, к языку, с одной стороны, находящемуся в тесном переплетении с культурой, историей и традициями человека как представителя конкретной социальной общности, а с другой – к языку индивида как продукту индивидуального опыта человека. В статье представлен анализ природы феномена антропоцентризма с точки зрения российских и зарубежных лингвистов. Следует подчеркнуть особую важность лингвистических исследований в аспекте формирования антропоцентрической парадигмы. Автор отмечает, что исследования антропоцентрической парадигмы ведут к активному изучению человека, языка и культуры как единого целого. Следуя данной парадигме, мы можем проследить следующие виды взаимодействия:

- язык, отражающий культуру народа и определенная форма культурного поведения;
- культура, передающая своеобразие общественно-исторических условий и специфика культурной жизни;
- носитель языка и культура.

Л. Г. Юсупова

ПРИРОДА ФЕНОМЕНА ПОЛИСЕМИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: полисемия, метонимическое значение, метафорическое значение, семантический компонент, лексическая универсалия.

Данная статья посвящена полисемии, которая является лингвистической универсалией и интерпретируется не как некий перечень семантически связанных фиксированных значений, а скорее как единица сознания, являющаяся

illustrated by the examples from English fiction.

M.V. Saltykova, M.V. Biyanova, M.A. Kropacheva,
E.S. Litvinova, O.V. Eltsova

**EDUCATIONAL INTERNET RESOURCES IN TEACHING
CONVERSATION VOCABULARY TO STUDENTS
MAJORING IN FOREIGN LANGUAGES**

Keywords: conversation vocabulary of English and German languages, educational Internet resources, teaching students majoring in foreign languages.

This paper presents the ways of using educational Internet resources in teaching conversation vocabulary to students majoring in foreign languages. Such educational resources as Youtube, Instagram, educational sites of Goete Institute are analysed.

A.A. Smirnov, S.S. Shumbassova

**NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN THE
STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE
ENGLISH LANGUAGE**

Keywords: phraseological unit, concept, national and cultural component, picture of the world, English.

The article is devoted to the study of phraseology from the position of a cognitive approach. It examines the linguistic and cultural features of phraseological units of the English language illustrated by phraseological units with a national component and a component-zoonym. Phraseologism is a cultural concept that reflects the national picture of the world. The authors substantiate the appropriateness of applying the principles of cognitivism to the study of the phraseological system of the English language.

L. G. Yusupova

**ANTHROPOCENTRIC ATTITUDES IN LINGUISTIC
RESEARCH**

Keywords: anthropocentrism, linguistic thought, culture, language, metaphorization, polysemy.

This article focuses on the transition from language learning as such, which is a closed system, the language, on the one hand, are closely interwoven with culture, history and traditions of man as the representative of a particular social community, and on the other to the language of the individual as the product of individual experience. The article presents an analysis of the nature of the phenomenon of anthropocentrism from the point of view of Russian and foreign linguists. It is necessary to emphasize the special importance of linguistic research in the aspect of forming an anthropocentric paradigm. The author notes that the research of the anthropocentric paradigm leads to an active study of man, language and culture as a whole. Following this paradigm, we can trace the following types of interaction:

- language that reflects the culture of the people and a certain form of cultural behavior;
- culture that conveys the uniqueness of socio-historical conditions and the specifics of cultural life;
- native speaker and culture.

L.G. Yusupova

**THE NATURE OF THE POLYSEMY PHENOMENON IN
LINGUISTICS**

Keywords: polysemy, metonymic meaning, metaphorical meaning, semantic component, lexical universal.

This article is devoted to polysemy, which is a linguistic universal and is interpreted not as a list of semantically related fixed values, but rather as a unit of consciousness that is the result of the complex nature of human activity, understanding its

результатом комплексного характера человеческой деятельности, осмысления его субъективного и коллективного опыта. В статье представлен подробный анализ природы феномена полисемии с точки зрения российских и зарубежных лингвистов. Следует подчеркнуть особую важность инферентной (выводной) информации в ходе функционирования значений в условиях их контекстуальных употреблений, не говоря уже о развитии новых значений в структурах многозначных слов. Полисемия служит языковой экономии, поскольку вряд ли возможно представить, чтобы каждое отдельное значение в языке обозначалось отдельным словом. Автор отмечает, что распознавание полисемии, в частности метонимических и метафорических значений, осуществляемое в самых высших третичных отделах головного мозга, по всей видимости, носит врожденный характер.

Л.И. Василькова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТЕ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Ключевые слова: политическая метафора, политический дискурс, манипуляция, речевое воздействие.

Статья посвящена изучению манипулятивного воздействия политических метафор в тексте новостных сообщений и содержит анализ основных разрядов политической метафоры на основе примеров, отобранных из украиноязычных СМИ.

Л.И. Василькова

АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «УКРАИНСКИЙ КРИЗИС – ЭТО ВОЙНА» КАК ЧАСТНОГО СПОСОБА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Ключевые слова: метафорическая модель, манипуляция, политика «двойных стандартов», политический дискурс.

Статья содержит структурный анализ метафорической модели «Украинский кризис – это война», исходной областью для которой выступили кризисные события на Украине 2014-2016 гг. Материалом для отбора примеров послужили тексты украиноязычных СМИ.

Т.Ф. Ерина, И.В. Уварова

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: медицинская терминология, латинский язык, компетенции, активные методы обучения.

Компетентное владение специализированным языком медицинской профессии оценивается навыками владения современными технологиями в области медицинской практики. Изучение латинского языка и основ медицинской терминологии закладывают фундамент для последующего изучения медицинской терминологии. Применение активных методов обучения способствует формированию компетенций в области латинского языка, являющихся основой для последующего использования системы знаний по предметам специальности студентами-медиками.

Г.С. Сатаева

ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: речевая коммуникация, категория оценки, личные отношения, коммуникативный подход, регулятор личных отношений.

Автор статьи доказывает мысль, что важнейшим определителем и регулятором личных отношений является категория оценки. Приводится коммуникативная типология оценки и описываются способы ее реализации в речевой коммуникации. Предлагается коммуникативный подход к исследованию природы категории оценки.

subjective and collective experience. The article presents a detailed analysis of the nature of the polysemy phenomenon from the point of view of Russian and foreign linguists.

It is necessary to emphasize the special importance of inferent (derivational) information during the functioning of meanings in the context of their contextual uses, not to mention the development of new meanings in the structures of polysemantic words. polysemy serves as a language economy, since it is hardly possible to imagine that each individual meaning in a language is denoted by a separate word. The author notes that the recognition of polysemy, in particular metonymic and metaphorical meanings, carried out in the highest tertiary parts of the brain, apparently has an innate character.

L.I. Vasilkova

POLITICAL METAPHOR IN NEWS REPORTS AS A MEANS OF PERSUASION (ON THE MATERIAL OF THE UKRAINIAN MEDIA)

Keywords: political metaphors, political discourse, manipulation, persuasion.

The article is devoted to the study of the manipulative impact of political metaphors in news reports and includes an analysis of the basic types of political metaphors based on the examples from the Ukrainian media.

L.I. Vasilkova

ANALYSIS OF THE METAPHORICAL MODEL “THE UKRAINIAN CRISIS IS A WAR” AS A SPECIAL MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF “DOUBLE STANDARDS” (IN THE UKRAINIAN MEDIA)

Keywords: metaphorical modelling, manipulation, the policy of “double standards”, political discourse.

The article analyzes the metaphorical model “the Ukrainian crisis is a war”. The examples describing Ukraine’s 2014-2016 crisis are selected from news reports of the Ukrainian media.

T.F. Erina, I.V. Uvarova

WAYS OF DEVELOPING TERMINOLOGY SKILLS IN TEACHING LATIN

Keywords: medical terminology, the Latin language, competences, active teaching methods.

Competent knowledge of the specialized language of the medical profession is assessed by the skills in modern technologies in the field of medicine. Studying the Latin language and the basics of medical terminology lays the foundation for the subsequent study of medical terminology. Active teaching methods contribute to the formation of competencies in the field of the Latin language, which are the basis for the subsequent use of the knowledge system in the subjects of the specialty by medical students.

G.S. Sataeva

EVALUATION CATEGORY AS A DETERMINANT OF PERSONAL RELATIONSHIPS IN DISCOURSE

Keywords: speech communication, evaluation category, personal relationships, communicative approach, regulator of personal relationships.

The author of the article proves the idea that the most important determinant and regulator of personal relationships is the evaluation category. The communicative typology of evaluation is given and the ways of its implementation in speech communication are described. A communicative approach to the study of the nature of the evaluation category is proposed.

Ф.Б. Ситдикова, А.А. Кирпичникова, Э.В. Шустова
О ПОВТОРАХ ГЛАГОЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: повторы, редупликация, глагольные повторы, полный повтор, дистантный повтор.

Статья рассматривает глагольные повторы в разговорной речи в русском и татарском языках. Выделены наиболее характерные для разговорной речи глагольные конструкции с повторами и их функции в тексте. Материалы и результаты данного исследования могут быть интересны для специалистов, занимающихся повторами и использованы в преподавании курса «Сравнительная типология» на филологических факультетах.

С.А. Якунин
НЕОРИТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ
МЕДИАДИСКУРСА

Ключевые слова: риторика, неориторика, медиадискурс, аудитория, адресат, риторические фигуры, медиафакты.

Статья посвящена изучению феномена массмедийного дискурса с позиции неориторики. Рассматриваются история возникновения неориторики как направления гуманитарного знания и её характерные особенности, наиболее значимые для понимания современного медиадискурса и оценки значимости медиатекстов. Особый акцент делается на анализ неориторики как убеждающей коммуникации.

F.B. Sitdikova, A.A. Kirpichnikova, E.V. Shustova
ON REPEATED VERBS IN CONVERSATIONAL SPEECH
(BASED ON THE MATERIAL OF THE TATAR AND
RUSSIAN LANGUAGES)

Keywords: repetitions, reduplication, verbal repetitions, full repetition, distant repetition.

The article considers verbal repetitions in colloquial speech in Russian and Tatar languages. The material for the study was fiction in these languages. The most typical verbal constructions with repetitions are highlighted. The materials and results of this study may be of interest to researches interested in this field and also be used in teaching the Comparative Typology course at the philological faculties.

S.A. Yakunin
NEORHETORIC APPROACH TO MEDIA DISCOURSE
UNDERSTANDING

Keywords: rhetoric, neo-rhetoric, media discourse, audience, addressee, rhetoric figures, media facts.

The article examines the concept of neorhetoric as seen by modern humanities. Neorhetoric is defined as a theory of argumentation with its focus on the study of discourse as action and discursive techniques of informing, persuading, enlightening, inspiring the recipient. Neorhetoric is explored as a useful tool for analyzing media discourse due to its aims and methods.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№3 2020

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 09.04.2020

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

13,2 усл.печ.л. 14,5 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 3350.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22.

Адрес издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс"

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»